

90 лет со дня рождения
доктора филологических наук
Иванова Спиридона Алексеевича

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ
ЯКУТИИ:
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ
И КУЛЬТУРНЫЕ ДИАЛЕКТЫ**

Якутск 2018

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
И ПРОБЛЕМ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЯКУТИИ: ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДИАЛЕКТЫ

Материалы Регионального круглого стола,
посвященного 90-летию доктора филологических наук,
старшего научного сотрудника ИГиПМНС СО РАН
Спиридона Алексеевича Иванова

ЯКУТСК-2018

УДК 81'282(=1.571.56–81)

ББК 81.025.7(2Рос.Яку)

Редакционная коллегия

д.филол.н. Данилова Н.И., к.филол.н. Самсонова Е.М.,

к.филол.н. Харабаева В.И.

Рецензенты

к.филол.н. Чиркоева Д.И., к.филол.н. Стручков К.Н., к.филол.н. Павлова Н.В.

Утверждено к печати Ученым советом
Института гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН

Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты. [Электронный ресурс] : сборник научных статей / [редкол. Данилова Н. И., Самсонова Е. М., Харабаева В. И.] ; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера. – Якутск: ИГИ и ПМНС СО РАН, 2018.– 136 с.

Режим доступа: <http://igi.ysn.ru/files/publicasii/Ivanov.pdf>

Сборник составлен из материалов Круглого стола «Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты», посвященного 90-летию доктора филологических наук, старшего научного сотрудника отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Спиридона Алексеевича Иванова (13 апреля 2018 г.). Статьи посвящены актуальным вопросам диалектного многообразия языков коренных народов РС(Я): особенностям территориальных диалектов и говоров, отражению диалектов в лексикографии и ономастике; социальным и культурным диалектам в условиях полиэтничности.

Издание адресовано специалистам по филологическим дисциплинам и широкому кругу читателей.

ISBN978-5-902198-38-3

© ИГИиПМНС СО РАН, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
-------------------	---

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА С.А. ИВАНОВА

<i>С.А. Иванов.</i> Изучение якутских говоров: итоги и задачи.....	6
<i>П.А. Слепцов.</i> Успешный шаг якутского языковеда-компаративиста.....	21
<i>И.Е. Алексеев.</i> Тыл баайын чинчиһитэ.....	25
<i>Г.Г. Филиппов.</i> О работе С.А. Иванова «Морфологические особенности говоров якутского языка»	28
<i>Ф.Н. Дьячковский.</i> С.А. Иванов «Саха түөлбэ тылын лиэкстикэтин уратылар» үлэтин туһунан	33
<i>И.В. Аммосова, Н.Н. Васильева, В.Д. Монастырёв.</i> Саха тылын түөлбэлэригэр монгуоллуу ханыбылаах тыллар (С.А. Иванов үлэлэринэн)	43
<i>Н.И. Данилова.</i> Диалектные явления в залоговой системе якутского языка.....	50
<i>Н.Н. Ефремов.</i> Диалектные формы глагола в якутском языке (по материалам исследований С.А. Иванова).....	55
<i>Е.М. Самсонова.</i> Диалектные расхождения в употреблении итеративных форм якутского глагола (на основе исследований С.А. Иванова)	58
<i>В.И. Харабаева.</i> Сравнительный падеж в говорах якутского языка	61
<i>И.Б. Иванова.</i> Словоформирующие форманты со значением количества	64

ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ НАРОДОВ РОССИИ

<i>С.И. Шарина.</i> Эвенская диалектология: этапы развития, перспективы.....	70
<i>Ю.М. Борисова.</i> О терминологизации диалектной лексики языка саха в лексикографических материалах 1930-40-х годов.....	78
<i>А.М. Николаева.</i> «Саха тылын түөлбэ тылын тылдытыгар» киирбит эргэрбит тыллар тустарынан	81
<i>Н.А. Свищева.</i> Глаголы бытия в «Диалектологическом словаре языка саха»	88
<i>Н.М. Васильева.</i> «Сахалыы таба суруйуу тылдытыгар» түөлбэ тыллара.....	89
<i>Е.Р. Николаев.</i> Саха анал ааттарыгар түөлбэ тылын уратыларын көстүүтэ	91
<i>О.Н. Аммосова.</i> Способы образования названий растений в диалектах якутского языка.....	94
<i>Л.В. Роббек.</i> «Саха тылын улахан быһаарыылаах тылдытыгар» түөлбэ тыллары биэри (I туом, «А» буукуба матырыйаалыгар олобуран)	97

ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РС (Я)

<i>Р.И. Васильева.</i> Основные тенденции развития этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия).....	100
<i>Т.Е. Андреева, К.Н. Стручков.</i> К вопросу о сохранении эвенкийского языка в сфере образования	105
<i>Е.Н. Романова.</i> Атлас культурных диалектов периферийных групп тюрков и тунгусов Северо-Востока Сибири: исследовательская программа и принципы	108
<i>А.С. Ларионова.</i> Вопросы музыкальных диалектов в традиционном пении якутов	112
<i>Багдарыын Ньурзун.</i> Некоторые эвфемизмы в топонимии Аллаиховского улуса (по картотеке Иванова М.С.–Багдарыын Сүлбэ)	120
<i>А.А. Кузьмина.</i> Особенности монголизмов в лексике якутского языка	122
<i>Р.П. Кузьмина.</i> Отражение концепта «снег» в паремнологических жанрах эвенского фольклора	127
<i>В.Г. Попов.</i> К этимологии слова <i>олонхо</i>	130
<i>Е.И. Оконишников.</i> Приветственный адрес к Э.К. Пекарскому в ознаменование его отъезда из Якутии в Санкт-Петербург	132

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2018 году доктору филологических наук, заслуженному ветерану СО РАН, заслуженному деятелю науки РС(Я), старшему научному сотруднику отдела якутского языка Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН Спиридону Алексеевичу Иванову исполнилось 90 лет.

С.А. Иванов – специалист в области якутской диалектологии, внесший огромный вклад в развитие языковедческой науки в республике. В написанных им четырех фундаментальных монографиях, а также многочисленных научных статьях глубокому исследованию подверглись фонетические, грамматические, лексические, исторические аспекты диалектной системы якутского языка. В российской тюркологической науке С.А. Иванов широко известен как автор «Диалектологического атласа якутского языка», на картах которого представлено территориальное распространение явлений, образующих диалектные континуумы.

В связи со знаменательной не только для юбиляра, но и в целом для гуманитарной науки республики датой, в апреле 2018 года ИГИИПМНС СО РАН организовал и провел круглый стол «Коренные народы Якутии: территориальные и культурные диалекты». Участие в работе конференции приняли коллеги-ученые из ИГИИПМНС СО РАН и СВФУ им. М.К. Аммосова. Программа круглого стола была разработана в русле концептуальной идеи о том, что любые диалектные явления в языке представляют собой не только территориальные лингвистические единицы – они тесно связаны с особенностями материальной и духовной культуры, историко-культурными традициями локальных групп народа. Исходя из этого, содержание мероприятия составили доклады и сообщения, освещающие актуальные вопросы диалектного многообразия языков коренных народов РС(Я): особенности территориальных диалектов и говоров, отражение особенностей диалектов в лексикографии и ономастике; социальные и культурные диалекты в условиях полиэтничности.

Сборник состоит из трех разделов. Раздел «Территориальные диалекты якутского языка в контексте научного творчества С.А. Иванова» посвящен оценке научного вклада юбиляра в становление и развитие различных направлений якутской диалектологии. Раздел предваряет обширная статья, в которой С.А. Иванов подвел основные итоги изучения говоров якутского языка, состояние диалектов в современных условиях и изложил свои взгляды на дальнейшие задачи их изучения. Материалы раздела посвящены также научному анализу его исследований по фонетическим, морфологическим, лексическим особенностям говоров якутского языка. Особо отмечена роль работ ученого для дальнейших сравнительно-сопоставительных исследований, проливающих свет на вопросы формирования диалектной системы якутского языка.

Содержание раздела «Особенности территориальных диалектов народов России» составили статьи, отражающие актуальные проблемы исследования диалектного разнообразия языков и их лексикографического отражения. Раздел открывается статьей С.И. Шариной, в которой на примере анализа состояния и перспектив развития эвенской диалектологии подчеркнуто значение изучения диалектов и говоров малочисленных народов Севера для максимально полного описания их языков. В остальных материалах раздела выявлена значимость диалектной лексики в семантико-стилистическом расслоении языка, проанализированы отражение различных тематических групп лексики в диалектологических словарях и взаимодействие говоров с литературным языком.

Третий раздел под названием «Этноязыковое и этнокультурное своеобразие языков народов РС(Я)» охватывает широкий спектр вопросов этноязыковой ситуации, отражения территориальных диалектов в духовной и материальной культуре народов республики. Как известно, к компонентам традиционной этнической культуры в первую очередь относится лексика, она всегда отражает особенности не только языковых, но и культурных диалектов. Исходя из этого, значительная часть раздела отведена разноаспектным статьям, посвященным анализу различных лексико-семантических и категориальных классов культурной лексики.

I. ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ДИАЛЕКТЫ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА В КОНТЕКСТЕ НАУЧНОГО ТВОРЧЕСТВА С.А. ИВАНОВА

С.А. Иванов,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

ИЗУЧЕНИЕ ЯКУТСКИХ ГОВОРОВ: ИТОГИ И ЗАДАЧИ

Как известно, важнейшие диалектные расхождения языка саха были отмечены еще в «Грамматике» О.Н. Бетлингга, но они не рассмотрены как диалектальные признаки. В то же время академик считал нужным отметить, что «Уваровский и Миддендорф также решительно утверждают, что повсюду, где они побывали, говорят на одном и том же языке. Но если присмотреться между тем поближе к спискам слов и бумагам Миддендорфа, то должны будем признать, что некоторые согласные произносятся ни везде одинаково: так, нередко вместо *ч* находим мягкое *т*, а вместо *дь* – мягкое *д*; также в некоторых районах ассимиляция согласных, кажется, не достигла того объема, как он представлен в нашей грамматике» [4, с. 68].

Еще в дореволюционное время диалектные расхождения якутского языка были зафиксированы в фольклорных записях и в дошедшем до наших дней труде «Краткое описание Верхоянского округа» И.А. Худякова, в «Грамматике якутского языка» С.В. Ястремского. А «Словарь якутского языка» Э.К. Пекарского, по мнению Е.И. Убрятовой, «... представляет собой богатейшее собрание диалектного материала» [21, с. 4]. Нужно отметить, что по своим наиболее заметным произноси-

тельными особенностям и четкой территориальной приуроченностью лабиализованные и нелабиализованные варианты произношения слов давно привлекали внимание исследователей якутского языка и его территориальных диалектов. Вышеназванное явление встречается в ограниченном количестве слов исконно тюркского, монгольского и другого иноязычного происхождения.

Лабиализованные и нелабиализованные варианты произношения слов *абырыа* ~ *обуруо* 'мелкие бусы; бисер', *хадыһа* ~ *ходуһа* 'сенокосное угодье', *элиэр* ~ *өлүөр* 'здоровый', *тэһиин* ~ *төһүүн* 'поводья' и некоторые другие известны были О.Н. Бётлингу, но они были квалифицированы им как «чередование гласных основы без объяснимых причин» [4, с. 151-152].

Первым ученым, квалифицировавшим «перемену широкого на другой широкий и узкого на другой узкий» как диалектное явление, можно считать С.В. Ястремского. Он писал: «В якутском языке есть известное число основ, гласные которых появляются в двойной форме: *аабый* = *ообуй*, *хатын* = *хотун*, *салыыр* = *солуур*, ... *сэриин* = *сөрүүн*, *мэккис* = *мөккүс*. В этом, между прочим, сказываются различия в говорах». Такую двойную форму проявления гласных С.В. Ястремский также рассматривал как «перемену, не вызванную стоящими рядом звуками» [26, с. 9].

Исследовавший в сравнительном плане законы гармонии гласных в якутском языке В.В. Радлов пришел к выводу, что обратное влияние губных гласных проявляется в якутском языке так же, как и в таранчинском (в илийском диалекте уйгурского языка – *С.И.*): *хотун* (в якутском и таранчинском) 'женщина' = древнетюркскому *хатун*; *хомус* (як.) *хомуш* (таранч.) = *камыш* (тюрк.) 'камыш'; *утуө* (як.) 'хорошо' = *эдгү* (уйгур.); но в диалектах якутского языка встречаются также формы *хатын*, *хамыс* [27, S. 4].

Смену корневого *a* гласным *o* в основах типа *хатын* – *хотун*, *салыыр* – *солуур*, *хамыс* – *хомус*, *хамый* – *хомуй* и т.п. Л.Н. Харитонов также отнес к фонетически необусловленной вариации звуков, не вызываемой влиянием соседних звуков и не объяснимой действием фонетических законов [23, с. 79].

Проблема якутского аканья и оканья в сравнительно-сопоставительном плане более подробно и глубоко рассмотрена в работе Е.И. Убрятовой «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР». Фонетическое явление аканья и оканья в говорах якутского языка в этой работе характеризуется как явление, «обусловленное историческими причинами»

[21, с. 36], и указывается, что оно «наблюдается только в ограниченном числе основ тюркского и монгольского происхождения, исторически имевших состав гласных, не соответствующий ныне действующим законам гармонии гласных якутского языка» [Там же, с. 47]. По мнению ученого «аканье» возникло в языке якутов, где сохранилось сильное влияние монгольского акцента, а именно – ударного начального слога, столь характерного для монгольских языков и, таким образом, утвердился на определенной территории «акающий» вариант произношения в основах *хатын, сарык, дайды, хатыыр*; а «оканье» установилось в языке тех, где ударение закрепилось на конце слова и, таким образом, на другой территории получил локальное развитие огубленный вариант произношения *хотун, сорук, дойду, хотуур*.

В то же время Е.И. Убрятова связывала образование якутского аканья~оканья с установлением ныне действующих законов гармонии гласных [21, с. 41].

Таким образом, проф. Е.И. Убрятова впервые в якутском языкознании, после акад. В.В. Радлова, объясняла происхождение якутского аканья~оканья комбинаторными изменениями звуков.

Наличие аканья~оканья в говорах якутского языка в своих трудах отмечали Н.К. Антонов, П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, Н.Д. Дьячковский, Е.И. Коркина, Н.Е. Петров, П.А. Слепцов и другие, которые, однако, неуклонно придерживались мнения проф. Е.И. Убрятовой. Более того, данная версия Е.И. Убрятовой не отрицается и российскими учеными, создающими «Сравнительно историческую грамматику тюркских языков» [СИГТЯ, с. 82], хотя существуют авторитетные мнения крупных ученых. К примеру, А.М. Щербак, изучив тюркский вокализм в сравнительно-сопоставительном плане, писал: «Ударение в тюркских языках является недостаточно выраженным и слабо централизующим», «... перемещение более сильного ударения с одного слога на другой практически лишено смысловозначительной функции...» [24, с. 117]. Как бы подкрепляя свое мнение, он утверждает: «Мы думаем, глубоко прав М. Граммон, указывающий, что «направление» гармонии гласных не связано с местом ударения и обусловлено исключительно той ролью, которую играет в слове корень» [Там же].

Трудно судить о характере и месте ударения того монгольского языка, из которого якутский язык перенял массу монгольских слов, в том числе основ, получивших в якутской речи двоякую огласовку. В первой четверти XX века в языке халха-монголов Б.Я. Владимирцов находит динамическое ударение, падающее на первый слог слова [5, с. 97], что, ви-

димо, имела в виду Е.И. Убрятова при объяснении происхождения якутского аканья. В начале 90-х годов видный монголист и тюрколог В.И. Рассадин допускает, что монгольские языки сначала не имели постоянно фиксированного ударения на начальном слоге слова, ударение было подвижным [19, с. 46-47]. Экспериментальное изучение фонетики современного монгольского языка показывает, что «в монгольском языке нет сильного динамического ударения, постоянно падающего на первый слог; в нем вообще нет отчетливо воспринимаемого самими носителями языка ударения, последовательно выделяющего в слове один определенный слог» [9, с. 122]. Если взять язык саха, то где бы ни находилось ударение, оно практически не имеет заметного влияния на формирование фонетического облика слова в устной речи якутов.

Иное объяснение происхождению и распространению якутского аканья и оканья дает П.П. Барашков. По его мнению, якутское «оканье, или губная гармония гласных, связано с эвенкийским произношением, ибо в эвенкийском языке сильно развито огубление гласных...» (т.е. губное притяжение – *С.И.*). «Зона распространения аканья совпадает с территорией, занятой эвенками, а зона распространения оканья – с территорией, занятой эвенками» [3, с. 26-27].

Таким образом, можно заключить, что исследователи всё-таки постепенно приближались к верному разрешению проблемы происхождения якутского аканья~оканья.

В первые годы советской власти, когда еще не существовала якутская диалектология, автор капитального труда «Ураангхай сахалар» Г.В. Ксенофонтов, по словам крупного историка, академика В.Н. Иванова «удивительно эрудированный автор», как подобает ему весьма верно зафиксировал и довольно подробно описал основные диалектальные различия говоров северных якутов – оленеводов. В результате он пришел к выводу, согласно которому «... говор оленных якутов расходится от говоров якутов-скотоводов гораздо сильнее чем последние между собой. Поэтому было бы целесообразно якутское наречие прежде всего разделять на говоры южные (скотоводов) и северные (олeneводов)» [16, с. 311-317].

Картографирование основных диалектных расхождений говоров якутского языка полностью подтверждает правомочность такого суждения Г.В. Ксенофонтова, хотя сегодня в результате проникновения признаков других говоров и нивелирующего влияния норм якутского литературного языка прежний ареал говоров оленных якутов значительно разрушен. Однако сохранились некоторые их следы, по которым вполне можно установить диалектные признаки двух древних территориальных

диалектных образований якутского языка, условно названных нами *северным диалектным ареалом* с явными архаическими чертами и *южным диалектным ареалом*, в котором диалектные различия, соотносимые с диалектными признаками северного диалектного ареала, представляют собой черты новообразования [см. 12, с. 266-271; ДАЯЯ II, карта 167 и комментарий к карте, с. 75].

Весьма интересно также утверждение Г.В. Ксенофонтова, согласно которому «Верхоянские якуты-скотоводы и весь север Якутского округа (Намцы, Дюпсюно-Борогонцы и Баягантайцы) определенно акают, тогда как население южной половины Якутского округа и всего Вилюя окают. Значит, оленеводческую культуру севера Якутского края, поскольку она отличается от местной тунгусской, принесли окающие якуты через бассейн Вилюя задолго раньше нашествия акающих якутов-скотоводов, наступавших на север со стороны Якутского округа» [16, с. 311-312]. Такое решительное суждение Г.В. Ксенофонтова, на наш взгляд, соответствует действительному положению дел.

Еще в дореволюционное время о местных различиях территориальных диалектов якутского языка с попыткой предварительной классификации писали из якутских лингвистов, историков и этнографов А.Е. Кулаковский, С.А. Новгородов, Г.В. Ксенофонтов и некоторые другие. В советское время о признаках территориальных диалектов постоянно также напоминали А.А. Кюндэ, П.П. Барашков, Л.Н. Харитонов и другие. Несмотря на все вышесказанное, до 40-х годов прошлого века в якутском языкознании и в других отделах науки преобладало убеждение, что в языке якутов имеются многочисленные диалектные различия, но нет диалектных образований [21, с. 9].

Как утверждают ученые, диалектология составляла раздел античного языкознания и существовала в роли придатка этнографии. Тюркская диалектология берет свое начало со II половины XI века, основоположником которой считается Махмуд Кашгарский, который владел многими диалектами тюркских языков. Свой бессмертный труд «Дивану Лугат ит-Тюрк» (Собрание тюркских слов), содержащий около 7500 слов, он написал в 1072-1078 гг., хотя он работал над ним всю свою жизнь. Для создания этого труда Махмуд Кашгарский объездил множество городов, кишлаков и аулов [25, с. 303-304].

Западноевропейская диалектология зарождалась с конца XVII в. Истоки русской диалектологии восходят к XVIII в., что связано с именами В.К. Тредиаковского и М.В. Ломоносова. Она получила дальнейшее развитие в трудах А.Х. Востокова, И.И. Срезневского, В.И. Даля,

А.А. Потебни, А.И. Соболевского, А.А. Шахматова, Н.Н. Дурнова, П.Н. Соколова, Д.Н. Ушакова. После 1917 года она стала интенсивно развиваться в трудах А.М. Селищева, Р.И. Аванесова, А.Н. Гвоздева, Б.А. Ларина, В.Н. Сидорова, Ф.П. Филина и многих других.

Почему такой постоянный повышенный интерес к диалектам и говорам языка? Неослабевающий интерес к диалектам языков, прежде всего, вызван тем, что диалектология тесно связана с историей языка и его носителей. Данные диалектологии позволяют установить какие-то древнейшие экономические связи и языковые контакты. В языке саха и его диалектах, например, находят древнетюркские слова и слова письменномонгольского языка средневекового периода, более того, обнаруживают древнекитайские, тибетские, санскритские и арабо-персидские лексические и грамматические элементы. Диалектные материалы позволяют утвердить принципы орфографии, установить нормы литературного языка, усовершенствовать орфографические и орфоэпические правила, выявить табуированные слова и их эвфемистические синонимы, заведенные народом испокон веков. Слова диалектной лексики позволяют составить областные или диалектологические словари, материалы которых, в свою очередь, могут дополнять словарные статьи полных толковых этимологических, исторических, фразеологических, терминологических и других учебных и отраслевых словарей.

Первоначальное плановое изучение якутских говоров началось со второй половины 30-х годов прошлого века, когда в 1935 году при СНК ЯАССР был создан Научно-исследовательский институт языка и литературы. Институт тогда же провел первую диалектологическую экспедицию в Мегино-Кангаласский, Чурапчинский и Таттинские районы. Собран предварительный диалектный материал якутского языка, который и лег в основу изданного в том же году «Диалектологического вопросника якутского языка», составленного П.П. Барашковым и И.И. Барашковым под общей редакцией В.Н. Чемезова. Однако тогдашние немногочисленные лингвистические кадры всецело были мобилизованы на разрешение прикладных задач по установлению принципов якутской орфографии и кодификации норм литературного языка. Разработка первых орфографических правил требовала учитывать наиболее существенные диалектные расхождения родного якутского языка. Первыми собирателями диалектологического материала явились фольклористы С.И. Боло и А.А. Саввин. В 1940-1941 гг. С.И. Боло выполнил предварительное описание диалектных полевых материалов из Оймяконского, Момского, Средне- и Нижнеколымского районов Якутской АССР.

В первые годы Великой Отечественной войны 1940-1945 гг. изучение диалектной системы якутского языка временно приостановилось, но возобновилось с 1944 г. Работавший в то время заведомом языка и письменности института Н.С. Григорьев опубликовал ряд статей, где он давал советы и задания корреспондентам на местах, как проводить сбор диалектологических материалов. Стали поступать корреспонденции с мест. Наиболее качественные материалы были собраны и высланы из Усть-Янского, Анабарского, Среднеколымского и Вилюйского районов Якутской АССР.

Считается, что более планомерное изучение говоров якутского языка началось только с 1950 года, когда была организована комплексная экспедиция ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР, в составе которой работал диалектологический отряд из 5 человек, охвативший полевым обследованием говоры якутов Усть-Алданского и Амгинского районов. С тех пор ежегодно стали организовываться диалектологические экспедиции в разные районы Якутской АССР.

С 1950 по 1992 г. были охвачены фронтальным диалектологическим обследованием говоры якутов 29 районов ЯАССР. Кроме того, были организованы экспедиционные поездки в места проживания есейских, магаданских, бодайбинских, катангских, удских якутов, еще таймырских и анабарских долган.

На основании собранных материалов сделаны первичные описания территориальных диалектов якутского языка. Из этих работ опубликованы описания говоров только Аллаиховского, Момского, Абыйского, Среднеколымского, Кобяйского, Орджоникидзевского (Хангаласского), Ленского, Оленекского, Анабарского и Булунского районов.

В 1940 г. по окончании аспирантуры Е.И. Убрятова успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Язык норильских долган», что стало событием для якутского языкознания. Язык норильских долган Е.И. Убрятовой охарактеризован как своеобразный диалект якутского языка. Работа опубликована в 1985 г., т.е. спустя 45 лет после ее завершения. Однако диалект таймырских долган на этот раз представлен как самостоятельный язык в системе тюркских языков. В настоящее время язык долган русские тюркологи относят к якутской подгруппе уйгуро-гузской группы [1, с. 8, 129].

По мнению якутских диалектологов, диалект таймырских и анабарских долган считать самостоятельным языком еще рано [8, с. 160-165], так как фонетическая система и грамматический строй этого идиома в наше время не показывает большого различия от таковых общеякутского

языка. Заметные расхождения наблюдаются в лексике, но не особенно затрудняющие общения благодаря преобладающей роли исконно якутской лексики в речи долган.

При формировании якутского национального языка, при установлении норм якутского литературного языка ведущее положение занимают говоры якутов центральной Якутии, где давно складывались два диалекта якутского языка, но понятного для носителей других периферийных говоров. Однако постоянно вставала задача подробного описания всех центральных и удаленных от них говоров якутского языка. Возникла необходимость не только констатации фактов существования диалектных различий, но и их исторического освещения. Кроме того, для установления норм литературного языка требовалось выявить частотность употребления, ареал территориального распространения всех основных диалектных расхождений.

В деле первоначального становления якутской диалектологии большую заслугу имеют А.Е. Кулаковский, С.А. Новгородов, Г.В. Ксенофонтов, А.А. Иванов – Кюндэ, С.И. Боло, А.А. Саввин, которые впервые в якутском языкознании во всеуслышание утвердили, что якутский язык имеет свои местные разновидности и диалектальные образования. Для дальнейшего развития указанного раздела якутского языкознания главенствующую роль сыграли Е.И. Убрятова, М.С. Воронкин, П.С. Афанасьев, Е.И. Коркина, многое сделали П.П. Барашков и М.П. Алексеев. В фольклористических, этнографических, лингвистических лексикографических работах вышеуказанных лиц зафиксированы почти все основные фонетические, грамматические и лексические диалектные расхождения, порою им даны предварительные научные интерпретации и лексико-семантические толкования.

В сборе и обработке диалектологического материала наряду с диалектологами в течение ряда лет сотрудничали Н.К. Антонов, Г.А. Никифоров, П.К. Габышев, Н.В. Емельянов, В.Д. Кривошапкина, М.Т. Жиркова, Р.Р. Жиркова, Н.Н. Ефремов, Н.И. Данилова, Н.И. Попова, И.Н. Новгородов, Ю.И. Васильев и другие. В результате был накоплен большой фактический материал, на базе которого написан ряд монографических работ, составлены два диалектологических словаря якутского языка. Изданные в 1976 и 1995 гг. диалектологические словари содержат около 13500 словарных статей и являлись значительным достижением якутской диалектологии. В «Словари» вошли, прежде всего, диалектные слова, собранные Г.В. Ксенофонтовым, А.Е. Кулаковским, С.И. Боло, А.А. Саввиным, а также диалектные материалы «Словаря якутского язы-

ка» Э.К. Пекарского и всех первичных описаний говоров якутского языка. Однако, как первый опыт свода диалектной лексики языка саха названные диалектологические словари не могут претендовать на полноту охвата всех диалектных слов и диалектных значений общеякутских слов. Тем не менее, материалы вышеназванных глоссариев будут иметь непреходящее научное значение.

Как известно, якутский язык не имеет древних письменных памятников. Сохранились только искаженные записи голландского географа Н. Витзена, шведа-военнопленного Ф. Страленберга и других путешественников. К ним можно отнести якутские материалы А.Ф. Миддендорфа. Особое место занимают «Воспоминания» А.Я. Уваровского.

Привлекает к себе внимание якутский перевод текста молитвы «Отче наш», обнаруженный Николасом Витзеном во время его путешествия по России в 1664-1667 гг., где якутские слова, по транскрипции О.Н. Бётлингга, звучат почти так же, как сегодня, т.е. не претерпели существенных фонетико-грамматических, лексико-семантических изменений в течение почти 350 лет. Этим хочется показать, что якутский язык проявляет удивительную устойчивость, хотя язык якутов испытывал мощное влияние монгольских, тунгусских других идиомов, а после XVII века – языка великого русского народа. В этой связи следует напомнить, что Е.И. Убрятова в 50-х годах прошлого века, писала, что «... сравнение языка орхонских надписей (VIII век) с большинством современных турецких языков показывает почти полное сходство грамматического строя в древних и новых турецких языках. Якутский язык унаследовал эту удивительную черту» [20, с. 8].

Г.В. Ксенофонтов в свое время также констатировал: «И, действительно, якутский язык, несмотря на чрезвычайную разбросанность расселения его носителей и трудность их взаимного общения, являет картину поразительной однородности как в отношении словаря, так и в своих грамматических законах» [16, с. 169].

На заре первого этапа становления якутской диалектологии была написана монография «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» Е.И. Убрятовой. Работа написана на материале трех говоров якутского языка: амгинского, олекминского и вилюйского, давно отошедших друг от друга улусов Якутского округа. Этот первый капитальный труд по якутской диалектологии, изданный в 1960 г., написан в сравнительно-сопоставительном плане, получили историческое освещение основные

междиалектные фонетические соответствия, возникла идея картографирования. Работа, по существу, ознаменовала становление якутской диалектологии как самостоятельной научной дисциплины, побудила лингвистов заняться сбором и научным изучением якутских говоров. В результате написана диссертационная работа Афанасьева П.С. «Говор верхоянских якутов» (Якутск, 1965), носители которого живут далеко на севере от центральной Якутии – за Верхоянскими горами на верхнем и среднем течении северной реки Яны. Одновременно с этим написана диссертационная работа Воронкина М.С. «Есейский говор якутского языка» (Рукопись, 1965), носители которого обитали у оз. Есей. В административно-территориальном отношении эта местность входит в состав Илимбийского района Эвенкийского автономного округа Красноярского края. Говор образовался с XVIII века на почве якутского языка, но вне влияния якутского литературного языка в условиях иноязычного (эвенкийского и русского) окружения [7, с. 28-34].

В 1976 г. написана и в 1980 г. издана работа С.А. Иванова «Аканье и оканье в говорах якутского языка», которая в 1982 г. представлена в качестве диссертационной работы на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В работе более подробно описаны внутренние и внешние причины происхождения якутского аканья и оканья и сделан предварительный вывод, согласно которому якутское аканье являет собой сохранение традиционной манеры произношения, унаследованной от далекого прошлого, а оканье – следствие отклонения от прямолинейного гармонического сочетания гласных звуков, что вызвано каким-то внешним влиянием. Кроме того, написана обобщающего характера работа П.П. Барашкова «Фонетические особенности говоров якутского языка: Сравнительно-исторический очерк» (написана в 1965 г., издана в 1985 г.).

В 1969-1971 гг. М.П. Алексеевым и М.С. Воронкиным был написан труд обобщающего характера «Саха диалектологиятын очерката» («Очерк якутской диалектологии»), раздел которого фонетика и морфология был издан в 1980 г. Данная работа была рассчитана на студентов, преподавателей, работников печати и всех тех, кто интересуется якутским языком.

Главным достижением вышеупомянутого «Очерка якутской диалектологии», на наш взгляд, следует считать произведенное М.С. Воронкиным диалектное членение якутского языка, выгодно отличающееся от классификаций А.Е. Кулаковского [17, с. 389-414], С.А. Новгородова [18, с. 35-42] и П.П. Барашкова [3, с. 43-52]. Согласно классификации М.С. Воронкина мы сегодня имеем четыре диалектной

зоны: 1) *северо-западная группа говоров*; 2) *олекмо-вилуйская группа говоров*; 3) *центральная группа говоров* и 4) *северо-восточная группа говоров*. Кроме того, М.С. Воронкин по основному диагностическому признаку (по лабиализованным и нелабиализованным вариантам произношения некоторых исконно тюркских основ и значительного количества монголизмов) и по другим фонетическим, грамматическим, лексическим признакам установил существование еще двух крупных диалектных образований: *западного диалектного массива* и *восточного диалектного массива* [6, с. 206-210]. Картографирование и изоглоссирование диалектных различий двух древних диалектных ареалов, восстановленных нами по архаическим и инновационным признакам территориальных диалектов якутского языка и двух западного и восточного массивов, установленных М.С. Воронкиным, также показывает картину существования четырех диалектных зон якутского языка [см. ДАЯЯ II, карты 167-172].

Классификация якутских говоров М.С. Воронкиным стимулировала фронтальное изучение всех этих говоров по диалектным зонам: написана М.С. Воронкиным работа «Вилуйская группа говоров» (1980 г., в рукописи); написаны и опубликованы: М.С. Воронкин «Северо-западная группа говоров» (Якутск, 1984); Е.И. Коркина «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (Новосибирск, 1992). Кроме того, написаны и опубликованы обобщающего характера работы: М.С. Воронкин «Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» (Новосибирск, 1999); С.А. Иванов «Морфологические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2017); С.А. Иванов «Образование диалектной системы якутского языка» (2016, не опубликовано).

Одновременно с изданием вышеупомянутых трудов форсировалось создание четырех пробных региональных диалектологических атласов якутского языка, что позволило Иванову С.А. составить сводные лингвистические карты «Диалектологического атласа якутского языка» в двух частях, опубликованных в 2004 и 2010 гг., тем самым положено начало изучения диалектных особенностей всех территориальных диалектов якутского языка методами лингвистической географии.

Изучение всех отличительных признаков территориальных диалектов якутского языка, описанных и интерпретированных якутскими диалектологами, весьма убедительное суждение В.Г. Ксенофонтова о якутских говорах [об этом см. выше] и внимательное прочтение языка, т.е. всех условных знаков лингвистических карт диалектологических атласов, убеждают нас в том, что древние диалектные образования сформирова-

лись не в результате распада единого якутского языка в Среднеленском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп, появившихся где-то в области Циркумбайкальского региона или Верхнеленском крае. Тогда еще одна группа якутоязычного племени испытывала довольно сильное влияние, вероятно, древнеуйгурского языка, с характерным губным умлаутом, в результате чего в языке этой группы якутоязычных в ограниченном количестве исконно тюркских основ появились лабиализованные (окающие) варианты произношения. Однако такая манера произношения, похоже, остановилась на полпути: многие исконно тюркские основы и монгольские слова, от которых, судя по их древнему фонетическому облику, можно было бы ожидать неогубленные - огубленные варианты произношения, сохранились во всех якутских говорах, в том числе в окающих, в одном только неогубленном варианте. Вышесказанное, таким образом, свидетельствует о том, что появление огубленных вариантов вместо традиционно неогубленных является результатом иноязычного влияния, где действовало фонетическое явление, напоминающее уйгурский лабиальный умлаут. Наметилось явление десингармонизации, так как в непервых слогах основ, где наблюдалось традиционное гармоническое сочетание гласных, появились губные гласные *и* и *й* вместо закономерных (первоначальных) *й* и *й* после корневых *а*, *е* (*ä*). В результате в якутских говорах возникали противопоставленные нелабиализованные и лабиализованные варианты произношения.

Из двух противопоставленных вариантов неогубленные варианты (т.е. аканье) в некоторых исконно тюркских основах и во многих монголизмах, как выше сказано, представляет собой сохранение традиционной манеры произношения, унаследованной от далекого прошлого, что обусловлено на протяжении многих веков закономерностями палатально-велярной гармонии гласных. Сущность этого явления заключается в том, что качество гласных последующих слогов слова постоянно предопределялось качеством этимологического корневого гласного. Что касается огубленных вариантов произношения (т.е. оканья) в исконно тюркских основах, то они возникли позднее в результате отклонения от прямолинейного фонетического сочетания гласных звуков основы. Это явление, в свою очередь, было вызвано регрессивным влиянием губных гласных *и* и *й*, появившихся в конечных позициях слова вместо первоначальных *й* и *й*.

Частотность употребления лабиализованных и нелабиализованных вариантов произношения повысилась за счет фонетического освоения монголизмов, эвенкизмов и некоторых русизмов, имеющих с точки зрения закономерностей якутского сингармонизма гласных сингармониче-

ский вокальный состав. Впоследствии вышеупомянутые варианты произношения с другими сопутствующими им явлениями перенесены из прежней родины якутов самими носителями в Среднеленский край, где они получили дальнейшее количественное умножение, территориальное распространение и локальное развитие, но в других природно-климатических, социально-экономических и языковых условиях. Потом эти фонетические явления постепенно становились различительными признаками двух основных: акающих и окающих – диалектов якутского языка Центральной Якутии. В результате миграционных движений носителей этих диалектов их различительные признаки впоследствии распространились по периферийным зонам: аканье территориально расширилось за счет северо-восточных земель Якутии, а оканье распространилось на олекмо-вилуйские и северо-западные регионы. В результате этого процесса появились *западный диалектный массив и восточный диалектный массив*, основным диалектологическим признаком которых явились нелабиализованные и лабиализованные варианты произношения слов.

Приходится констатировать, что в не столь отдаленном будущем якутские диалекты постепенно исчезнут. Поэтому требуется дальнейший сбор диалектологического материала, составление большого диалектологического словаря по возможности с этимологическими справками; более подробное картографирование и рекартографирование диалектных расхождений. Необходимо также развернуть изучение разговорной речи магаданских, охотских, аяно-майских, удских, амурских, читинских, бодайбинских, катангских якутов с применением методов экспериментальной фонетики и лингвистической географии.

Особого внимания требует диалектная лексика якутского языка, поскольку она по своему многообразному семантическому содержанию, многовековому историческому развитию чрезвычайно информативна: в ней отражены результаты всей познавательной деятельности, культурно-эстетического и духовного развития носителей якутского языка, а также итоги практического освоения ими экстремальных климатических условий Севера. И, наконец, общезякутская лексика вместе с диалектной содержит некоторые сведения об истории происхождения якутского языка и его естественного носителя.

Литература

1. *Артёмьев Н.М.* Категория падежа: системный анализ (на материале долганского и якутского языков). – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. – 142 с.

2. *Афанасьев П.С.* Говор верхоянских якутов. – Якутск: Кн. изд-во, 1965. – 176 с.
3. *Барашков П.П.* Фонетические особенности говоров якутского языка: Сравнительно исторический очерк. – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 182 с.
4. *Бётлингк О.Н.* О языке якутов / пер. с нем. В.И. Рассадин. – Новосибирск: Наука, 1990. – 646 с.
5. *Владимирцов Б.Я.* Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия: Введение и Фонетика. – Л., 1929. – 437 с.
6. *Воронкин М.С.* Саха диалектологиятын очерката. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 244 с.
7. *Воронкин М.С.* Северо-Западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 224 с.
8. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
9. *Герасимович Л.К.* Монгольское стихосложение: Опыт экспериментально-фонетического исследования. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. – 128 с.
10. *Иванов С.А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 184 с.
11. *Иванов С.А.* Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 352 с.
12. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
13. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
14. *Иванов С.А.* О древних диалектах якутского языка // Всадники Северной Азии и рождение этноса: Этногенез и этническая история саха. – Новосибирск: Наука, 2014. – С. 266–271.
15. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск, ВО «Наука», 1992. – 270 с.
16. *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай-сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Т. I, кн. 2. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с.
17. *Кулаковский А.Е.* Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов (около 760 слов) // Кулаковский А.Е. Научные труды. – Якутск: Кн. изд-во, 1979. – С. 389–413.

18. *Новгородов С.А.* К вопросу о говорах в якутском языке // Первые шаги якутской письменности: Статьи и письма. – М.: Наука, 1977. – С. 35–42.

19. *Рассадин В.И.* Очерки по исторической фонетике бурятского языка. – М.: Наука, 1982. – С. 46–47.

20. *Убрятова Е.И.* Очерк истории изучения якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1945. – 36 с.

21. *Убрятова Е.И.* Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 151 с.

22. *Убрятова Е.И.* Язык норильских долган. – Новосибирск: Наука, 1985. – 216 с.

23. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Ч. I: Фонетика и морфология. – Якутск: Кн. изд-во, 1947. – 312 с.

24. *Щербак А.М.* Сравнительная фонетика тюркских языков. – Л.: Наука, 1970. – 204 с.

25. *Юдакин А.П.* Урало-алтайское (тюрко-монгольское) языкознание. – М.: Энциклопедия, 2001. – С. 303–304.

26. *Ястремский С.В.* Грамматика якутского языка. – Иркутск: Изд-во кн. магазина Макушина, 1900. – 307 с.

27. *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu Türksprachen. – SPb., 1908. – 86S.

Список сокращений

ДАЯЯ I – Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты. Ч. I: Фонетика / Сост. С.А. Иванов. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – 128 с.

ДАЯЯ II – Диалектологический атлас якутского языка. Сводные карты. Ч. II: Морфология и лексика / Сост. С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.

ДСЯЯ I – Диалектологический словарь якутского языка / Сост. П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

ДСЯЯ II – Диалектологический словарь якутского языка: Дополнительный том / сост. М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев. – Новосибирск: ВО «Наука», 1995. – 296 с.

СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. – М.: «Наука», 1984. – 486 с.

П.А. Слепцов,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

УСПЕШНЫЙ ШАГ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКОВЕДА- КОМПАРАТИВИСТА

В статье речь пойдет о монографии крупного якутского лингвиста С. А. Иванова «Морфологические особенности говоров якутского языка», выпущенной в 2014 году издательством «Наука» в г. Новосибирске.

Как известно, диалектные морфологические различия в языке выражены минимально. Это связано с тем, что морфология как основная часть языка является устойчивым элементом. Что касается якутского языка, то в диалектологических «Вопросниках» и «Анжете» 1940, 1978 гг. специальный раздел о морфологических особенностях диалектов не был выделен. Очевидно, считалось, что таких особенностей в диалектах не обнаруживается. Однако путем скрупулезного изучения всего диалектологического массива и фольклорных данных автор сумел собрать свыше пятидесяти наиболее важных диалектных различий, значительный диалектный материал, исключая разнообразные модели словообразования и семантические сдвиги, где также отражаются признаки территориальных диалектов. С.А. Иванов особенно подчеркивает качественный состав собранного материала. Здесь представлены такие «языковые факты и явления, которые имеют глубокие исторические корни, что может дать историкам якутского языка, и специалистам других гуманитарных наук возможность углубленного изучения исторического развития отдельных языковых явлений, образования якутского языка и его естественного носителя» [1, с. 227]. И автор вскрывает эти глубокие древнейшие истоки диалектных морфологических особенностей и фактов якутского языка. Укажем на наиболее значительные морфологические особенности, имеющие глубокие исторические корни:

1. В диалектологических материалах зафиксированы случаи необычного употребления наречия *иньньэ* ‘так’, прилаг. *итээги* ‘тот, тамошний’, формы множественности *илэр* ‘они’, которые свидетельствуют о том, что в древнеякутском языке употреблялись утраченное указательное местоимение *и* и полузабытая местоименная основа *ин*. Западный диалектный массив характеризуется преимущественным использованием наречия *ынтах* ‘там, туда, в стороне, в сторону’ и прилагательных *ынараа* ‘та сторона’; *ынараангы* ‘тамошний’, наречие *ынтах* соотносится со слово-

формами *антах*, *анараа*, получившими распространение в восточном диалектном массиве якутского языка. Приведенные факты интересны тем, что они явно восходят к *ын* ~ *ан* – формам косвенного падежа древнейшего указательного местоимения *о*.

2. П.С. Афанасьев и М.С. Воронкин зафиксировали в северо-западных говорах так называемые «стяженные» причастия от формы страдательного залога: *быһаллыбат* в.м. литературного *быһаныллыбат* – отрицательная форма страдательного залога от *быһаа* ‘спасать, выручать’, *сиэллэр* в.м. *сиэниллэр* – от *сиэ* ‘есть, сжигать, кусать’, *дэллибэт* в.м. *дэниллибэт* – от *диэ* ‘говорить, сказать’, *батталлыбат* в.м. *баттаныллыбат* – от *баттаа* ‘давать, угнетать’ и т.д. Приведенные диалектные варианты – это реликтовые явления от более древнего состояния языка, формы страдательного залога образовывались от основ переходных глаголов на долгий гласный и дифтонг посредством аффикса *-л*, так же как в языке древних тюрков. В настоящее время в якутском языке страдательный залог образуется от глаголов на долгий гласный и дифтонг при помощи аффикса *-н* и сложного аффикса *-н-ыл-ын* (баттанылын, сиэнилин), а от глаголов на согласный звук – посредством аффикса *-ыл-ын* (ыбытылын), что является отличительным признаком от других тюркских языков.

3. О показателе множественности *-т* в тюркологии написано много. Но С.А. Иванов очень подробно, на основе новых данных трактует в историческом аспекте глубоко и оригинально. Раньше преобладало мнение о монгольском происхождении этого показателя. В якутском языке имеются монголизмы типа *ийэхсит* ‘общее название богинь’, *түһүмэт* ‘почтенный’, *кубулбат* ‘хитрость, уловка’, *тугут* ‘оленок’, где *-т* рассматривается как показатель множественности, но в языке якутов он никогда не осознавался таковым и постоянно сопровождался аффиксом множественного числа *-лар*. Диалектным является использование аффикса множественности *-ататыыр-ат-тар*, *түнүр-эт-тэр*, *күөл-эт-тэр* и т.д. Такие формы множественности характерны для северных говоров. Элемент *-ат* аффикса *-ат-тар* в тюркологии рассматривается как показатель множественности арабского происхождения, перенесенный на тюркскую почву через персидский язык. Показатель *-т* употребляется не только в именных основах (*куна -т -тар*), но и в глагольных и наречных образованиях, например, в аффиксах многократного действия *-т -алаа*, и наречия образа действия (*батыры -т-а-ас* ‘протыкать несколько раз’); входит в состав аффикса имени деятеля *-һы-т*.

Таким образом, рефлекс показателя множественности **-т** в якутском языке очень древний, по некоторым данным возводится к доурало-алтайской эпохе. Элемент **-ат** аффикса **-ат-тар** в тюркологии рассматривается как показатель множественности арабского происхождения, перенесенный на тюркскую почву через персидский (А.М. Щербак). Автор считает, что показатели множественности **-т**, **-ан**, **-ат** присутствующие в якутских словоформах, действительно являются грамматическими элементами индоиранского происхождения, что, по мнению автора, подтверждают мысль о том, что «в этногенезе якутов приняли участие какие-то отуреченные группы индоиранского происхождения» (А.И. Гоголев).

4. Аффиксы субъективной оценки **-каан**, **-чаан** в якутском языке обычно присоединяются к существительным и прилагательным, в северных говорах имеют высокую частотность, служат средством усиления лексического значения всех частей речи, что является сохранившейся архаической чертой якутского языка, поддержанной эвено-эвенкийским влиянием.

С точки зрения истории языка интересны противопоставленные диалектные различия, особенно характерные для северных говоров. Таковыми, например, являются варианты употребления:

– норм множественности **күөлэттэр**, **көлөттөр** вм. **күөллэр** ‘озера’; общетюркского **киһилэр** вместо монгольского **дьон**, **дьоннор** ‘люди, народ’, ‘жители, население’, ‘родня, родные’;

– древней парадигмы склонения местоимения **-бу** ‘этот, это, эта’: **буну-муну**, **бунуга-мунуга**, **бунтан-мунтан**; **булар**, мн. ч. от **бу** вм. **манны**, **маныха**, **мантах**, **балар**;

– возвратного залога вместо действительного: **бултанар** вм. **бултуур**, **ылланар** вм. **ыллыыр**, **ытанар** вм. **ытыыр** и т.д.;

Чрезвычайно высокая частотность употребления возвратного залога в северных говорах, возможно, говорит о былой многозначности, синонимичности, медиальности, первоначальной недифференцированности залоговых форм. В северных говорах возвратный залог образуется также от корней с омертвелым аффиксом: **киллэстэбин**, **көннөстөбүн** вм. **киллэринэбин**, **көннөрүнэбин** и др.

– метатизированной формы глагола **көллөр** вместо обычного **көрдөр** (в форме побудительного залога) от **көр** ‘смотреть, наблюдать, присматривать, ухаживать’.

Вышеприведенные диалектные явления показывают, что в прошлом существовала возможность формирования особой диалектной зоны якутского языка с охватом территории проживания есейских, анабарских, бу-

лунских, верхоянских, индигирских и колымских якутов. В связи с этим автор обращает внимание на утверждение Г.В. Ксенофонтова, которое не потеряло своего значения по сей день: «...говор оленных якутов расходится от говоров якутов-скотоводов гораздо сильнее, чем между собой. Поэтому было бы целесообразно якутское наречие разделять на говоры южные (скотоводов) и северные (оленеводов)». Однако границы указанной северной диалектной зоны размыты проникновением признаков южных, центральных диалектных зон, что связано с возникновением в Среднененском крае и дальнейшим распространением двух диалектных подразделений, на базе которых впоследствии образовались два диалектных массива – западный и восточный. В результате взаимовлияния и сохранения признаков диалектных зон северного и южного массивов (западного и восточного) сформировались Центральная, Олекмо-Вилуйская, Северо-Западная и Северо-Восточная группы говоров якутского языка.

Ценно с точки зрения истории якутского языка и исторического развития его носителей следующее заключение автора книги: «Прочтение всех лингвистических карт шести диалектологических атласов, составленных нами в течение 30 лет, убеждает нас в следующем: упомянутые древние диалектные образования (речь идет о двух древних диалектных подразделениях, на базе которых образовались два диалектных массива – западный и восточный. – *П. С.*) сформировались не в результате распада единого языка в Среднененском крае, а в итоге объединения двух основных якутоязычных племенных групп. Распад древнеякутского языка произошёл за пределами современной территории Якутии, где-то в области Циркумбайкальского региона или в Верхнененском крае, что требует специального изучения. При этом С.А. Иванов весьма сочувственно и одобрительно ссылается на автора «Ураанхай сахалар» Г.В. Ксенофопова, который высказывал аналогичные суждения.

В целом монография С.А. Иванова о морфологических особенностях якутских говоров является еще одним успешным шагом в сложной и труднейшей работе якутского языковеда-компаративиста. Более того, своей информативной насыщенностью и сравнительно-историческими изысканиями она превосходит его предыдущие работы. Данный труд удовлетворит взыскательных читателей эрудицией автора, критическим, но вполне корректным использованием работ многочисленных предшественников.

Литература

1. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. - Новосибирск: Наука, 2014. - 248 с.

И.Е. Алексеев,

ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

ТЫЛ БААЙЫН ЧИНЧИИТЭ

Билим мунура биллибэт киэн далайыгар *тыл баайа* диэн, кини тылдыкка быһаарыллар суолтата, тутула эрэ буолбакка, өссө дорҕоонун туруга, тыл хайа эйгэбэ хайдах туттуллара уонна хайа кэмтэн ыла, ханнык сабыдыалга баһыйтаран дуу, эбэтэр ону баһыйан дуу туттууллуута *үгэс, үөрүйэх буолан олохсуйуута* ааттаныан сөп. Билим дуоктара, бу 90 сааһын томточчу туолуор диэри ГЧИ-гэ тура үлэлээбит ытык-мааны Спиридон Алексеевич Иванов айан-тутан кэлбит бары үлэтин сүннэ манна сыһыаннаах. Кини саха тылын баайын ситэрихотору чинчилээн, өрдөөбүтүн/билиннитин сыныйан, киэн уһук сирдэргэ тыл кута тыыннаабын билгэлээн, дорҕооно этигэн кэрэтин ырыналаан, тыл туттулуутунан кизбин-таһаатын ыйданардан, тыл өйдөбүлүгэр эбии/хоһулук суолта кыттыбытын ундаардаан, быһатын этгэххэ, төрөөбүт сахатын тылын көһөнө көмүстүү күндүркэтэн, иэйэ-куойа чинчийэн, сүүнэ үлэлэрин дьоһун кинигэ онортоон кэккэлэттэ [2; 3; 6; 7].

Төһө да бэйэтин номоххо киирбит тылын баһа “бөлбөхтөөн баран үнүлүтэн көрүүххэ, үнүлүтэн баран үнкүрүтэн кэбиһиэххэ” диэнин иһин, Спиридон Алексеевич бары үлэлэрэ кыладыан оноһуллубуттарын биир идэлээх үлээннээхтэрэ өрүү бэлиэтиллэр уонна, дьинэр, оннук да буоланнар, сиппит-хоппут таһымнаахтар, түүр билимигэр сүдү суолталаахтар. Бэчээттэммит кинигэлэрэ, төһө да чуо саха тылын уратыларын эридьиэстээһин курдук ааттаахтарын иһин, ис хоһооннорунан дирини, киэни энсэн, төрөөбүт тылбыт түн былыргы көстүүлэрин ундаардыллар, чуолаан этгэххэ, исторической фонетика, морпологуйа, лиэксикэ туруктарын эркээйитин кэпсииллэр. С.А. Иванов тус көрүүлэрин туһунан билинни саха, түүр тылын үөрэхтээхтэрэ Н.Н. Широкова, Е.И. Коркина, П.А. Слепцов, М.С. Воронкин уо.д.а. элбэх, дирин ис хоһоонноох бэлиэтээһиннэрэ баар [11, с. 138, 170; 8; 9, с. 49, 60, 175, 179, 180, 184, 187; 10, с. 189-192; 1].

С.А. Иванов таһааргарбыт икки туомнаах «Диалектологический атлас якутского языка» үлэтигэр бүтүүн саха тылын фонетикатын, морпологуйатын, лексикэтин туттуллар эйгэтэ хаарталарга чуо ыйан бэриллибитэ дирин суолталаах [4, с. 5]. Итиннэ саха тыла өссө чинчиллэ, биллэ илик чахчыларын систиэмэ быһыытынан көрөн наардааһынна Спиридон Алексеевич монгуол, эбэнки тылларыттан ханыылаах *чакыыр - чокуур, чак - сах, дьаный - дьонуй, йан - саан* курдук тылларга былыргы түүрдүү тыл иннинээҕи артикуляциялаах бүтэй дорҕоон, тыба, тофа тылларыгар курдук, мурун кырааскаланырын ыйбыт [8, с. 138-139]. Саха тылын аһаҕас, бүтэй дорҕооннорун түөлбэтээҕи тус туруктарын чинчийи түмүгэр сана хайысха – исторической фонетика – түстэниитигэр Спиридон Алексеевич дьонун кылаатын түүр тылын чинчийээччилэр билинэллэр [11, с. 170]. Манна, чуолаан, бүтэй дорҕооннор дьүөрэлэһиилэрин сокуона түөлбэ тылыгар олохсуйуута уустук фонетической уларыыылартан уонна тыллар хардарыта дьайсар түрүүттэриттэн ситимнээҕин быһаарыы киирсэр [11, с. 174].

С.А. Иванов бары үлэлэригэр тыыннаах тыл чахчытыгар тирэҕирэн, дорҕоон уларыыыта-тэлэрийиитэ түбэһиэхчэ буолбакка, ханнык эмэ исторической кэм дьайыытын түмүгэр тахсыбытын уонна, холобур, *а~о, э~и* аралдыһыы бүтүүн саха тылыгар диалект көстүүтүн түстээбитин быһаарар [9, с. 17].

Түөлбэ тылын морпологуйатын чинчийиитигэр С.А. Иванов *атыыраттар, буурааттар, кыҥаттар, уолаттар* уо.д.а. холобурдарга баар [-*ат*-] диэн киллэһик түөлбэ тылыгар (Индигийир, Халыма эргин) туттуллары кизэнник, диринник ырытар. Бөдөн учуонай А.М. Щербак бэлиэтииринэн, бу киллэһик түүр тылларыгар арааптартан-перстэртэн киирбит сыһыарыы буолуон сөп. Тыллары тэннээн чинчийи түмүгэр С.А. Иванов итинник көстүү саха тылыгар ингэн сылдара норуот үөскээбит төрдүн, кини култууратын, итэҕэлин, олоҕун тутулун эрдэтээни кэмин тыктаран көрдөрөр диэн ыйар.

Саха тыла дорҕоонунан, тутулунан, өйдөбүлүнэн барҕа баайын С.А. Иванов «Лексические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2017) диэн үлэтигэр толору көрүүххэ, итэҕэйиэххэ, ону таһынан туһаныахха сөп.

Түөлбэ тыла – бүтүүн саха тыла – туттуллар эйгэтиттэн, үөскээбит түрүүттэн сиэттэрэн, талба баай, имигэм-хомугас кизэн энсиилээх, дирин усулубуйалаах буолар. Ону С.А. Иванов, чинчийиттэр хайдах ырышыттарыттан сиэттэрэн, сайдыбыт суолун-иһин хайан, билим сайдыытын билинни таһымынан быһаарар.

Туох ханнык иннинэ, ааптар саҥа чаастара үөскүүр ньымаларын тыл тутулунан, ситиминэн, онтон сиэттэрэн сиинтэксис таһымыгар хапсар бөлөхтөрүнэн наардыыр. Бөлөхтөрү түөлбөҕү хайдах туттуллалларынан ырытарыгар тыл этигэн, чопчу (дьаһамыр) хаачыстыбата арыллан тахсар. Холобур, *кыыл-сүөл, үөн-көйүүр, көтөр-сүүрэр, ый-күн, кэм-кэрдии* уо.д.а. тиэрминнэрэ төһө киэн/кыараҕас эйгэҕэ туттулууларыгар дорҕоон ураты киэбэ кыттарын быһаарар. Холобур: *истики* 'ис диэки', *саараҕас* 'саар ыаҕас', *сирэхэ* 'сир аһа' уо.д.а. түөлбөҕү үөскээбит туруктаахтар. Оттон ааттан даҕааһыны үөскэтэр *-лаах* сыһыарыы тыл хаачыстыбатын көрдөрөр эрэ буолбакка, өссө ахсааны бэлиэтиригэр былыргы түүрдүү элбэх ахсааны көрдөрөр: *Баһылай+даах ханна бардылар? Кимнээх кэллилэр* [7, с. 121]. Ол эрэри даҕааһын *-лаах* сыһыарыыта өнгү-дьүһүнү, бэлиэни-тайманы, харысхалы көрдөрөр аналын сүтэрбэт.

Ааттан *-лаа* сыһыарыынан үөскээбит 156 туохтуур олоҕо түөлбө тылыгар туттуллар туруга тыктарыллар. Ааптар быһаарыытынан, өссө «Анкыатаҕа» хабыллыбатах түгэnnэр баар буолуохтарын эмиэ сөп.

С.А. Иванов мындыр чинчийит буоларын түөлбөҕү туттуллар тыллары тиэмэлэринэн наардырыгар көрдөрөр. «Анкыатаҕа» хабыллыбыт 22 тиэмэ таһынан өссө элбэх айылҕа, олох-дьаһах, сир-уот уо.д.а. туһунан эбии матырыйаал баарын кини биир идэлээхтэрэ П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, Е.И. Коркина, М.П. Алексеев ыйбыттара. Ол да үрдүнэн, саха бүттүүн тылын хабар чинчийиилэр оноһулуохтарын сөбүн бэлиэтиир.

Тиэмэлэринэн бөлөхтөөн матырыйаалы хомуйуутун, ырытытытын түмүгэр Спиридон Алексеевич саха тылын баайа мунура суох киэннин уонна үөскээбит төрдө араас төрүүттээҕин эмиэ ырытар. Онон сир-халлаан, күн-дьыл, сир-дойду, дыиэ-уот, кыыл-сүөл диэн тиэмэлэргэ хабыллар түөлбэлии тыллары туттар саха кинитин өйө-санаата, билиитэ киэнэ, сатабыла бигэтэ, дьулуура уохтааҕа уо.д.а. көстөн тахсар. Саха айылҕа оҕото буоларын туоһулуур, этэр түөлбэлии тыл эгэлгэтэ үөрэххэ, олоххо туһаныллар кыаҕа көлүөнэттэн көлүөнэҕэ бэриллэр суолларын торумнуур.

Инньэ гынан, С.А. Иванов саха диалектологиятыгар киллэрбит кылаата сүдүтүн ыйан туран, кини төрөөбүт норуота өр үйэлэртэн тыйыс айылҕалаах хотугу дойдуга олоҕу айарыгар тыл толору кыаҕын арыян, киэн эйгэҕэ туттуллар суолларын тэлэн кэлбитин кэпсиир түөлбэлии тылы билим чэрчитинэн мындырдык ырытан, чөмчөтөн, бэйэтэ этэринэн, "бөлбөхтөөн, үнгүлүтэн, үнкүрүтэн" кэбиспит эрэри, өссө да кыладыан

үлэлиир туруктааҕа, өйдөөбүө-санаалааҕа, диринг билиилээбэ-көрүүлээбэ сөхтөрөр.

Литература

1. *Воронкин М.С.* Диалектная система якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
2. *Иванов С.А.* Аканье и оканье в говорах якутского языка. Фонетика. – Якутск: Кн.изд-во, 1980. – 183 с.
3. *Иванов С.А.* Центральная группа говоров якутского языка. Фонетика. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.
4. *Иванов С.А.* Диалектологический атлас якутского языка. Ч. I Фонетика. – Якутск, 2004. – 124 с.
5. *Иванов С.А.* Диалектологический атлас якутского языка. Ч. II. Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – 177 с.
6. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
7. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
8. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 268 с.
9. *Слепцов П.А.* Саха тылын историята. – Дьокуускай: СГУ издательства, 2007. – 290 с.
10. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания. – Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
11. *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Сибири. – Новосибирск: Наука, 2005. – 151 с.

Г.Г. Филиппов,

ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова, г. Якутск

О РАБОТЕ С.А. ИВАНОВА «МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ГОВОРОВ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА»

Монография С.А. Иванова «Морфологические особенности говоров якутского языка» выполнена на основе полного объема имеющегося к настоящему времени диалектологического материала, т.е. всего собранного, переработанного, использованного и осмысленного в якутском язы-

кознании и в тюркологии, начиная с О.Н. Бётлингга до настоящего времени. В работе особенно широко использованы материалы диалектологического словаря и атласа, исследования Н.К. Антонова, П.С. Афанасьева, Е.И. Убрятовой, Е.И. Коркиной, М.С. Воронкина, С.А. Иванова, Н.Д. Дьячковского, Л.Н. Харитоновова, О.Н. Бетлингга, В.В. Радлова, Э.К. Пекарского, А.И. Худякова, С.В. Ястремского, С.Е. Малова, Г.В. Ксенофонтова, А.И. Гоголева, П.А. Слепцова, И.П. Винокурова, Н.И. Даниловой, М.С. Иванова, Г.В. Попова, Н.Е. Петрова, а также труды А.Н. Кононова, Г.Ф. Благовой, Б.А. Серебренникова, Н.З. Гаджиевой, Э.В. Севортяна, Н.Н. Широбоковой и др. Таким образом, работа выполнена на богатом полевом материале и основана на фундаментальных теоретических источниках.

В монографии освещены практически все морфологические особенности говоров якутского языка, изложены результаты теоретического осмысления фактов исторической морфологии на уровне современной тюркологической мысли. Безусловно, специалисты, занимающиеся диалектами и историей тюркских и урало-алтайских языков, пользуясь другой методикой и теоретическими подходами, смогут углубить и по-другому оценить материалы и выводы автора данной работы. Но работа С.А. Иванова в данном виде представляет вполне самостоятельный, оригинальный капитальный труд, который способствует развитию якутской диалектологии и исторической морфологии якутского языка.

В работе освещаются вопросы словообразования, формообразования и словоизменения имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений, глагола, наречия. Вопросы словообразования имен и глаголов в якутском языкознании представляют значительный интерес как с общетеоретической, так и с исторической точки зрения. Как известно, в говорах якутского языка отсутствуют различия в формах и способах словообразования, но при этом имеется значительная масса производных основ (имен существительных, прилагательных, глаголов и наречий), значения которых в настоящее время не ясны. В своей работе автор приводит интересные факты, проливающие свет на вопросы взаимоотношения якутского языка с эвено-эвенкийскими, монгольскими и сибирскими тюркскими языками. Общетеоретический интерес представляет явление присоединения аффикса *-мсий* к именным и глагольным основам. Кроме того, многие аффиксы имяобразования считаются омертвелыми, некоторые из них малопродуктивны, значительная часть живых аффиксов имеет ограниченную сферу употребления. А вопросы словообразования глаголов, образования и употребления форм залога, наклонения, вида глагола

могут дать пищу пытливым умам для теоретических обобщений. можно отметить одну общую особенность в словообразовании частей речи в говорах и диалектных зонах якутского языка. Исследование процессов словообразования в диалектах и говорах, предпринятое С.А. Ивановым, может внести значительный вклад в развитие исторической морфологии не только тюркских, но и алтайских языков в целом.

Интересны материалы по формам, показывающим собирательность, многократность и множественность. Данная категория многоаспектна и семантически многообразна, поэтому в именах и глаголах она, видимо, развивала разные категории. Рудименты этих форм, обнаруженные в материале якутских говоров, представляют собой языковую археологию. Автор раскрыл не только множество новых фактов, но находит и новые подходы к их объяснению. Во-первых, дает свое видение эволюции категории множественности и их форм: многовариантные и многозначные в историческом прошлом формы (рудименты которых автор приводит из разных источников) локализовались в разных категориях и в разных частях речи. Все это по крупницам собрано и умело показано автором данной работы. Во-вторых, автор дает иное толкование и иное объяснение уже известным как аксиома фактам языка. Например, аффикс множественности на *-т* в якутском языке считался монгольским заимствованием. Но автор показывает многоаспектность данной формы, в том числе ее тюркское, арабо-персидское, согдийское, древнеякутское, урало-алтайское происхождение. В-третьих, в тюркологии считалось, что конечный *-т* в аффиксах множественного числа на *-быт*, *-быт* появился в результате изменения элементов *-з/-с* в аффиксах *-биз/-бис*, *-быз/-быс*. Автор монографии, ссылаясь на авторитетные утверждения А.Н. Кононова, А.П. Дульзона, считает, что в этих формах *-т* был первичным. Подобных положений – оригинальных, но в то же время основательных – в данной монографии немало [1, с. 26-27].

Большой интерес представляет категория, выражающая отношение одного предмета к другому предмету. Данная категория семантически многообразна. Сюда относятся категория принадлежности, категория склонения и категория залога. Они в какой-то мере соприкасаются в современном состоянии якутского языка, а исторически – имеют непосредственную связь. Так, при анализе категории принадлежности автор показывает две разновидности развития форм: первая полная (*кэннитэ*, *муннута*, *кынныта*), от *мурун+а+та*, *кэлин+э+тэ*, *кылын+а+та*, исторически имеющая три аффикса принадлежности, которые представляются вполне закономерными образованиями; вторая краткая

(*кэнни, көхсү, инни, төрдү*) от *көхсө, кэннэ, иннэ, төрдө*. Автор отрицает в сложном изафете форму родительного падежа *-ын* в сочетании типа *аба-т-ын ата-ын суол-а*. И считает эту форму вслед О.Н. Бетлингком и В.В. Радловым аффиксом принадлежности 3-го лица ед. числа местоименного происхождения. Таким образом, он отрицает былое существование родительного падежа в якутском языке [1, с. 46].

С.А. Иванов предлагает новые идеи при объяснении некоторых падежных форм. Так, о происхождении орудного падежа автор пишет: «Почти единодушно утверждается, что аффиксы якутского орудного падежа *-ннан, -нан, -ынан* также восходят к тюркскому послелогу *билэн* или *бирлэн* (бииргэ), выражающему ‘совместность, взаимность’ (ДТС, с. 99; Щербак, 1977, с. 56; Радлов, 1908, с. 31)» [1 с. 53]. С.А. Иванов утверждает, что: «в якутском лингвистическом пространстве первичным можно считать словоформы орудного падежа с удвоенным *-нн-*, а словоформы с кратким *-н* – более поздними преобразованиями, возникшими в результате сокращения удвоенного *-нн-*, так как подобные процессы (сокращения, упрощения, стяжения и другие трансформации) характерны для якутского языка» [1, с. 53]. Данный тезис подтверждается результатами картографирования и диалектологическими материалами: формы с удвоенным *-нн-* имеют повсеместное распространение, тогда как формы с кратким *-н* имеют локальное распространение только в центральном говоре якутского языка. Автор также приводит новые наблюдения о частном, совместном, сравнительном падежах; о двойном склонении и о следах исчезнувших или не получивших развития падежных форм.

Автор представил также интересный материал и по числительным, местоимениям, прилагательным и по категориям глагола. Новый материал преподносится по наречиям. Имя числительное описано в историческом плане. Во-первых, материал говоров увязывается с древней историей тюркских и других народов. В этом плане убедителен анализ древней формы порядковых числительных *нч – нь* якутского языка; во-вторых – материал подан в сравнении с развитием числительных в тюркских языках; в-третьих, диалектные данные якутского языка сопоставляются с литературным языком. Приведен большой массив материала, который потом станет полезной информацией для специалистов не только якутского языка и для тюркологов, монголистов и исследователям маньчжурских языков.

Автор, вслед за А.Н. Кононовым, форму собирательных числительных на *-ыан* считает более древним, чем *-ыа* [2, с. 112]. Форма на *-ыа* яв-

ляется первичным по отношению к *-ыан* и *-ыайах*, «так как она получила преимущественное употребление в периферийных говорах северо-западной и северо-восточной диалектной зон, где обычно обнаруживаются архаичные черты языка» [1, с. 109]. Автор считает также, что «вариант на *-ыайах* можно также квалифицировать как новый» [Там же].

Местоимения якутского языка специально исследованы Н.И. Даниловой. Таким образом, для сравнительного описания имеется достаточно апробированный материал и теоретическая база. В языкознании местоимения подразделяют на дейктические, анафорические и кванторные. На этой основе в якутском языке местоимения подразделяют на 10 разрядов, три из которых считаются самыми древними: личные, указательные и вопросительные. С.А. Иванов в научный оборот вносит древние формы местоимения “*и*” в виде “*ин*”, “*ын*” и “*б*” в виде “*ба*”, “*бо*”.

Интересно высказывание С.А. Иванова о фонетическом развитии указательных местоимений: «Лингвогеографическое наблюдение показывает, что ирридиационные волны долганского местоимения *ба ~ бо* исходят из области распространения южносибирских тюркских языков, так как форма с огласовкой *о* характерна для тувинского (*бо*), тофаларского (*бо* ‘этот’), шорского (*по*), саларского (*пу-по ~ бо-мо*) языков. Фонетические разновидности *бу ~ бо* указательного местоимения, по видимому, восходят к древности» [1, с. 125-126].

Наблюдение над местоимением в говорах якутского языка приводит автора к идеям об историческом прошлом якутского народа: «Наличие местоимения *ба ~ бо* в долганском диалекте якутского языка, по всей вероятности, свидетельствует о том, что какая-то часть долганской народности в прошлом представляла собой отколовшуюся часть от древних тюрков Саяно-Алтая. Если такое мнение верно, то оно подтвердит предположение Г.В. Ксенофонтова, согласно которому “в начале эпохи великого переселения народов Азии (конец I века нашей эры) из Прибайкалья переселяется на Вилюй по-якутски говорящий оленоведческий народ смешанного этического происхождения. Потомки этих ранних “якутов” проживают и теперь за полярным кругом Якутии от полуострова Таймыр на западе до низовьев р. Индигирки на востоке” [1992, т.1, кн.1, с. 15]. Обращает на себя внимание и тот факт, что ареал распространения окающих говоров якутского языка точно совпадает с территорией былого расселения эвенков. Только в говорах усть-янских и аллаиховских якутов аканье, похоже, проникло в более позднее время. Складывается впечатление, что якутское оканье по своему появлению связано с этим “по-якутски говорящим” оленоведческим народом,

который позже в некоторых местах Центральной Якутии объединился с якутским скотоведческим населением. Данный процесс привел к образованию двух территориальных диалектов якутского языка, характеризующихся аканьем и оканьем» [1, с. 126].

Основные исторические выводы работы оправданно вытекают из объективных данных диалектологического атласа по фонетике, лексике и морфологии. Поэтому многие важные аспекты исследования незаурядного диалектолога С.А. Иванова ставят серьезные научные задачи перед историками якутского языка. В работе много новых источников и материала, которые можно осмыслить и обобщить по-другому, чем автор. Но из-за этого работа не проигрывает, а наоборот выигрывает, ибо хороший научный труд, как любое настоящее реалистическое произведение, должен порождать новые мысли и идеи.

Литература

1. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
2. *Кононов А.Н.* Грамматика языка тюркских рунических памятников VII-IX вв. – Л.: Наука, 1980. – 255 с.
3. *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай сахалар: Очерки по древней истории якутов. – Якутск: Нац. Изд-во РС(Я), 1992. – Т.1, кн. 1. – 318 с.

Дьячковский Ф.Н.,

ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

С.А. ИВАНОВ «САХА ТҮӨЛБЭ ТЫЛЫН ЛИЭКСИКЭТИН УРАТЫЛАРА» ҮЛЭТИН ТУҢУНАН

Билигин ийэ тылбыт сүрүн салаалара биир тэнник үөрэтиллэн, аныгы теоретическай балаһыанньаларга олобуран сайдан-үүнэн иһэллэр. Сахабыт тылын билимигэр аҕа көлүөнө биир идэлээхтэрбит сүдү үлэлэрэ, сүбэлэрэ-амалара билиннэ диэри ахсаабат туһалаах көмө, инникигэ сирдьит буолаллара саарбахтаммат. Олортон биир бастыгнара, саха түөлбө тылын хара маннайгыттан ылсан өр кэм устата диринник, сыныйан туран, үтүө суобастаахтык чинчийэн үлэлии-хамсыы, айа-тута сылдыар биһиги киэн туттуубут Спиридон Алексеевич Иванов буолар.

Саха түөлбэ тылын арыллыбатах диринг кистэлэннэрин киэн матырыйаалга олобуран дорҕоонуттан, тутулуттан саҕалаан суолтатыгар тийэ тihэн, хаартаҕа ойуулаан түһэрэн, аатылас онорон сахабыт тылын үөрэҕин биир сана үрдүк кэрдиискэ таһаарбытын бары билэбит. Кини үлэлэрэ төһөлөөх үлэттэн, өйтөн-санааттан, толкуйтан тахсыбытын сөҕөбүт-махтайабыт.

Бу ыстатыйа С.А. Иванов «Лексические особенности говоров якутского языка» диэн Новосибирскай куоракка “Наука” кинигэ таһаарар кыһатыгар тахсыбыт үлэтигэр түөлбэ лиэкстикэтин сүрүн уратыларыгар билиэтээһиннэрин ырытар сыаллаах оноһуулар.

П.А. Слепцов ыйарынан, саха тылын баайын (лиэкстикэтин) үөрэтии 17-с үйэ иккис анаарыттан саҕаламмыта, ол Н. Витзен (1641–1717), Ф. Страленберг (1676–1747) уо.д.а. ол кэмнээҕи учуонайдар үлэлэригэр сахалыы тизкистэргэ тыл испииһэктэрэ сааһыланан бэриллиилэрэ буолар [8, с. 18–26]. Оттон саха тылын маннайгы тылдытынан 1849 сыллаахха тахсыбыт акад. О.Н. Бётлингк онорон хаалларбыт 5000 кэринэ тыллаах сахалыы-ньиэмэстии тылдыта буолар. Ол кэnnэ Э.К. Пекарскай онорон таһаартарбыт «Саха тылын тылдыта» (1899-1930) бүтүн аан дойдуга биллэр. Ол кэnnэ А.Е. Кулаковскай-Өксөкүлээх Өлөксөй үлэлэригэр суолталара сүтэн эрэр, эргэрбит уонна түөлбэ тыллара эмиэ киирбиттэрэ.

Бастакы саха түөлбэ тылын тылдытынан 1937 с. тахсыбыт «Словарь особенных слов (провинциализмов) в говоре якутов-оленеводов» диэн Г.В. Ксенофонов «Ураанхай сахалар» үлэтигэр сыһыарыы быһыытынан киирбит үлэтэ буолар [6, с. 294–316]. Бу үлэтигэр 420 тыл киирбиттэн сүүстэн тахсата Саха сирин хотугулуу-арҕаа өттүгэр олохтоох эбэнки тылыттан киирбитэ биллэр.

1950 сылтан Сахабыт сирин хас биирдии оройуонугар туттуулар түөлбэ тыллары бэлиэтээһин, суруйан хомуйуу саҕаламмыта. Ити сылларга түөлбэ тылларыгар анаммыт научнай үлэлэр суруллан көмүскэммиттэрэ (П.С. Афанасьев, 1965, М.С. Воронкин, 1965). Ити научнай үлэлэргэ Е.И. Убрятова «Язык норильских долган» диссертацията (1940), «Опыт сравнительного изучения фонетических особенностей языка населения некоторых районов Якутской АССР» (1960 г.) үлэлэрэ олуку буолбуттара.

60-с сыллартан саҕалаан Саха Өрөспүүбүлүкэтин түөлбэ тылларын үөрэтии тэтимирэр. Тылдыт оноруута саҕаланар. 1976 сыллаахха 8500-тэн тахса тыллаах саха тылын түөлбэ тылдыта – «Диалектологический словарь якутского языка» – күн сирин көрөр. Тылдыкка үлэлэспит учуонайдар ыйалларынан, манна өрөбөлүүссүйэ инниттэн саҕалаан

Э.К. Пекарской, А.Е. Кулаковской, Г.В. Ксенофонов, С.И. Боло, А.А. Саввинов о.д.а. хомуйбут түөлбө тыллара уонна түөлбө суолталаах тыллар сааһыланан киирбиттэр, ону тэнгэ П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин хомуйбут Үөһээ Дьааны уонна Дьэһиэй сахаларын түөлбө тыллара эмиэ хабыллыбыттар. Кэлин түөлбө тылларын хомуйуу үлэтэ күргүөмнээхтик Иркутской уобалас Бодойбо, Хабаровской кыраай Тугур-Чумикан оройуоннарыгар, Дьэһиэйгэ, Хаатангаҕа, Магадаанга ытыллыбыта. Ол үлэ түмүгүнэн 1995 сыллаахха Новосибирскайга 5000 тыллаах саха түөлбө тылын тылдытын эбии туома тахсыбыта. Икки тахсыбыт тылдыкка холбоон 13 тыһыынчаттан тахса түөлбө тыла киирбит. Бу саха тылын диалектологиятыгар улахан ситиһии уонна саха литературнай тыла салгыы сайдарыгар улахан тирэх буолбута.

С.А. Иванов саха түөлбө тылын лиэкстикэтин уратытын киэнник көрдөрөр сыалтан үлэтигэр бу икки тахсыбыт тылдыттары таһынан, О.Н. Бетлингк, Э.К. Пекарской, түүр тылларын этимологическай тылдыттарын [ЭСТЯ, 1974, 1978, 1980, 1989, 1997, 2000, 2003], түүр тылларын историческай тэннээн үөрэтии грамматикатын [СИГТЯ, 2001], монгуоллуу-нууччалыы [МонГОТ, 1957], бүрээттии-нууччалыы [БурРС, 1973], Улахан академическай монгуоллуу-нууччалыы [БАМРС, 2001–2002], Г.М. Василевич эбэнкилии-нууччалыы, А.Н. Мыреева эбэнкилии-нууччалыы уонна тонус-маньчжур тылларын тэнниир [ССТМЯ, 1975, 1977] тылдыттарын уонна Б.Я. Владимирцов, В.И. Рассадин, Б.Х. Тодаева, Ст. Калужинскай уонна Н.Н. Поппе үлэлэрин туһаммыт.

С.А. Иванов үлэтэ кирииттэн, икки улахан түһүмэхтэн, түмүктэн, икки сыһыарыттан, туһаныллыбыт литература испиһигиттэн уонна кылгатыттан турар. Барыта 390 сирэйдээх, бу балачча улахан уонна киэн ис хоһоонноох үлэ буолар.

Бастаан ааптар саха түөлбө тылларын үөрэтии уопсай туругун ырытар, кинилэр хара маннайгыттан түөрт улахан зонаҕа араарыллан, сааһыланан дириҥник хорутуллан үөрэтиллэн кэлбиттэрин бэлиэтиир. Иккис түһүмэххэ түөлбөлөргө аат тыл, даҕааһын аат уонна туохтуур үөскүүр ньымаларын (сыһыарыынан уонна сыһыарыыта суох) сиһилии ырытан көрдөрөр. Үһүс түһүмэххэ түөлбө тыл лиэкстикэтин ис хоһоонунан бөлөхтөргө наардаан ырытар. Биллэрин курдук, бүттүүн саха тылын уонна ханнык эмэ түөлбө зонатын лиэкстикэтэ атын олохтоох түөлбө аранатыгар киирэн хааччахтанан туттуллар. Оннук олохтоох түөлбө тыллара сангарыллыгытынан, морфологическай тутулунан уонна суолтатынан, ис хоһоонунан уратылаһарын бэлиэтэ буолар. Олохтоох түөлбө тыллара үксүн кэриэтэ күннээҕи кэпсэтии тылыгар туттуллар. Саха

түөлбэ тылын лиэксикэтэ үксэ түүр уонна монгуол тылыттан үөскээн, сайдан кэлбитин Спиридон Алексеевич маннык бэлиэтиир: «диалектная лексика якутского языка складывалась в результате изолированного развития от основной массы тюркской этнической общности и в условиях субстратно-адстратного влияния или суперстратного наложения лексических единиц. Поэтому якутская диалектная лексика содержит кроме исконно тюркских слов, многочисленные монголизмы, изрядное количество эвенкизмов и других лексических вхождений, точное количество которых пока еще твердо не установлено» [5, с. 14]. Манна даҕатан эттэххэ, А.Е. Шамаева кандидатскай диссертациятыгар 1400-тэн тахса монгуоллуу ханыылаах тылтан 752-тэ (400 тыл олоҕо) дьиннээх түөлбэ тылыгар киирэрин, ол аата, саха литературнай тылыгар туттуллубатын бэлиэтээбитэ [10, с. 3].

М.С. Воронкин, М.П. Алексеев «Саха диалектологиятын очерката (Очерк якутской диалектологии)» диэн научнай отчуоттарыгар саха түөлбэ тылын тиһигэр 284 эбэнки, онтон 33-һэ киин оройуоннарга, 82-тэ бүлүү бөлөх оройуоннарыгар, 112-тэ хотугулуу-арҕаа, 37-тэ хотугулуу-илин түөлбэҕэ туттулларынын ыйаллар [1, л. 336]. И.Н. Новгородов саха уонна эбэнки тылларын алтыһытын үөрэтэн, саха бүттүүн уонна түөлбэ тылларыгар 600-тэн тахса эбэнки тыла баарын, олор дорҕоон, морфология уонна лиэксикэ өттүттэн киириин бэлиэлээхтэрин ыйар [7, с. 177].

С.А. Иванов үлэтигэр түөлбэ биирдэм тыллара (лексические единицы) үксүн синтаксической ныманан үөскүүлэр уонна көспүт суолталанан түөлбэ тыла буолалларынын холобурдарынан бигэргэтэр: «(токутар (вил., бул.) 'тетерев-косач', сойутар (вил., бул., сунт., токк.) 'заварной чайник', ааҕый оҕус (горн.) 'паук', адырҕа кыыл (инд.) 'волк', абааны бырдаҕа (кол.) 'карамора', бөрө табаҕа (усть-алд.) 'гриб-дождевик'). Соробор, икки тыл силбэһэн биир өйдөбүллээх түөлбэ тылын (композит) үөскэтэр: алаҕар – (верх.) 'подавать, приносить, привозить' – от ыл аҕал, сирэһэ (ойм., магадан.) – от сир аһа 'плоды, ягоды'» [5, с. 15].

С.А. Иванов аат тыл, даҕаанын аат ситимнэһэн түөлбэ тыл лиэксикэтин ханаталларынын икки улахан сыһыарыытыгар испииһэктээн, ханнык үлэттэн, литератураттан ылыллыбытын, ханнык улууска тарҕаммытытын толору биэрбитэ кэлин диалектологиянан дьарыктанар дьонно олус туһалаах буолара саарбаҕа суох.

Үлэ үһүс баһыгар Спиридон Алексеевич түөлбэ тыллары суолтанан наардаан, бөлөхтөргө арааран, хас биирдии тыл ханнык тылтан үөскээбитин быһааран, тэннээн көрөн ырытар. Ырытыллыбыт бөлөхтөр балай да киэн ис хоһоонноохтор, семантической тутуларынан да уратылаахтар.

Үлэтигэр ырыппыт сүрүн бөлөхтөрүнэн “Халлаан, халлаан эттиктэрэ”, “Күн-дьыл көстүүлэрэ”, “Күн-дьыл кыттыгас көстүүлэрэ”, “Сир”, “Дьыэ-уот уонна атын тутуулар”, “Сир кыыллара” буолаллар.

Спиридон Алексеевич түөлбэ тыла диэн ханнык эмэ сиргэ тобуору-хан олорор дьон бэйэ икки ардыгар туттар, киэнник тарҕамматах, литературнай тылга кирибэт, эбэтэр киэн эйгэҕэ биллибэт тыл буоларын бэлиэтиир. Ол гынан баран, сорох тыллар чугас сытар түөлбэ тылларыгар холбоһон, кэлин литературнай тыл эйгэтигэр киэрэн, тарҕанан киэнник туттуулар буолалларын ыйар.

Ааптар үлэтигэр түөлбэ тылларын *үс сүрүн бөлөххө* араарар: 1. Дьин түөлбэ тыллара (ыстатыйабар холобурдары С.А. Иванов үлэтигэр хайдах бэриллибитинэн биэрэбин): *«аалчах* (сакк.) ‘вовсе, совсем’: *аалчах бар-бантын* ‘я вовсе не пойду’; *араат* I (мом.) ‘протока’; *араат* II (наречие) ‘отдельно, раздельно, врозь’; якут. *араар-* ‘разделять; отделять’; *бор-дурбас* (лен.) ‘взбитые сливки’ – от звукоподражательного глагола *бор-дурбаа-* ‘отрывисто издавать громкие kloкочущие звуки (о kloкотании жидкости)’; *бочо* (ср.-кол.) ‘мелкий чир’; *даркы* (бул.) ‘мышь’; *дьаах* (бул.) ‘копытная болезнь у оленей’ – ср.: эвенк. *нааксэ* ‘гной’, эвен. *нааһ* ‘гной, гниль’; *кабан* (инд.) ‘глава, предводитель, родоначальник’: *кени Ноботу биһин ууһун кабана* ‘он – глава (родоначальник) рода Наготу’, слово синонимизируется с лит. *баһылык* ‘глава’» [5, с. 18-20].

Түөлбэ сорох тыллара өлүктүйбүт суолталаах буолаллар, олор ханыларынын былыргы түүр уонна монгуол, сорох өттүн билигин түүр уонна монгуол тылларыгар булуохха сөп: *«кабан* (инд.) ‘глава, предводитель, родоначальник’, *көс* (есей.) ‘жена’, *кыыс* (алл.) ‘жена’, *сылан* (инд.) ‘змея’; *абай* (ср.-кол.) ‘работа по хозяйству’, *хадаба* (уд.) ‘высокая гора, скала, утес’ уо.д.а. Бу тыллар суолталарынан киэнник тарҕамматахтар. Холобура, эбэнки тылыттан кирири – *дулга* (жиг.) ‘жилище пирамидальной формы’, *дьаах* (бул.) ‘копытная болезнь у оленей’; нуучча тылыттан – *мара* ‘зной’; ‘сильный мороз’, *чаркы* (кол.) ‘женские замшевые торбаса’; юкагир тылыттан – *кооко* (кол., инд., усть-ян.) ‘голова’ – юкаг. *кокэ* ‘голова животного’, *мээмэ* (инд., усть-ян.) ‘медведь’ – юкаг. *мэмэ* ‘медведь’» [5, с. 20].

Иккис бөлөххө ханнык эмэ түөлбэ зонатыгар ордук тарҕаммыт эбэтэр туттуулар түөлбэ тыллара киэрэллэр. С.А. Иванов бэлиэтииринэн, бу түөлбэ тыллара литературнай тылга өтө киэрэллэр, тыл састаабын байыталлар: *«аалык* (абый., алл., бул., кол.) ‘лямка в собачьей упряжи’; (верх., татт., усть-май.) ‘лямка в оленьей упряжи’ – эвенк. *алиг*, *алик* ‘лямка в оленьей упряжи’; *атах* (анаб., долг., есей., олен.) ‘обувь, торбаса’:

сайынны атабым суох (олен.) ‘у меня нет летних торбасов’; *аҕам атах онорор* (долг.) ‘отец делает обувь’ – слово соответствует др.-тюрк. *etik, etük* ‘мягкая обувь из кожи’; *etik, etük* превратился в *атах*, по-видимому, под аналогизирующим влиянием словосочетания *атах таҕаһа* ‘обувь’ и переход мягкорядных звуков в твердорядные наблюдается в якутской исторической фонетике: тюрк. *ит* > якут. *ыт* ‘собака’; тюрк. *тил* > якут. *тыл* ‘язык’; *долборук* (амг., бул., жиг., нам., ойм., олекм., татт., сакк., усть-алд.) ‘ясли в хлеву’; соответствует др.-тюрк. *qodqı, qotqı* ‘кроткий, смиренный’ [ДТС, с. 452, 461]; *куйаабыл* вил., жиг., сунт., кол.) ‘берестяной сосуд для сбивки ягод с кустов’, известно литературному языку [ЯкутРС, с. 185]; – эвенк. *гуйаабун* ‘берестяная посуда, биток для ягод’ [ДСЯЯ, I, с. 120; 7, с. 199]; *табысхаан* (амг., бул., вил., есей., жиг., канг., коб., сунт., татт., токк., усть-алд., чур.) ‘заяц’; *табышкаан* (абый., ср.-кол.); *табышхаан* (верх.) [ДСЯЯ, I, с. 232, 233; ЯкутРС, с. 372] – ср.: др.-тюрк. *tabıšyan* ‘заяц’ [ДТС, с. 526]» [5, с. 21-26]. Бу бөлөххө киирэр түөлбэ тыллара литературнай тылы кытта тэннэ туттуллан, синоним кэккэтин толорон биэрэллэр: «*дьирики* (абый., амг., бул., вил., верх., жиг., канг., кол., сунт., усть-алд.) ‘бурундук’ [ДСЯЯ, I, с. 97]; *күрдүгэс* (бул., вил., канг., жиг.) ‘бурундук’ [ДСЯЯ, I, с. 132]; *муруку* (вил., горн., нюрб., олекм., сунт., усть-алд.) ‘бурундук’ [ДСЯЯ, I, с. 166–167] – лит. *моботой* ‘бурундук’ [ЯкутРС, с. 240]; *дүөлэкээн* (бул., верх., сакк., татт.) ‘заяц’; [ДСЯЯ, I, с. 101]; *мундуукаан* (есей.) ‘заяц’ [ДСЯЯ, I, с. 164]; *табысхаан* (амг., бул., вил., есей., коб.) ‘заяц’; *хотонох* (алл., анаб., бул., олен., усть-ян.) ‘заяц’ [ДСЯЯ, I, с. 293]» [5, с. 26].

Ону тэнэ түөлбэ тыллар истэригэр омоним эмиэ кестөр: «*арбаа* (абый., алл., верх., кол., мом., усть-ян.) ‘зад, задняя сторона’ – лит. *арбаа* ‘запад, западная сторона’ // ‘западный’ [ЯкутРС, с. 46]; *атах* (анаб., долг., есей., олен.) ‘обувь, торбаса’ [ДСЯЯ, I, с. 53]; *атах* ‘худший’, ‘последний’, ‘непечетный’: *атах бурдук* ‘худший сорт зерна’, *атах орон* ‘первая лавка у двери’ – лит. *атах* ‘нога, ноги’; ‘ножка; опора’ [ЯкутРС, с. 51]; *тарт-* (абый., алл., анаб., бул., есей.) ‘возить’: *мас тардар* (есей.) ‘он возит дрова’; *тарт-* ‘топить’: *кытараргын тарт* – ‘разводить костер’ [ДСЯЯ, I, с. 237] – лит. *тарт-* ‘тянуть’, ‘тащить’ (многозначное слово); *тарт-* ‘курить’: *табахта тарт-* ‘курить табак’ [ЯкутРС, с. 377]; *ындыы* (верх., ойм.) ‘поклажа, груз вообще’: *ындыылаах массыына* ‘машина с грузом’ [ДАЯЯ, I, с. 313]; *ырдыы* (абый., ср.-кол.) ‘груз’ [ДАЯЯ, I, с. 314]; – лит.: *ындыы, ырдыы* ‘вьюк (верховой лошади)’ [ЯкутРС, с. 526]» [5, с. 26-27].

Үһүс бөлөххө бүтүн саха литературнай тылыгар киирэн тарҕаммыт түөлбэ тыллара киирэллэр: «*аабылаан* (мег.-канг., сунт., усть-май.) 'болотное место, ложбина в лесу, заросшая кустарником' [ДСЯЯ, I, с. 37] – лит.: *аабылаан* 'чаща, чащоба' [ЯкутРС, с. 23]; *адалҕа, адылҕа* (сунт., усть-алд., усть-май., чур.) 'железный инструмент для выдалбливания дерева' [ДСЯЯ, I, с. 41] – лит.: *адылҕа* 'род топора для выдалбливания чего-л.' [ЯкутРС, с. 32] – ср.: монг. *атлага* 'тесло' [МонгОТ, с. 47]; бур. *аталга* 'долото' [БурРС, с. 64]; этот монголизм проник в диалекты некоторых тюркских языков [см.: ЭСТЯ, 1974, с. 201–202]; *бырдах* – *кумаар* [ДАЯЯ, II, с. 159; карта 154] – лит.: *кумаар* [ЯкутРС, с. 187]; *дурда* 'скрадок (шалаш охотника для подкарауливания зверя или дичи)' – *сэһээккэ* (вил., верх., жиг.) или *саһаакка* (вил.) от рус. диал. *засадка* [ДСЯЯ, I, с. 225; ДСЯЯ, II, с. 158; Даль, I, 2003, с. 565]; *хабдьы* 'куропатка' – *куруппааскы* – рус. диал. *куропатка* [Даль, II, с.185] – ср.: эвен. *кабдьа* 'куропатка' [ДАЯЯ, II, 70; 7, с. 238]» [5, с. 27-31]. Бу бэриллибит тыллар литературнай тылга киирэн, тыл баайын ханатар уонна киэн сирдэринэн тарҕанар кыахтаахтар.

Бэлиэтээн аһардахха, түөлбэ тыла уонна литературнай тыл бэйэ бэйэлэригэр дьайсаллар. Ол курдук, түөлбэ тыллара литературнай тыл лиэксикэтигэр киирэллэр, отгон литературнай тыл, төттөрүтүн, түөлбэ тылыгар күүскэ дьайар. Ол туһунан өссө Е.И. Убрятова «Диалекты тюркских языков» диэн үлэтин аан тылыгар маннык этэн турар: «Это очень сложный двусторонний процесс. С одной стороны, литературный язык как бы сглаживает различия в местных говорах данного языка, с другой стороны, сам испытывает воздействие этих говоров. Процесс этот идет тем интенсивнее, чем полнокровнее жизнь самого литературного языка» [9, с. 12].

Маннык дьайсыы түөлбэ тылы наардааһыны уустугурдар. Ол иһин, нуучча диалектологтарын көрүүлэрин ылынан, С.А. Иванов түөлбэ тыллары маннык наардыыр: 1. **Дьин түөлбэ тыллара** (собственно-лексические диалектизмы), бу тыллар олохторо литературнай тылга суохтар эбэтэр литературнай тыл олобуттан үөскээбит эрээри, түөлбэҕэ атын суолтаҕа туттуллар. Тыллар биирдиилээн эмэ түбэҕэ (говорга) туттуллаллар: «*аакы* (долг.) *киһи илиититтэн аһыыр чычаас таба* 'ручной олень' [ДСЯЯ, I, с. 37]; *бочо* (ср.-кол.) *чыыр кырата* 'мелкий чир' [ДСЯЯ, I, с. 67]; *хан* (коб.) *үптээх-астаах, мааны* 'состоятельный, почетный': *хан киһи* 'состоятельный человек' [ДСЯЯ, I, с. 278]; *аҕараан* (анаб., долг., есей., олен.) *киринньэн аҕа* 'отчим' [ДСЯЯ, I, с. 40] – от *аҕа* 'отец' + *-раан*; слово *аҕараан* образовано под влиянием эвенк. *амираан* 'отчим'

[Вас., ЭРС, с. 28]; *албаннаа*- 'домогать, вымогать, попрошайничать, ханжить' [ДСЯЯ, I, с. 43] – от *албан* 'домогательство, ханжество' – лит. *албан*: *албан аат* 'громкая слава' [ЯкутРС, с. 37]» [5, с. 32].

2. **Үөскээбит ньымаларынан уратылаах түөлбэ тыллара.** Литературнай тылтан морфологической тутулунаан уратылаахтар (лексико-словообразовательные диалектизмы): «*айадаһын* (вил.) 'шум, суматоха' [ДСЯЯ, I, с. 42] – лит. *айдаан* 1) 'шум, крик, гомон, гвалт'; 2) 'скандал, дебош'; 3) 'суматоха, суета' оннугар [ЯкутРС, с. 34]; *кыһынгылаа*- (инд.) лит. *кыстаа* 'зимовать' оннугар [ДСЯЯ, II, с. 106]». [5, с. 32].

3. **Дорҕоонунан уратылаах түөлбэ тыллара.** Литературнай тылга суолтатынан сөп түбэхэр эрэри, дорҕоонунан уратылаахтар: «*абы, өһө* (уд.) [ДСЯЯ, II, с. 35, 150] – в.м. лит.: *эһэ* 'медведь'; *хааһар* (вил., долг., есей., олен.) 'охотничьи лыжи' – в.м. лит. *хайыһар* 'спортивные лыжи'; *тамма* (верх., кол.) 'капля, капель' [ДСЯЯ, I, с. 235] – в.м. лит.: *таммах* 'капля'; *эрэмэдэй* (усть-алд.), *эрэбэдэй* (усть-алд., верх.-кол.), *эрэдэбэй* (ср.-кол., сакк.) [ДСЯЯ, I, с. 322–323] в.м.: лит.: *бэрэмэдэй* 'переметная сума'» [5, с.33].

4. **Суолтатынан уратылаах түөлбэ тыллара.** Литературнай тылы кытта биир морфологической тутуллаах эрэри, суолтата уратылаах: «*абаҕа* литературнай тылга 'дядя (старший брат отца)', онтон түөлбэ тылга (лен.) 'ольха'; (татт.) 'медведь'; (вил.) 'рябчик' [ДСЯЯ, I, с. 39]; *аллара* лит.: 'вниз, внизу'; *аллараа* 'нижний' – диал.: (мом.) 'северная сторона, север'; (долг.) 'восточная сторона, восток' [ДСЯЯ, I, с. 44]; *амыдай* лит.: 'тезка' – диал.: (вил., усть-ян.) 'заяц' [ДСЯЯ, I, с. 46]; *баатыр* ~ *боотур* лит.: 'мужественный, доблестный, смелый' // 'храбрый богатырь' [ЯкутРС, с.57] – диал.: (долг.) 'неручной, дикий, резвый': *баатыр таба* 'неручной олень' [ДСЯЯ, I, с. 56]; *бөтөбө* лит.: 'желудок (птицы)': *сото бөтөбөтө* 'икры ног' – диал.: (ойм.) 'желудок у человека' в.м. лит. *киһи куртаҕа*; (бул.) 'речной муксун' [ДСЯЯ, I, с. 69]; *булуу* лит.: 'находка, приобретение' – диал.: (абый., верх., вил., мом., кол., татт.) 'охота, промысел; добыча'; 'промысловые звери, птицы' [ДСЯЯ, I, с. 71]; *буур* лит.: 'самец': *буур таба* 'олень-самец', *буур тайах* 'лось-самец' – диал.: (есей.) 'конь' [ДСЯЯ, I, с. 73]; *бэбэһээ* лит.: 'вчера // вчерашний' – диал.: (ойм.) 'десять-двадцать лет тому назад'; (анаб.) 'несколько дней тому назад', 'намедни' [ДСЯЯ, I, с. 80]; *далаһа* лит.: 'мостки': *уу баһар далаһа* 'мостки, с которых черпают воду' – диал. (эвф. вил., мом., нюрб., сунт., верх.-кол.) *ат көлө* 'лошадь' [ДСЯЯ, I, с. 84]; *иэдээн* лит.: 'неприятность; беда' – диал.: (верх., верх.-кол.) 'спешный, срочный; торопливый, суетливый' [ДСЯЯ, I, с. 110]; *киргил* лит.: 'черный дятел' – диал.: (эвф. кол.,

мом., нюрб., олекм., сунт., токк.) ‘топор’ [ДСЯЯ, I, с. 113]; *куолай* лит.: ‘пищеvod’ – диал.: (кол.) ‘изгородь из заваленных друг на друга деревьев’ [ДСЯЯ, I, с. 124]; *муора* лит.: ‘море’ – диал.: (долг., усть-ян., верх.-кол.) ‘тундра’ [ДАЯЯ, I, с. 165]; *мэйиш* лит.: ‘мозг // мозговой’ – диал.: (абый., алл., бул., верх., коб., мом., канг., кол., ойм., сакк., сунт., усть-ян., усть-алд., жиг.) ‘голова; головка чего-л.’; ‘верховье реки, речки’; ‘вершина, верхушка, наконечник чего-л.’ [ДСЯЯ, I, с. 168-169]; *тот* лит.: ‘сытость / сытый’ – диал.: (бул., ср.-кол.) ‘солнечная интенсивность весной’: *тот сиэбит* ‘он загорел’ [ДСЯЯ, I, с. 244]; *тылалаа* – лит.: ‘въезжать в лес на охоту’; ‘уезжать в село’ [ЯкутРС, с. 418] – диал.: (есей.) ‘подниматься на гору’ [ДСЯЯ, I, с. 253] – соответствует др.-тюрк. *tayıq-* ‘подниматься, взбираться (на гору)’ [ДТС, с. 527]; *чагда* лит.: ‘сосновый лес, сосняк’ [ЯкутРС, с. 507] – диал.: (верх.-кол.) ‘хвастливый’ [ДСЯЯ, I, с. 296]» о.д.а. [5, с. 33-40].

Түөлбэ тылга литературнай тылга баар семантической категориялар барыта кэриэтэ көстөллөр, ол курдук тыл элбэх суолталаныыта, омонимнар, синонимнар уонна антонимнар. Ону тэнэ эргэрбит тыллар, историзмнар, экспрессивнай-эмоциональнай суолталаах тыллар, суолталара кэнээбит, кыараабыт тыллар, ону тэнэ сомоҕо домохтор эмиэ киирэллэр. Олору С.А. Иванов кэлинни үлэтигэр көрөр санаалаах буолан, бу үлэтигэр тохтооботох.

С.А. Иванов ырытар матырыйаалыгар хас биирдии тыл ханнык тылтан үөскээбитин, төрүтгээбин, эбэтэр сабаҕаланар этимоннарын толору биэрэр. Хас ырытыллар түөлбэ тыла тарҕаммыт сирдэринэн, оройуоннарынан бэриллэр. Холобурдаан аҕаллахха, маннык: «*алаһа* в колымских говорах употребляется в значении ‘дом, домашний очаг’ и в качестве эвфемизма ‘берлога’, но считается архаизмом [ДСЯЯ, I, с. 43]; слово, по-видимому, восходит к др.-тюрк. *alaşı* ‘шатер’ [ДТС, с. 33], что интерпретируется как китаизм в пратюркском [3, с. 67]; в современном якутском литературном языке *алаһа* употребляется как постоянный эпитет со словом *дьиэ*: *алаһа дьиэ* ‘родной дом, родной очаг’, но считается устаревшим словом [ЯкутРС, с. 37]; первоначальное *алаһа*, по-видимому, обозначало временное жилище, построенное из жердей [см.: СИГТЯ, 2001, с. 496-497], потом постепенно приобрело более «благородное» значение, например, в тюркских языках – ‘шатер’, в якутском – ‘родной дом, родной очаг’ [5, с. 189]; *кыыс* аллаиховские якуты употребляют в значении *кэргэн, ойох* ‘жена’ [ДСЯЯ, I, с. 142], что соответствует др.-тюрк. *kis* ‘жена’: *kisal* ‘жениться’: *olkisialdi* ‘он женился’ [ДТС, с. 310]; *kis* учеными сближается с др.-тюрк. *kiši*, которое также имело значение ‘жена’ [ДТС,

с. 310, см.: статью *kiši* ‘человек, человеческий’]; хотя тюрк. *kis* ‘жена’ и *kiši* в значении ‘жена’ не имеют ясной этимологии [ЭСТЯ, 1997, с. 78-79], *kis* сохранилось, как установлено, в виде *кыыс* в аллаховском говоре. Видимо, слово унаследовано от далекого прошлого, хотя бы от эпохи Махмуда Кашгарского (XI в.)» [5, с. 41].

Түмүктээн эттэххэ, С.А. Иванов «Саха түөлбэ тылын лексическэй уратыллара» үлэтигэр олус дьээнкэ теоретическай төрүккэ олобуран, өлгөм матырыйаалын атын тылларга диринник тэннээн, саха түөлбэ тылын лексическэй уратыларын чабылхайдык ырытан, дакаастаан кыайа туппут. Бу үлэ лексикология проблематынан дьарыктанар тыл үөрэхтээхтэригэр, чуолаан эдэр чинчийээччилэргэ, олус наадалаах үлэ буоларын тоһоҕолоон бэлиэтиэби баҕарыллар. Саха түөлбэ тылын морфологическай, лексическэй уратыларын тэннээн ырытыы, арааһа, түүр тылларыгар бастакы үлэ буолуо.

Литература

1. *Воронкин М.С., Алексеев М.П.* Саха диалектологиятын очерката (Очерк якутской диалектологии): Научный отчет 1969–1971 гг.: Рукопись, 1977 // Архив ЯНЦ СО РАН. Ф.5. Оп. 12. Ед. хр. 127. – 691 л.
2. *Воронкин М.С.* Саха диалектологиятын очерката: Фонетика уонна Морфология. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 244 с.
3. *Дыбо А.В.* Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексические контакты ранних тюрков: лексический фонд: пратюркский период. – М.: Изд-во «Восточная литература» РАН, 2007. – 223 с.
4. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
5. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 391 с.
6. *Ксенофонтов Г.В.* Ураангхай сахалар: Очерки по древней истории якутов. Т. I, кн. 1, 2. – Якутск: Нац. изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. – 416 с., 318 с.
7. *Новгородов И.Н.* Якутско-эвенкийские языковые контакты. – Якутск: 2009. – 248 с.
8. *Слепцов П.А.* Саха тылын историята: Учебное пособие для студентов. – Якутск: Изд-во ЯГУ, 2007. – 290 с.
9. *Убрятова Е.И.* Предисловие // Диалекты тюркских языков: очерки. – М.: Вост. лит., 2010. – С. 7-33.
10. *Шамаева А.Е.* Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. – Якутск, 2012. – 22 с.

11. *Широбокова Н.Н.* Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. – Новосибирск: «Наука», 2005. – 269 с.

Примечание: Сокращения названий источников, языков и говоров даны по: С.А. Иванов. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017.

И.В. Аммосова, Н.Н. Васильева, В.Д. Монастырёв,
ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

САХА ТЫЛЫН ТҮӨЛБЭЛЭРИГЭР МОНГУОЛЛУУ ХАНЫЫЛААХ ТЫЛЛАР

(С.А.Иванов үлэлэринэн)

Саха диалектологията билинни кэмнэ тыл үөрэбин биир саамай күүскэ сайдыбыт салаатын быһытынан сыаналаныан сөп. Ол курдук, С.А. Иванов «Центральная группа говоров якутского языка» диэн киэн тэннэбиллээх үлэтинэн саха тылын исторической диалектологиятын саҕалаабыта. Саха түөлбэ тылларын үөрэтии чыпчаалынан аабыллар региональной хаарталааһын 90-с сылларга түмүктэммитэ. Онтон ыла диалектологической аатыластар [2, 3], 13 тыһыынчаттан тахса тыллаах түөлбэ тылын тылдыгытара бэчээттэнэн табыстылар [1976, 1995].

Билинни кэмнэ түөлбэ тыллара литературнай тыл уонна саха тылыгар тастан киирэ турар нуучча тылын уонна атын омук кэпсэтии тылларын сабыдыалынан сүтэ, симэлийэ тураллар. Олор истэригэр урукку кэмнэ түөлбэлэргэ киэнник тутуллубут, атын тыллартан кириии тыллар эргэрэн эмиэ туораан, сүтэн иһэллэр.

Монгуол тыла саха тылыгар сабыдыалын туһунан аҕыйаҕа суох үлэ суруллан турар [Рассадин, 1980; Калужинской, 1961; Антонов, 1971; Щербак, 1997]. Ол гынан баран, бу анаардас монгуол тылын сабыдыала буоларын дуу, эбэтэр өр кэмнээх бииргэ алтыһы түмүгэ буоларын дуу быһаарарга, бу сыһыаннаһылары киэнник ылан өссө диринэтэн үөрэтии, ол эбэтэр, түөлбэ тылларыгар баар монгуол уонна саха тылын ханыылаһылары булан, көрөн ырытыы, чинчийии улахан суолталаах. Саха тылын лиэксикэтигэр баар монгуол тылын арангатын анаан үөрэтиигэ түөлбэлии тыллары сыһыаран чинчийэр үлэлэр тахсыталаатылар. Ол

курдук, диалектолог С.А. Иванов [1993, 2014, 2017], эдэр чинчийээччи А.Е. Шамаева [2012] үлэлэригэр саха түөлбэ тылларыгар монгуоллуу ханыылаах тыллар фонетической, морфологической, лексической уонна функциональной уратылары көрүллэллэр. Уопсайа 1400 монгуол тылыгар ханыылаах тыллары булан А.Е. Шамаева чинчийбит. Балартан 752 тыл саха литературнай тылыгар суох, анаардас түөлбэ эрэ тылыгар баара бэлиэтэммит.

Спиридон Алексеевич уһун кэмнэ саха түөлбэли тылынан дьарыктаммытын тухары монгуоллуу ханыылаах тылларга ураты болжомтотун ууран үлэлээбитэ көстөр. Тыл историятын чинчийээччи быһыытынан кини саха түөлбэ тылларыгар монгуоллуу ханыылаах тыллары булан ырытытыгар кылгастык тохтоон ааһахпыт. Монгуол тылын кытта ханыылаах түөлбэ тылларын кини 1991 сыллаахха тахсыбыт «Монголизмы в диалектной лексике якутского языка» ыстатыйатыгар анаан көрбүтэ [5]. С.А. Иванов сахалар төрүттэрэ монгуол тыллаах биистэри кытта чуолаан ханнык кэмнэ алтыспыттарын анаардас тыл эрэ матырыйаалыгар олобуран быһаарар уустугун, бу алтыһы араас кэмнэргэ, киэн өрүттээхтик уонна уһундук баран, кэлин тиһэбэр монгуол тыллаахтар тылларын илдэе саха тылыгар сыһыа көспүт буолуохтарын сөбүн ыйар [5, с. 59]. Дьининэн ылан көрдөххө, монгуол тылыттан төрүттээх тыллар саха тылыгар дьин сахалыы тыллар курдук кубулуйан, кирири да тылларынан аабыллыбат курдук сөнөн сылдыаллар, холобур: **адаба, алтан, амыдай, байтаһын, хатыыр** уо.д.а. тыллар. Ааптар Иванов С.А. түөлбэ тылларыгар уонна араас уус-уран айымныыларга көстүтэлиир, литературнай тылга киирэ илик 20 тылы ылан, бу тылларга фонетической уларыһылар, семантической халбаннааһыннар хайдах барбыттарын ырытар, олортон аһыйах холобур: **Алдьаас**. Бу тыл *алджийас* диэн монгуол тылын кытта доржоннорун тутулунан сөп түбэхэр, ол гынан баран хотугулуу-илинни зонаба **алдьаас буол, алдьааһыр** көрүнүнэн *‘түөһэй, түөс буол’* диэн кыра семантической халбаннааһыннаах туттуллара ыйышлар. Оттон монгуол тылыгар бу тыл суолтата *‘сылай, илихин; сылбан, сэниэн эһин’* диэн эбит. **Баҕады**. Бу тыл Саха сиригэр киин улуустарыгар **мунха** диэн тыл синонимын быһыытынан туттуллар, оттон атын түөлбэ тылларыгар *‘булт быһыта, быһыт’*, *‘чаачар, айа’*, *‘ох саа онобоһо’* диэн суолталанар. Учуонайдар бу тылы үксүн **баҕаджи, баҕаджа** диэн монгуол тылын кытта дьүөрэли туталлар. Билинни монгуол тылыгар **багаж** диэн көрүнүнэн *‘сэн-сэбиргэл, туттар сэн’* диэн суолталааба биллэр.

Онон саха уонна монгуол тылларыгар бу тыллар суолталарыгар кы- ралаан халбаннааһын барбытын ааптар бэлиэтээбит. **Хансаар, хаансаар.** Хотугулуу-илинни диалектнай зонаҕа тарҕаммыт тыл, 'мурун, хонгоруу, мурун үүтэ' диэн суолталаах. Бу тылы ааптар монгуоллуу **ханшаар** 'хонгоруу' диэн тылга ханыылыы көрөр уонна былыргы монгуол тылыгар **хангшийар ~ хонгшийар** барыйааннардааһын ыйар, манна көстөр **а/о** аралдыһыыларын былыргы төрүт тыл көстүүтэ буоларын бэлиэтиир [5, с. 58-69].

Биллэрин курдук, саха тылыгар көстөр монгуоллуу ханыылаах тыллар монгуол тылыттан кирири тыллар курдук аабыллар. Саха ты- лын үөрэбэр маннык тыллар саха тылын бүтүүн лиэкстикэтин 1/3 ыла- лар диэн олохсуйбут көрүү баар. Ол эрээри учуонайдар А.М. Щербак, Л.Н. Харитонов сабаҕалааһыннарынан, былыргы саха тыла төттөрүтүн монгуол тылыгар эмиэ сабыдыллаабыт буолуон сөп эбит. Спиридон Алексеевич бу көрүүнү өйүүр. Кини суруйарынан, сахалар төрүттэрэ хаһан эрэ монгуоллуу тыллаах биистэри кытта өр кэмнэ алтыһан олорон, анаардастыы ыла эрэ озорбокко, кинилэр тылларыгар эмиэ дьайбыт бу- луохтарынан сөп. Кини маннык түмүккэ кэлэрин биир төрүөтүнэн **-й** дорҕоонунан бүтэр дьүһүннүүр туохтуурдар сыһыарыыларын уларыйы- ларын ырытан, чинчийэн көрбүтэ буолар [5, с. 157]. Холобур, **анай-, ар- бай-, багдай-, балҕай-, баллай-, балмай-, бэлтэй-** диэн уонна да атын дьүһүннүүр туохтуурдар былыргы монгуол тылыгар көстөр **-aji-, eji-, -oji, -yji-** дифтоннарынан бүтэр **аһуaji-, arbaji-, баҕdaji-, balqaji-, baldaji-, balta- ji-, belteji-** диэн дьүһүннүүр туохтуурдары кытта ханыылаһалларын ыйар уонна саха тылын дьүһүннүүр туохтуурдара монгуол тылыттан кирири- тэрэ эбитэ буоллар, эмиэ итинник уһун аһаҕас дорҕоонунан эбэтэр дифтонунан бүтүөхтээхтэр этэ диир. Холобура, монгуол тылыттан кири- бит **elije** (элиэ), **kelgije** (кэлгиэ), **kürije** (күрүө), **qašija** (хаһаа), **dayurijan** (дуораан) уо.д.а. тылларга курдук. Үөһээ ыйылыбыт дьүһүннүүр ту- охтуурдарга маннык көстүү суоҕун быһыытынан, ааптар Спиридон Алек- сеевич саха тылын **-й** дорҕоонунан бүтэр дьүһүннүүр туохтуурдара хаһан эрэ монгуол тылларыгар кириэн тыл бүтэһигэр **i** аһаҕас дорҕоону эбии ылынан туттуллар буолбуттар эбит диэн интэриэһинэй түмүккэ тийээн кэлэр. Онон бу тыллар төттөрүтүн монгуол тылыгар сахаттан кирири тыллар буолуохтарынан сөбүн ыйар [6, с. 162].

Түөлбэ тылларын лексическэй састаабын ырыппыт «Лексические особенности говоров якутского языка» диэн 2017 сыллаахха тахсыбыт үлэтин матырыйаалын ааптар инники тахсыбыт түөлбэ тылын тылдыт- тарыттан ылан чинчийбит [1976, 1995]. Монгуоллуу ханыылаах тыллар

суолталара монгуол-нуучча тылларын (1957) уонна Улахан академиче-
скай монгуол-нуучча тылларын (2001-2002) тылдьыттарыгар олобуран
быһаарыллыбыттар. Бу үлэтигэр ааптар Э.К. Пекарскай [1959],
Г.В. Попов [1986], Ст. Калужинскай [1961], В.И. Рассадин [1980] уо.д.а.
чинчийээччилэр булбут монгуоллуу ханыылаах тылларыгар эбии өссө
манныктары булан киллэрбит, холобур, **кылаҕаһын** ‘хаар сарадаҕа’. Бу
тыл былыргы монгуол тылыгар **kilaya**, билиннигэ **хялаа** ‘күннээххэ
күлүмүрдээн түһэр бытархай хаар кыырнаҕа’ диэн суолталаабын ыйар.
Аһаҕас дорҕооннор икки ардыларынааҕы үдорҕоону тута сылдьарынан,
бу тыл олох эрдэ саха тылыгар киирбит буолуон сөп диэн ааптар са-
баҕалыыр [7, с. 43]. Оттон былыргы монгуол тылыгар **kilbar**, билинни
тылга **хялбар** ‘чэпчэки, ыарахана суох’ диэн суолталаах тыл Бүлүү бөлөх
сахаларыгар **кылбар** ‘чэпчэкитик оҕолонор, чэпчэкитик быһһанар’ диэн
суолтаҕа туттулла сылдьарын бэлиэтиир. Бу тыл урукку өттүгэр ханнык
да тылдьыттарга киирбэтэбин, арай Улахан Быһаарыылаах тылдьыкка
түөлбэ тыла диэн бэлиэлээх ылыллыбытын ыйар. Бу тыллар кэрэһэли-
иллэринэн, сорох монгуол тыллара былыргы саха тылыгар өссө
эрдэтээнни орто үйэҕэ киирбит буолуохтарын сөп диэн этэр.

Мань таһынан, бу үлэтигэр С.А. Иванов бэлиэтииринэн, түөлбэ
тылларыгар дын түүрдүү тылы үөскэтэр сыһыарыылар биирдиилээн эмэ
көстөллөр. Ол оннугар, аат уонна туохтуур олохторугар сыстан тылы
үөскэтэр, атын тыллартан киирбит сыһыарыылар бааларын ыйар. Ол
курдук, монгуол тылыттан **-лдьуор: суккулдьуор** (суккуй+лдьуор) ‘*айах
көндөйүн улаҕа өттө, улаҕата, бэлэс*’; **-һун: наннаһын – даннаһын**
‘*кырыс*’ (дан >даннаа+һун).

С.А. Иванов **-һым** диэн ааты үөскэтэр сыһыарыы туһунан бэйэтэ
туспа көрүүлэрдээх. В.В. Радлов бу киэнник тарҕаммыт сыһыарыыны
саха тыла бэйэтэ үөскэппит сыһыарыытын курдук көрөрө. Оттон
А.М. Щербак бу сыһыарыы монгуол тылын сорох түөлбэлэригэр былыр-
гы саха тылыттан киирбит буолуон сөбүн ыйар. Холобур, **эмчит** уонна
илдьит диэн тыллар **эмчид** уонна **элчид** көрүнгүнэн сылдьаллар. Манна
-ѳи диэн киһи дьарыгын көрдөрөр былыргы сыһыарыыга элбэх ахсаан
сыһыарыыта **-тэ** биллэр: **эмчид** ‘*эмчиттэр*’, **элчид** ‘*илдьити тиэрдээчи-
лэр*’. Монгуол тылын эрдэтээнни ылынытыгар бу сыһыарыы **-ѳин** диэн
биир ахсаан көрүнгүнэн киирбит. С.А. Иванов бэлиэ- тииринэн, **-ѳин**
сыһыарыы саха тылыгар бэйэтинэн туттуллубат, сорох **эмэхсин,**
симэхсин, харахсын диэн монгуол төрүттээх тылларга эрэ ордон хаал-
быт. Манна эбии ааптар Э.К. Пекарскай уонна А.Е. Кулаковскай маты-
рыйаалларыттан **бөтүөрчүн (бөтүөччүн), мөнгүрүөччүн** курдук тыллары

киллэрбит [7, с. 50]. Ааптар **-һым** сыһыарыы элбэх суолталаабын уонна билигин даҕаны литературнай эрэ тылга буолбакка, түөлбэ тылларыгар эмиэ санга тыллары үөскэтиигэ киэн кыахтаабын ыйар уонна 17 араас суолталаах тыллар бөлөхтөрүн наардаан бизэрэр. Олор истэригэр, холобур, маннык түөлбэ тылларын булан киллэрэр: киһи кыабын көрөн, туохха сыстаҕаһын, идэтийбитин – **айааһым, айаасчым, маамыксыт, сапчым, тимирдьым** у.д.а.; киһи айар дьоһурунан тугу гынар кыахтаабын – **суруйууһум, тыдьдьым** у.д.а.; булт биир чопчу көрүнгүнэн дьарыктанар дьон аатын – **булууһум, ыттыксыт** у.д.а.; ыарыылар ааттарын – **ахсырҕанньым, бохсурҕанньым, бөтөбөһүм, саҕаһым, тобуксум** у.д.а.

Спиридон Алексеевич түөлбэ эрэ тылыгар тарҕаммыт үгүс туохтуурдар ааттан уонна туохтууртан бүтүүн саха тылыгар киэнник туттуллар сыһыарыыларынан үөскүүлэрин ыйар. Олор истэригэр элбэх монгуоллуу ханыылаах тыллар бааллар, холобур: **аҕайдаа-** ‘*дьиэ үлэтинэн дьарыгыр*’, **атаалаа-** ‘*өһүөннээхтик сыһыаннас*’, **багалаа-** ‘*боруобалаа*’, **бөлөбөлөө-** ‘*бөлөхтөөн ыт*’, **доролоо-** ‘*улахан болҕомтолообунан аабыма, аахайыма*’, **көндөйдөө-** ‘*саанан ыт*’ о.д.а. [7, с. 128-146].

Спиридон Алексеевич түөлбэ тылга олобуран тыл историятын чинчийээччи буоларын быһыытынан, араас омук тылларын алтыһыларыгар улахан болҕомтотун уурар. Ол кини атын тыллары этэ да барбакка, чуолаан монгуол тылын матырыйаалын төһө кыалларынан үлэлэрин ситимигэр киллэрэн чинчийбитигэр көстөр. Ол курдук, кини фонетика, морфологуйа, лексикэ араҕаларыгар көстөр уратылары кыраҕытык бэлиэтии көрөн, ымпыктаан-чымпыктаан ырытан чинчийбит учуонай. Кини А.М. Щербак, Л.Н. Харитонов курдук учуонайдар былыргы саха тыла монгуол тылыгар сабыдыаллаабыт буолуон сөп эбит диэн көрүүлэрин тутуһар. Бу боппуруос инники өттүгэр дирин, далааһыннаах чинчийиини эрэйэр.

Түмүктээн этгэххэ, Спиридон Алексеевич Иванов эдэр чинчийээччилэргэ бары өттүнэн холобур буолар дьиннээх классической учуонай.

Литература

1. Антонов Н.К. Материалы по исторической лексике якутского языка. – Якутск, 1971. – 171 с.
2. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч.1: Фонетика / Сост. С.А. Иванов. – Якутск: Изд-во СО РАН, Якут. филиал, 2004. – 128 с.
3. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч.2: Морфология и лексика / Сост. С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.

4. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
5. *Иванов С.А.* Монголизмы в диалектной лексике якутского языка // Якутский язык: Семантика, фразеология. Сб. науч. трудов – Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990. – С. 58-69.
6. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
7. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
8. *Калужинский Ст.* Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории. – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – Вып. 3(8). – С. 5-21.
9. *Пекарский Э.К.* Словарь якутского языка. – СПб., 1959. – 3858 стлб.
10. *Попов Г.В.* Слова “неизвестного происхождения” якутского языка: Сравнительно-историческое исследование. – Якутск: Кн. изд-во, 1986. – 148с.
11. *Рассадин В.И.* Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. – М.: Наука, 1980. – 114 с.
12. Саха түүлбэ тылын тылдыта. – Новосибирской: Наука, 1995. – 296 с.
13. *Харитонов Л.Н.* Типы глагольной основы в якутском языке. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1954. – 312 с.
14. *Шамаева А.Е.* Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Якутск, 2012. – 22 с.
15. *Щербак А.М.* Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв.). – СПб.: Изд-во ИЛИ РАН, 1997. – 292 с.

Н.И. Данилова,

ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

ДИАЛЕКТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ЗАЛОГОВОЙ СИСТЕМЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В настоящее время якутский язык по своим основным параметрам подходит под категорию письменного литературного языка, который определяется как «такой язык, письменная форма которого в синхронном

состоянии используется всеми представителями коллектива без специальной или функциональной специфики, и является признанной за пределами коллектива» [1, с. 34]. Как известно, для письменного языка особую важность и актуальность имеет вопрос соотношения литературной формы языка и диалектных явлений. Специалисты по якутскому языку единодушны в том, что «когда якутский литературный язык, сформировавшись, вступил в полосу интенсивного развития, взаимоотношения его с местными говорами существенно изменились. Между ними наблюдается взаимодействие, но литературный язык с его кодифицирующим эффектом больше влияет на местные говоры, чем наоборот» [2, с. 47]. Но, несмотря на главенствующую позицию литературного якутского языка с устоявшейся, продолжительной письменной традицией, некоторые диалектные явления все еще сохраняются. Так, для говоров якутского языка характерны особенности в интонационной структуре высказывания, лексике, семантике, грамматике, фонетике. При этом меньшее количество расхождений с литературным вариантом приходится на область грамматики. Они касаются словообразования, образования некоторых форм имен и глаголов. В якутских глаголах расхождения с литературным языком отмечаются в употреблении причастных форм (причастие настоящего времени *-ар* и форма *-ай* в говорах северо-восточной диалектной зоны, причастие на *-ыах*), деепричастных форм, форм наклонения. Среди грамматических особенностей говоров значительный интерес представляют отклонения в образовании и употреблении залоговых форм глагола. Из этих форм С.А. Иванов приводит три основные: «образование формы побудительного залога от некоторых переходных глаголов посредством аффикса *-арт* (...) вместо *-ар* (...)», употребление формы возвратного залога в значении действительного, образование форм возвратного залога от двух разных основ побудительного залога [5, с. 180]. Эти особенности он относит к «чисто грамматическим диалектным явлениям» [Там же, с. 13].

Обратимся к каждой из них, прежде всего к глагольной форме, образованной при помощи аффикса *-н*.

Все исследователи якутского языка отмечают, что в говорах северной диалектной зоны, сохранивших архаичные явления, наблюдается «широкое употребление форм возвратного залога глагола вместо основного залога» [7, с. 141]. М.С. Воронкин эту особенность говоров считал «одной из значительных грамматических особенностей в диалектной системе якутского языка» [2, с. 150]. Солидарен с ним и С.А. Иванов, который считает, что «в северных говорах наблюдается почти тотальная замена

действительного залога возвратным» [5, с. 13]. Это утверждение закрепляется картами Диалектологического атласа якутского языка, где четко отражена изоглосса этого явления, которое охватывает всю северную половину современной территории республики, и распространено также в языке долганских и есейских якутов. Правда, в этих говорах, соседствующих с северо-западной диалектной зоной зафиксировано «более умеренное употребление возвратного залога вместо действительного» [3, с. 57]. Приведем примеры: «долг. *Бэйэм итэгэһим туһунан һангарынным* ‘Я высказался о своих недостатках’; ес. *Бэйэтигэр эмиз ойох ылынна* ‘Сам он тоже женился’; *Обом төбөтө дэлби итийбит, ол иһин ытанар* ‘Голова моего ребенка стала совсем горячей, поэтому он (себе) плачет’; анаб. *Кырдыаҕас киһи һаатынар буоллаҕа дии* ‘Ведь (себе) стыдится старый человек’; аб. *Оноҕос һааннан ытыаланар бу уол* ‘Этот мальчик стреляет (себе) из лука’; *һолом быһыһгар аахтар этим* ‘Я читал (себе) между делом’; *Сэлэ кытат кыыла ... сибилигин кэлиннэ* ‘Южные птицы только что прилетели’; мом. *Уу баста барда* ‘он пошел за водой’ [2, с. 150].

Эта же особенность северных говоров в фольклорных записях, иногда и в литературных произведениях авторов-выходцев из данной территории, обычно сохраняется. К примеру, в сборнике рассказов, легенд и преданий Н. Абыйчанина зафиксировано много случаев употребления форм глагола с аффиксом *-н*, не имеющих залогового управления и, соответственно, образующих диатезу не возвратного, а основного залога. Приведем примеры: *Обонньор барбытын иккис хонугар сарсыарда эрдэлээн уучахтарын сылгыланан* (вм. лит. *сылгылаан*), *тордохторун көтүрэн барардыы онһуннулар* (НА Б 78) ‘На второй день после отъезда старика пригнали оленей, разобрали тордохи и собрались уезжать’; *Онтон илимин көрүнэ* (вм. лит. *көрө*) *киирбит* (НА Б 45) ‘Затем пошел проверять сети’; *Тумус Тааска бултана* (вм. лит. *бултуу*) *барар баҕалаахпын кэпсэтим* (НА ЧуоС 6) ‘Я рассказал о своем намерении ехать охотиться в Тумус Таас’; *Халлаан чэмэлийэ сырдаан эрдэбинэ табаларбыттан улахан уучахпын тутан, балачча ыраах ыырынан сылдьан бултаныам* (вм. лит. *бултуом*) *дэнним* (вм. лит. *диэтим*) (НА ЧуоС 14) ‘Когда небо начало ярко светлеть, поймал из оленей большого ездового, и решил охотиться в довольно далеких местах’.

В представленных примерах семантика рефлексива, маркированного аффиксом *-н*, существенно нивелирована, даже утрачена, поэтому вполне допустимо присоединение этого аффикса к аффиксам других залоговых форм. К примеру, в говорах Севера Якутии встречаются случаи двойного

оформления аффикса возвратного залога: Суланья ...бэл буутун ортотунан буолар кылгас ыстааны тиктиммитэ < тик-ин-ин-бит-э (вм. лит. *тиктибитэ* < *тик-ин-бит-э*) (НА ЧУоС 51) ‘Суланя даже сшила короткие штаны по середине ляжек’.

Употребление формы с показателем *-н* в не залоговой функции, а в качестве основы глагола можно сравнить со случаями, когда в «древнейших производных глаголах типа *sevin-* ‘радоваться’ от *sev-* ‘любить’, *soyui-* ‘чувствовать холод, мерзнуть’ (ДТС, 507) от *soyi-* ‘остыть’ (Там же), *qysui-* ‘скупиться’ (Там же, 448) от *qys-* ‘сжимать, стискивать, сдавливать’ (Там же), *sezin-* ‘сомневаться’ (Там же, 449) от *sez-* ‘чувствовать, иметь подозрение, замечать’, *alqun-* ‘исчезать, исчерпываться, погибать, умирать’ (Там же, 38) от *alq-* ‘губить, уничтожать, положить предел, прекращать’ (Там же, 37) форма на *-н* вовсе не имеет значения возвратного залога и выступает в чисто деривационной функции» [9, с. 300].

В связи с этим важно упомянуть, что в якутском языке существует также обширный круг глагольных форм с показателем *-н*, исходная основа которых в современном языке не сохранилась. Список этих основ под названием «Глаголы с аффиксами возвратного значения (*-н*, *-ын*, *-ыһын*, *-ылын*, *-ытын*)» в приложении к своей монографии поместил Л.Н. Харитонов. Вот некоторые из них: *аһын-* ‘поминать’, *алдьан-* ‘разрушаться, ломаться’ (ср. *алдьат-*; тат. *алдьа-* Пек.), *астын-* ‘получить удовлетворение, удовлетвориться’ (ср. *астый-* ‘запасаться съестными продуктами’), *дыксин-* ‘пугаться’ (ср. образное *дык гын-*, *дыгис гын-* ‘вздрогнуть’), *бат+ылын-* ‘вязнуть, погружаться’, *иһилин-* ‘слышаться, быть слышимым’ и т.д. [9, с. 122]. Как можно судить по данному списку, эти основы в большинстве своем содержат семантику рефлексива. Кроме того, можно заметить, что основы, о которых идет речь, в большинстве своем относятся к группе глаголов состояния, а также к образной лексике.

Приведенные выше диалектные явления в употреблении аффикса возвратного залога – это результат исторического развития не только морфологической, но и семантической структуры системы залоговых форм якутского языка. С точки зрения морфологии, утрата залогового значения в аффиксе *-н*, которая приводит к двойной аффиксации, это явление опрощения. Как утверждают исследователи, “опрощение является процессом, постоянно сопровождающим развитие словообразовательной (и в меньшей мере также словоизменительной) системы языка. Именно в результате опрощения возникает такое явление, как «связанные корни», т.е., корни, которые встречаются только в сочетании с опреде-

ленными аффиксами» [8, с. 50]. Такие корни представлены как раз в списке глагольных основ, приведенных Л.Н. Харитоновым: *абын-* ‘поминать’, *алдьан-* ‘разрушаться, ломаться’, *дыксин-* ‘вздрагнуть’, *уөрэн-* ‘учиться’ и т.д. Таким образом, можно допустить, что утрата возвратного залогового значения в якутских глагольных основах связана с широко распространенным в языках разной типологии процессом опрощения.

Вторая особенность говоров якутского языка фиксируется в форме побудительного залога: здесь она образуется посредством аффикса *-арт* вместо литературного *-ар*. Как отмечает С.А. Иванов, это диалектное явление распространено «во всех северных говорах, включая диалект долган и говор есейских якутов, а также оймяконо-колымские говоры» [5, с. 180]. При этом он предполагает, что *-арт* представляет собой «широкую разновидность аффикса *-ырт*» [Там же, с. 181] и приводит случаи «наложения аффикса побудительного залога на побудительный залоговый аффикс» в тофаларском и хакасском языках.

Имеет смысл также сравнить данную диалектную залоговую форму с присоединением аффикса понудительного залога *-т* к основам на *-л*, *-р*, которое наблюдается в других тюркских, например, турецком языке: *otur-t-mak* ‘заставить сесть, усадить’ (от *otur-mak* ‘сидеть, садиться’), *bağır-t-mak* ‘заставить кричать’ (от *bağır-mak* ‘кричать’) [6, с. 202].

Далее, это явление, имеющее первоначально фонологическое объяснение (сочетание *-т* с *-л*, *-р*, как в якутских основах *бааһырт-* ‘ранить’, *куурт-* ‘сушить’, *кыыһырт-* ‘рассердить’, *олорт-* ‘сажать’ и т.д.), в говорах по аналогии распространилось и на другие глагольные основы. В результате появились основы, сохранившиеся ныне в диалектах: *аһарт-* < *аас-ар-т* ‘пропустить’ (вм. *аһар-*), *оһорт-* < *ос-ор-т* ‘вылечить’, *көһөрт-* < *көс-өр-т* ‘переселить’, *өлөрт-* < *өл-өр-т* ‘убить, умертвить’, *тоһорт-* ‘заморозить’ и т.д. Таким образом, образование в говорах якутского языка форм с двойной каузацией можно объяснить также как результат действия закона лингвистической аналогии, понимаемой как образование одной языковой формы по образцу другой. В нашем случае, диалектные морфологические образования типа *аһарт-*, *көһөрт-*, *өлөрт-* и т.д. допускают интерпретацию их как оформление по образцу каузативной парадигмы от основ с окончанием на *-р*: *кыыһырт-т-*, *олорт-т-*, *тириэрт-т-* и т.п.

Как мы видим, оба приведенных явления в говорах якутского языка: употребление рефлексива и каузатива с двойным оформлением (в случае с возвратной формой – вследствие десемантизации залоговой формы, а

побудительной формы – по аналогии) – широко распространенное в пределах тюркского языкового ареала явление, которое исследователи объясняют семантическими изменениями, когда «в зависимости от лексического значения основы аффиксы нередко сообщают им (исходным основам) не залоговое, а новое лексическое значение, т.е. служат не формообразованию, а словообразованию» [6, с. 205].

Третье диалектное явление в сфере образования и употребления залоговых форм, зафиксированное в материалах говоров якутского языка – это “образование форм возвратного залога от двух разных основ побудительного залога”, приводимое С.А. Ивановым. В данном случае речь идет о залоговых “возвратного залога небольшого числа переходных глаголов типа *үүннэстэбин* ‘выращиваю’, *киллэстэбин* ‘заношу, вношу внутрь’, *кыынньастабын* ‘кипячу’, *көөнньөстөбүн* ‘запариваю» [4, с. 67], в которых залоговое значение не обнаруживается. Приводимые случаи коррелируют с предыдущими в том смысле, что здесь залоговая форма также десемантизирована. С.А. Иванов данное явление объясняет тем, что “в древнеякутском языке ... сосуществовали две разновидности спряжения формы возвратного залога типа: *үүннэстэбин*, *үүннэстэбин*, *үүннэстэр* и *үүннэринэбин*, *үүннэринэбин*, *үүннэринэр* и т.д.” [5, с. 185]. При этом, первая разновидность залогового спряжения объясняется как образованная при помощи архаичного аффикса *-tiz*, “следы которого обнаруживаются в некоторых якутских глагольных формах” [Там же].

Приводимые морфологические образования типа *үүннэстэбин*, *киллэстэбин* коррелируют с многочисленными основами, содержащими морфологический элемент *-һын*: *аадаһын*- ‘еле, тяжело передвигаться (об очень грузном, полном человеке)’ [БТСЯЯ, I, с. 124], *айгыһын*- ‘двигаться очень медленно, без суеты, спокойно, быть медлительным’ [Там же, с. 337], *быыппаһын*- ‘сильно напрягаться’ [БТСЯЯ, II, с. 807], *бөбүөһүн*- ‘делать что-л., словно окоченев от холода, медленно и неуклюже’ [БТСЯЯ, II, с. 438], *илгиһин*- ‘мотать, трясти головой, дрожать, трепетать, колыхаться’ [БТСЯЯ, III, с. 614], *кимиһин*- ‘вваливаться, завалиться внутрь’ [БТСЯЯ, IV, с. 119], *кытыаһын*- ‘гореть ярким пламенем, ярко пылать, полыхать’ [БТСЯЯ, V, с. 401], *мырдыһын*- ‘морщиться, сморщиваться (о недовольном выражении лица)’ [БТСЯЯ, VI, с. 390], *сөрүөһүн*- ‘покрываться, перекошиться’ [БТСЯЯ, IX, с. 84] и т.д. Эти основы при спряжении принимают тот же состав фонем, что и диалектные: *аадастабын* ‘еле, тяжело передвигаюсь’, *айгыстабын* ‘медлю’, *быыппастабын* ‘напрягаюсь’ и т.д. Можно заметить, что глагольные основы, о которых

идет речь, в большинстве своем относятся к образной лексике, хотя в современном якутском языке значение их значительно расширилось.

В основах обеих залоговых парадигм можно отметить присутствие элемента *-рын // -һын* (*үүннэрин- > үүннэринэбин // үүннэһин- > үүннэстэбин*), что дает основание допустить здесь действие закона ротацизма, понимаемого как стандартное тюркское соответствие *-r- // -z-*. Как известно, по распространенности ротацизма на втором месте после болгарских языков стоит якутский: *кэр-ий* 'ходить' – тюркское *käz- / kez-*. Но в данном случае можно допустить, что общетюркское соответствие *-r- // -z-* в якутском языке приняло вид *-p- // -с(h)* в паре современный литературный якутский – говоры, в которых сохранился общетюркский рефлекс.

Обсуждаемые диалектные явления могут служить подтверждением сложных фонологических, морфологических, семантических процессов внутри залоговой системы, произошедших в процессе развития якутского языка. Сохранение данных и других особенностей говоров в письменном литературном языке, имеющем активно работающие кодифицированные нормы, позволяет говорить об устойчивости архаичных вариантов, обусловленных аутентичной природой языкового строя.

Литература

1. *Бурыкин А.А.* О соотношении понятий «литературный язык» и «письменный язык» применительно к языкам малочисленных народов Севера РФ // *Материалы конференции, посв. 90-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН А.Н. Десницкой.* – СПб., 2002. – С. 33-40.
2. *Воронкин М.С.* Диалектная система якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
3. *Иванов С.А.* Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. II. Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
4. *Иванов С.А.* Роль Е.И. Коркиной в изучении якутской диалектологии // *Северо-Восточный гуманитарный вестник.* – 2012. – № 2(5). – С. 64-70.
5. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
6. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. – М.-Л., 1956. – 570 с.
7. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.
8. *Плунгян В.А.* Общая морфология. Введение в проблематику. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

9. Харитонов Л.Н. Залоговые формы глагола в якутском языке. – М.-Л., 1963. – 124 с.

10. Юлдашев А.А. Категория залога // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – С. 269-309.

Источники

БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: СИФ «Наука».

НА Б – Николай Абыйчанин. Быданнаабыта (кэпсээннэр, үһүээннэр, номохтор). – Дьокуускай: Ситим ЧИФ, 1994.

НА ЧуоС – Николай Абыйчанин. Чучунаа уонна Суланьа. Сэһэн. – Якутской: ССКИ, 1984.

Н.Н. Ефремов,

ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

ДИАЛЕКТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА В ЯКУТСКОМ ЯЗЫКЕ (по материалам исследований С.А. Иванова)

В статье на материале исследований С.А. Иванова рассматриваются структурно-семантические и функциональные особенности некоторых диалектных форм глагола в якутском языке.

С.А. Иванов в своих трудах осветил систему диалектных форм глагола и особенности их употребления. В «Диалектологическом атласе якутского языка» (Ч. II) и монографии «Морфологические особенности говоров якутского языка» показаны особенности употребления глаголов в говорах якутского языка. Например, употребление формы преждепрошедшего времени (*барбытым, бартым, баартым*) [1, с. 56]; а также двойное употребление форм условного наклонения *-табына (турдахпына, турдабым кэннэ)* [Там же, с. 58-59] и другие явления, связанные с употреблением глагола. В другой его монографии анализируются, в частности, глаголы, мотивированные деепричастием на *-аат* [3, с. 207].

Рассмотрим названные глагольные формы.

Стяженные формы. В якутском языке функционируют так называемые стяженные формы – варианты форм преждепрошедшего времени, которые встречаются в глаголах движения *бар-*, *кэл-*, *тиий-*, зрительного восприятия *көр-* и др. Они характеризуются двумя вариантами: с кратким

гласным в начальном слоге (*бартым, кэлтим, көртүм*) и долгим гласным (*баартым, кээлтим, көөртүм*).

Формы *бартым, кэлтим, көртүм* и т. п. наряду со нестяженными формами *барбытым, кэлбитим, көрбүтүм* имеют широкое распространение почти во всех говорах, особенно в северо-западной диалектной зоне [1, с. 56]. Сосуществование подобных вариантов отмечается в вилюйских говорах олекмо-вилюйской диалектной зоны, в горном и кобьайском говорах центральной, а также во всех говорах северо-восточной диалектной зоны. При этом некоторое преимущество отдается стяженным формам *бартым, кэлтим, көртүм*.

Подобные стяженные варианты форм преждепрошедшего времени типа *баартым, кээлтим, көөртүм* предпочтительны в кангаласском, усть-алданском, мегинском, амгинском, чурапчинском, таттинском и усть-майских говорах центральной диалектной зоны; в оймьконском говоре северо-восточной диалектной зоны. В то же время, как показывают анкетные данные, они противоборствуют со стяженными формами *бартым, кэлтим, көртүм*. В настоящее время наблюдается проникновение стяженных форм (*баартым, кээлтим, көөртүм*) в якутский художественный литературный язык [3, с. 56], о чем свидетельствуют, в частности, и произведения классика якутской литературы С.С. Яковлева-Эрилик Эристина. Как показал анализ некоторых его рассказов, в них в большинстве случаев использованы формы с долгим гласным в первом слоге (*баартым, кээлтим* и т.п.).

Авторы учебного издания «Саха билинни тыла. Морполуогуйа» [4, с. 201-202] отмечают, что обсуждаемые формы встречаются в глаголах преждепрошедшего и прошедшего результативного времени (первого). По их наблюдениям, стяженная форма прошедшего результативного времени имеет место в глаголах с основами, оканчивающимися на *-р, -л* [Там же, с. 202].

Двойное употребление форм условного наклонения *-табына (турдахпына, турдабым кэннэ)*. Форма *турдабым кэннэ* является архаичным синонимом литературной структуры *турбутум кэннэ*. Двойное употребление данных форм имеет место, по моему наблюдению, в сфере бипредикативных конструкций (БПК) следования, а именно в условно-временных конструкциях, а не в собственно-условных.

Глаголы, мотивированные деепричастием на *-аат*, не имеют четкой территориальной приуроченности [3, с. 207].

Автором в качестве иллюстративного примера приводится синтетическое сложноподчиненное предложение близкого следования. Сложно-

подчиненные предложения в тюркских языках характеризуются разносубъектностью, то есть части таких предложений имеют собственные субъекты, выраженные личным показателем сказуемого придаточной и главной части, а также лексическими средствами (именами существительными) в роли подлежащего: *Дьыэбэ киирэтин* (вм. *киирбитигэр / киирэтин / киирэрин кытта*), *ыт үрдэ* 'Как только он зашел в дом, раздался лай собаки'. Нормативные формы подобных предложений оформляются послелогом *кытта / кытары* 'как только'. В таких случаях деепричастная форма *-аат* принимает аффикс винительного падежа, поскольку *кытта, кытары* управляют в винительном падеже. Поэтому в разносубъектных конструкциях с зависимым предикатом с *-аатын* можно усмотреть опущение послелога [2].

Формой *-аатын* характеризуется и зависимый предикат моносубъектных бипредикативных предложений. В подобных конструкциях имеет место не опущение послелога, а форма инструментального падежа: *Тураатын* (вм. *тураат*) *барабыт* 'Мы идем, лишь только встанем'.

Вместо вторичной деепричастной формы *-бытынан* употребляется форма *-аатынан*, что можно расценить как синонимичное явление. При этом форма *-аатынан* имеет разговорный оттенок: *Охсуллубутунан – охсуллаатынан* 'только что накошенное сено'; *Ыаммытынан – ыанаатынан үүт* 'парное (только что надоенное) молоко'; *Кырыллыбытынан – кырыллаатынан харчы* 'только что выпущенные купюры' [Там же, с. 207].

Как видно из вышеприведенного, стяженные формы глагола, характеризуются двумя вариантами (*баартым* и *бартым*), противопоставляя друг с другом. Эти формы, согласно данным «Диалектологического атласа якутского языка», бытуют в центральной группе, а также оймьконском говоре северо-восточной диалектной зоны. Формы с долгим гласным проникают в якутский литературный язык. Что касается форм *-аатын, -аатынан*, то они в моносубъектных БПК имеют разговорный характер. Двойное употребление форм условного наклонения *-табына* (*турдахпына, турдабым кэннэ*) имеет место в сфере БПК следования. В разносубъектных БПК *-аатын* – это форма винительного падежа лично-предикативного склонения, поскольку подобные конструкции имеют и послеложное оформление (*кытта, кытары*).

Таким образом, говоры якутского языка разные стилистические и семантические сферы употребления.

Литература

1. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. II: Морфология и лексика / сост. С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
2. Ефремов Н.Н. Сложноподчиненные предложения времени в якутском языке. – М.: Наука, 1984. – 88 с.
3. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
4. Саха билинни тыла. Морполуоугуя. – Дьокуускай: Бичик, 2009. – 288 с.
5. Эрилик Эристиин. Маарыкчаан ыччатара: Роман, сэхэн, кэпсээн-нэр. – Дьокуускай, 1983.

Е.М. Самсонова,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

ДИАЛЕКТНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ В УПОТРЕБЛЕНИИ ИТЕРАТИВНЫХ ФОРМ ЯКУТСКОГО ГЛАГОЛА (на основе исследований С.А. Иванова)

Одним из центральных компонентов семантической структуры высказывания является аспектуальность, среди значений которой как наиболее универсальная выделяется повторяемость действия. В рамках функционально-семантических исследований план выражения категории итеративности в якутском языке может быть представлен репрезентантами различных языковых уровней: лексическими, морфологическими и синтаксическими, функционирующими как самостоятельно, так и в комбинированном виде.

В качестве синтетических репрезентантов семантики итеративности в якутском языке выступают специальные формы с аффиксами многократности, составляющие ядро данного функционально-семантического поля, формы настояще-будущего и прошедшего незаконченного времени изъявительного наклонения и наклонение обычно совершаемого действия.

В якутском языкознании издавна было принято считать, что диалектные морфологические различия в данном языке выражены минимально, поскольку морфология как основная часть структуры языка

является устойчивым элементом, в наименьшей степени подвергающимся изменениям. Однако, как отмечает П.А. Слепцов, “путем скрупулезного изучения всего диалектологического массива С.А. Иванов сумел собрать значительный диалектный материал. Так, в глаголах автор нашел свыше 30 наиболее важных диалектных различий, исключая разнообразие модели словообразования и семантические сдвиги” [3, с. 15].

Основные результаты исследований в области морфологии известного якутского диалектолога, д.филол.н. С.А. Иванова представлены в монографии «Морфологические особенности говоров якутского языка» (Новосибирск, 2014), а также в «Диалектологическом атласе якутского языка. Ч.II. Морфология и лексика» (Новосибирск, 2010).

Рассмотрим диалектные расхождения в образовании и употреблении итеративных глагольных форм, описанные С.А. Ивановым. Так, из всех форм выражения семантики повторяемости исследователем внимание уделено функционированию двух разных случаев диалектных соответствий аффиксов многократности, а также аффикса *-ааччы* обычно совершаемого наклонения:

1) употребление конструкций с аффиксом *-алаа* вместо принятого в литературном языке универсального аффикса многократности *-(ы)талаа*. Исследователями зафиксировано только единственное соответствие этого типа: *хаам-а-лаа* вм. *хаам-ы-талаа* ‘расхаживать, ходить взад и вперед’. Данное явление, как отмечает автор, характерно для периферийных говоров северо-западной диалектной зоны – есейского, анабарского и оленекского говоров и не встречается в литературном языке и других говорах. По мнению С.А. Иванова, рассмотренная форма является древним реликтом [2, с. 198].

2) при выражении семантики множественности действия вместо аффикса многократности *-(ы)талаа* встречается употребление другого аффикса многократности *-аттаа*. Он широко применяется в говорах северо-западной диалектной зоны, особенно в есейском говоре: *Куола оҕолоргун аһататтаа* (ес.); *Иһити сууйаттаабытым* (ес.); *Малтанайаан оҕолорун кытта эмиэ өлөрсөттүүр* (ес.); *Тириитин киилэргэ биэрэттээбитим* (анаб.). В данных примерах, как отмечает исследователь, *аһататтаа*, *өлөрсөттөө* – мотивированы формами побудительного и совместно-взаимного залога, а *сууйаттаа*, *биэрэттээ* – формой близкого будущего времени повелительного наклонения [2, с. 198-199].

3) помимо специальных форм с аффиксами многократности, составляющих ядро данного функционально-семантического поля, к синтетическим репрезентантам с подобной семантикой можно отнести форму наклонения обычно совершаемого действия *-ааччы*. К диалектальным явлениям относится употребление причастной формы на *-ааччы-тын* в м. деепричастия на *-аат-ын*: *Күһитэ барааччытын* (в м. *бараатын*): *кытта* (у.-майск.); *сүтэрээччитин* (в м. *сүтэрээт*) *барбытым* (м.-канг.). Но, в отличие от двух вышеуказанных явлений, в данном случае наблюдается утрачивание рассматриваемой формой своего первоначального итеративного значения. Судя по анкетным данным, единичные случаи употребления причастной формы на *-ааччы-тын* зафиксированы в намском, горном говорах центральной диалектной зоны, в олекминском говоре олекмо-виллюйской диалектной зоны, в усть-янском, абыйском и колымских говорах северо-восточной диалектной зоны. Данное явление нашло отражение и в «Диалектологическом атласе якутского языка. Ч. II. Морфология и лексика» (Новосибирск, 2010), составленном С.А. Ивановым. Рассматриваемая форма, по мнению исследователя, более заметно проявляется в мегинском, чурапчинском, амгинском и усть-майском говорах центральной диалектной зоны и отсюда она, похоже, проникает в другие говоры и в литературный язык, что и отражено в карте № 116 «Употребление деепричастия на *-аат* и причастия на *-ааччы* в функции наречий» [1].

Таким образом, несмотря на немногочисленность диалектных соответствий в выражении итеративной семантики в якутском языке, необходимо отметить неоспоримую ценность вклада известного диалектолога, д.филол.н. С.А. Иванова в изучение функционирования глагольных форм с подобной семантикой. Выявленные им диалектные расхождения служат еще раз доказательством многозначности и взаимозаменяемости аффиксов многократности, а также случаев изменений в семантике тех или иных форм.

Литература

1. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. II. Морфология и лексика / Сост. С.А. Иванов. – Новосибирск, 2010. – 178 с.
2. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
3. Слепцов П.А. Историческая диалектология как источник изучения истории якутского языка в контексте научного творчества С.А. Иванова // Спиридон Алексеевич Иванов: библиографический указатель. – якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2018. – С. 8-17.

В.И. Харабаева,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ В ГОВОРАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Сравнение наряду с анализом, обобщением, абстракцией и конкретизацией, является одной из основных операций мышления как формы познавательной деятельности. Разнообразие способов выражения сравнения понимается в современной лингвистике как функционально-семантическая категория компаративности.

Особый сравнительный смысл передается с помощью специальных конструкций, где эталон сравнения выражается падежными формами существительных. В сравнительных конструкциях с падежным оформлением эталона сравнение происходит «по наличию некоторого признака, общего у сравниваемых предметов, по степени этого признака, которая у сравниваемого предмета признается большей, чем у того, с которым он сравнивается» [1, с. 96].

Наиболее древние сравнительные конструкции якутского языка – конструкции с эталоном сравнения в форме исходного падежа, которые являются общетюркскими [1, с. 39, 96]. Конструкции со сравнительным падежом – именно якутский способ выражения данного содержания. По мнению лингвистов, данный падеж возник на якутской почве [8, с. 1]. Выделил его и назвал сравнительным О.Н. Бетлингк [8, § 595]. Он указал, что в якутском языке компаративный элемент оформляется аффиксом сравнительного падежа *-тааҕар(...)*, *-лааҕар (...)*, *-дааҕар (...)*, *-нааҕар (...)*, который в простом склонении имеет 16 фонетических вариантов. Конструкции с эталоном сравнения в форме сравнительного падежа употребляются главным образом при сравнении с семантикой противопоставления сопоставляемого эталону с некоторой оценкой в положительную или отрицательную сторону.

Выделяются следующие виды конструкций с падежным аффиксом *-тааҕар*:

1. Конструкции, где в качестве эталона сравнения выступает имя существительное (или личное местоимение): *Кырдьык ханнык да была-*

астаабар, ханнык да күүстээбэр ордук күүстээх! (Софр. Данилов) 'Правда сильнее любой власти и силы';

2. Сравнение двух действий: *Наар үтүрүллэ-мөбүллэ олоруохтаабар, эрдэ-сылла барбыт ордук* (Е. Романова, 31) 'Чем все время жить будучи попрекаемой, лучше поскорее уйти';

3. Придаточное предложение сложноподчиненных предложений: *Куһаҕан киһи көрбүтүнээбэр, үчүгэй киһи сэрэйбитэ ордук* (Саха фольклора, 126) 'Лучше чтобы предположит хороший человек, чем увидит плохой человек'.

Рассмотрим вариации употребления сравнительного падежа в говорах якутского языка, описанные в работах якутских диалектологов. В исследованиях отмечаются следующие варианты аффикса сравнительного падежа, употребляемые в говорах якутского языка: *аҕа-таабар ~ аҕа-лаабар ~ аҕа-таабай ~ аҕа-таабан* 'в сравнении с отцом'.

Формы на *-лаабар* (саалаабар в м. саатаабар, оҕолообор в м. оҕотообор), по наблюдениям С.А. Иванова, довольно часто распространены в центральных, олекмо-виллойских и северо-западных группах говоров, отсюда они проникли в северо-восточные говоры якутского языка [4, с. 63]. Формы на *-таабан* отмечались в центральных говорах, но весьма спорадически [3]. Относительно происхождения диалектных вариантов *-лаабар* (саалаабар в м. саатаабар) и *-таабан* (саатаабан) С.А. Иванов предполагает, что они являются разновидностями исторически передаваемого аффикса *-таабар*: «*-лаабар*, возможно, возник под влиянием относительного прилагательного на *-лаах* или по способу образования словоформ типа *ыал-лаабар* 'в сравнении с соседом', *тыал-лаабар* 'в сравнении с ветром' и т.д.: *-таабар* превратился в *-таабан* по модели образования словоформ исходного падежа на *-тан* (...), так как словоформы сравнительного и исходного падежей, по мнению ученых имеют общую генетическую связь» [4, с. 66].

Формы на *-таабай* зарегистрированы преимущественно в есейском, анабарском, оленекском, жиганском, булунском говорах [4, с. 63]. Формы на *-таабай* встречаются в северо-западных говорах, «где зачастую наблюдается переход *p > й*: *кыйа* в м. *кыра* 'маленький', *чайаас* в м. *чараас* 'тонкий', *чарчыгынай* в м. *чарчыгыныар* 'дрозд' [2, с. 66]. Данный переход затрагивал словоформы *киһитээбэй* в м. *киһитээбэр, эһэтээбэй* в м. *эһэтээбэр, миигиннээбэй* в м. *миигиннээбэр* (ес., олен., жиг., булун) [Там же, с. 62, 71-72, 81]. В качестве единичного случая употребления этот переход отмечается в речи якутов центральных улусов, а также саккырырских, индигирских и колымских якутов [3].

Другой вид перехода $p > й$ наблюдается в говорах северо-восточной диалектной зоны, особенно оно характерно для колымских говоров. Данный переход наблюдается в глагольных формах: вместо обычных формантов *-ар (...)*, *-ыр (...)* выступают совершенно необычные для якутского языка постфиксы *-ай (...)*, *-ый (...)*: *барай* вм. *барар* 'уходит', *олорой* вм. *олорор* 'сидит'; *барайым* вм. *барарым* 'я обычно уходил', *киирэйим* вм. *киирэрим* 'я обычно заходил'; *бараайы* вм. *бараары* 'чтобы идти' и т.д. [5, с. 54; 4, с. 177].

По мнению лингвистов, переход $p > й$ является одной из самых примечательных фонетико-грамматических особенностей говора. Данное явление в своих исследованиях отмечали А.А. Саввин, П.П. Барашков, П.Н. Габышев, Е.И. Коркина, М.С. Воронкин, С.А. Иванов. Коркина Е.И. предполагает, что переход $p > й$ в языке колымских и аллаиховских якутов произошел под несомненным влиянием языка юкагиров: «Можно допустить, что при освоении языка... юкагиры использовали привычное для них «свое» окончание настоящего-прошедшего и длительного времен родного языка, т.е. якутский аффикс *-р* заменили юкагирским аффиксом *-й*, в результате чего и получился переход $p > й$ в формах названных времен якутского языка» [5, с. 52-53]. Возникнув первоначально на базе настоящего-будущего времени, йотовое окончание со временем оказалось перенесенным и на другие глагольные формы (причастно-падежные, деепричастные и др.) [5, с. 53]. В настоящее время переход $p > й$, как пишет Е.И. Коркина, у верхневилуйских и группы аллаиховских якутов под воздействием норм литературного якутского языка случается все реже [Там же, с. 53-54].

На счет происхождения перехода $p > й$ в якутских именных и глагольных основах С.А. Иванов полагает, что по своему генезису данный переход, может быть, уходит в глубокую древность [4, с. 176]. Сонант p в тюркологии квалифицируется как неоднородный, легко переходящий в другие звуки и даже зачастую выпадающий, хотя конечный p иногда проявляет устойчивость [6, с. 360-380]. В якутском языке сонант p – звук легко поддающийся ассимилятивно-диссимилятивным изменениям, в силу чего весьма уязвимый для внешнего влияния [4, с. 176]. Как считает С.А. Иванов, «вполне возможно, что в якутском аффиксе *-тааҕай* отражаются следы влияния древнетюркских языковых процессов: в тюркских языках встречаются аффиксы *-тый ~ -туй ~ -дый ~ -дуй*; *-дай ~ -дэй* трактуемые как аффиксы сравнительного падежа: алт. *куштый* 'с птицу', *кандый* 'как кровь'; ст.-кыпч. *кундэй* 'как солнце', казах. *ајнадај* 'как зеркало'» [4, с. 68; 7, с. 58].

Таким образом, приведенные языковые факты, отмечаемые в говорах, могут иметь глубокие исторические корни, что может дать исследователям возможность выдвигать новые идеи о путях исторического развития якутского языка.

Литература

1. *Васильев Ю.И.* Способы выражения сравнения в якутском языке. – Новосибирск: Наука, 1986. – 112 с.
2. *Воронкин М.С.* Северо-западная группа говоров якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1984. – 222 с.
3. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. II: Морфология и лексика / Сост. С.А. Иванов. – Новосибирск: Наука, 2010. – 178 с.
4. *Иванов С.А.* Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
5. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.
6. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Фонетика. – М.: Наука, 1984. – 484 с.
7. *Щербак А.М.* Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков: Имя. – Л.: Наука, 1977. – 190 с.
8. *Böhtlingk O.* Über die Sprache der Jakuten / O. Böhtlingk. – Spb, 1851. – 640 S.

И.Б. Иванова,
ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

СЛОВОФОРМИРУЮЩИЕ ФОРМАНТЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ КОЛИЧЕСТВА

В монографии С.А. Иванова «Морфологические особенности говоров якутского языка», посвященной описанию морфологических особенностей современных якутских говоров с привлечением сравнительно-сопоставительного материала из тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских языков, в разделе «Диалектные различия в формах множественности» [4, с. 23-42] детально описаны вопросы происхождения, территориального размещения, функционирования аффиксов множественности в якутском языке. Помимо ныне известных

формантов, в данной монографии С.А. Иванова были зафиксированы следующие виды форм собирательной множественности, которые относятся к раннему этапу развития тюркского языка: *-x-*: *кумах* ‘песок, пески’, *талах* ‘ива’, *атах* ‘ноги’, *харах* ‘глаза’; *-с-*: *биһиги* ‘мы’, *эһиги* ‘вы’, *үгүс* ‘много, множество’; *-ча-*: *барча* ‘груда, куча’; *-н-*: *түмэн* ‘сообщество’; *-л-*: *оргул* ‘куча, груда’, *күөдэл* ‘ворох, куча тряпья, мусора, хлам’ [7, с. 10-22; 3, с. 24].

Как известно, в современном якутском языке ядро микрополя неопределенно большого количества представлено грамматическим показателем множественного числа общетюркским аффиксом *-лар*, т.е. он является наиболее распространенным грамматическим показателем множественного числа. Данный морфологический способ образования формы множественного числа не отличается от общетюркской модели. В якутском языке аффикс *-лар* присоединяется к именным, глагольным основам и может встречаться как в конце, так и в середине слова. Показатель множественного числа *-лар* сочетается с существительными, обозначающими предметы или предметные явления, поддающиеся счету, указывает на то, что количество указанных предметов больше одного. Аффикс *-лар* известен ‘...по самым ранним письменным источникам и имеет много разновидностей, появившихся вследствие ассимиляции конечными согласными основы его начального согласного, вследствие выпадения согласных и действия гармонии гласных’ [3, с. 82]. В середине XX века Г.А. Никифоров рассматривал случаи употребления форманта множественного числа *-лар*, который имеет различные оттенки значений, вытекающие из содержания предложения, синтаксических отношений слов в предложении. Например, выражение неопределенного множества, собирательности, обозначение коллектива людей по собственному имени, выражение периодической повторяемости слов, качественного отличия веществ и их размещения в пространстве, возвеличительно-ласкательной окраски слов [5].

При изучении формальных показателей множественного числа необходимо отметить наличие древнего показателя множественности *-т*, о котором в тюркологии написано много. Раньше преобладало мнение о монгольском происхождении этого показателя, сейчас доказывают то, что аффикс *-т* имеет персидские, индоиранские корни [6, с. 96]. Как отмечает Л.Н. Харитонов, «можно полагать, что когда-то в якутском языке некоторые имена, приобретающие собирательное значение, во множественном числе имели аффикс *-т*. Впоследствии аффикс *-т* постепенно утратил значение множественного числа, и его стали подчеркивать еще

аффиксом *-лар»* [10, с. 102]. В современном якутском языке форма *-т* может быть обнаружена только при морфологическом анализе слова, его принято считать 'пережиточным'. Этот показатель выделяют в основах, обозначающих преимущественно возрастные и родственные термины: *уолаттар* 'мальчики', *кыргызтар* 'девочки', *оюнньоттор* 'старички', *эмээхситтэр* 'старухи', *тойоттор* 'господа, хозяйева', *хотуттар* 'госпожи, хозяйки' и т.д. Интересен тот факт, что в северных говорах якутского языка аффикс *-т* присоединяется по аналогии и к исконно тюркским основам. Например, *күөлэттэр* (вместо лит. *күүлэр* 'озера'), *ыалаттар* (вместо лит. *ыаллар* 'семьи') и т.д. [3, с. 48].

Далее рассмотрим словоформирующие средства в виде форм *-лыын*, *-лары*, *-лаах*, которые используются в разных ипостасях, выражая при этом множественность, собирательность, количественную неопределенность, иногда двойственность.

Форма *-лары*, выделенная впервые С.В. Ястремским [11, с. 54] как особый падеж, у Е.И. Убрятовой называется как 'винительно-собирательный падеж' [9, с. 132-134] и считается аналогичной форме совместного падежа *-лыын*: *Фашистар оҕолору, оюнньоттору, дьахтардары* – дьону *барытын* кыдыйаллара 'Фашисты истребляли всех – и детей, и стариков, и женщин'; *Соннору, бэргэнэлэри, үтүлүктэри* – *барытын* дьиэбэ хаалларан, атабынан куоппут 'И пальто, и шапку, и рукавицы – все это оставив в доме, он убежал' и т.п. [9, с. 139]. А другие исследователи падежную форму *-лары* [10, с. 112] считают формой, занимающей промежуточное положение между формой падежа и производного наречия, так как имя с данным формантом обозначает образ действия, отвечает на вопрос *как?* Аффикс винительно-собирательного падежа *-лары* в большинстве случаев используется в перечислении однородных членов, которые составляют либо совокупность предметов, целиком подвергающихся действию, либо совокупность частей одного предмета, также целиком подвергшихся действию [8, с. 133]. Иногда *-лары* при местоимениях передает оттенок уничижительного отношения к кому-л. (*миигиннэри ыаллар* 'всех берут, даже меня'). Что касается значения множественности, то считается, что аффикс *-лар*, входящий в состав падежного аффикса, утерял свое значение множественного числа, а передает именно значение некой совокупности перечисленных имен.

Следующим в состав языковых средств выражения множественности входят маркированные слова с формантом *-лаах*, который известен как аффикс обладания. О.Н. Бетлингк отмечает: «Этим аффиксом может быть образован адъектив со значением 'снабженный чем-либо, имеющий что-

либо от каждого субстантива» [1, с. 276]. О том, что аффикс *-лаах*, когда употребляется при собственных именах и названиях людей, выражает значение групповой множественности (или совместности, собирательности), содержится в статье Е.И. Убрятовой «Аффикс обладания *-лаах* в якутском языке» [9, с. 242-247; 8, с. 71-72]. В составе этой множественности могут подразумеваться не только члены семьи или домочадцы, но также случайная совместность. В целом, для существительных с *-лаах* характерно обозначение множества в совокупности на основе общего признака. Среди прочих функций аффикс *-лаах* часто используется в качестве союза при однородных членах, тем самым выражая множественность предметов. В якутском языке два однородных члена, так или иначе связанных друг с другом, образуют особое словосочетание со значением определенного количества двойственности. В нем первый член имеет аффикс обладания *-лаах*, а второе существительное называет обладателя [8, с. 247]. Например, *оһонньордоох эмээхин оһорбуттара эбитэ үһү* ‘букв. старика имеющая старуха жили; жили-были старик со старухой’; *уоллаах кыыс иһэллэр* ‘букв. идут юношу имеющая девушка; идут девушка с мальчиком’. Также, как отмечает диалектолог С. А. Иванов, в сочетаниях с *-лаах* прослеживаются отголоски древнего значения собирательности-множественности [4, с. 94]: *икки атахтаах* ‘люди, человечество’, *иннинэн сирэйдээх, инчэбэй эттээх* ‘люди вообще’, *сүүрэр атахтаах* ‘животные’, *көтөр кынаттаах* ‘птицы’. В якутском языке указанные словосочетания существуют издревле, их много в языке олонхо, а в современном языке они могут функционировать как термины по зоологии, биологии и др., также встречаться в разговорной или публицистической речи.

Аффикс совместного падежа *-лыын* в определенных моментах тоже может выступать в роли средства выражения множественности, двойственности. Например, в сочетании с собирательными местоимениями *бары* ‘весь, все’, *барыта* ‘весь, всего’, *бутүн* ‘весь, целый’ аффикс совместного падежа *-лыын* выражает конкретную собирательность. Имена с аффиксом *-лыын* могут употребляться без наличного или подразумеваемого подлежащего в форме основного падежа, выступая как самостоятельные предложения: *Ыһаахха эдэрдиин, кырдыабаастыын, оһолуун, дьахтардыын – бука бары мустан көрүлүүлэр* ‘На кумысном празднике ысыахе собираются и веселятся и молодые, и старые, и дети, и женщины’; и при этом нередко слова, выступающие в форме совместного падежа, завершаются обобщающим словом: *Элиэлиин, тураахтыын, кустуун, хаастыын – көтөр барыта кэлбит* ‘И кор-

шуны, и вороны, и утки, и гуси – все птицы прилетели’ и т.п. [2, с. 132]. Из примеров видно, что в данных предложениях доминирующими средствами выражения собирательности являются местоимения *бары* ‘весь, все’, *барыта* ‘весь, всего’, *бутүннүү* ‘весь, целый’, но перечисление имен существительных с аффиксом *-лыын*, в составе которого находится древнетюркский формант множественности *-л-*, тоже внесло свою лепту в создание образа функционально-семантического понятия количественности, а именно конкретной собирательности.

Таким образом, основное фундаментальное исследование, касающееся диалектных различий в формах множественности в якутском языке, было написано С.А. Ивановым в работе «Морфологические особенности говоров якутского языка». В результате изучения функциональных отличий имен существительных с формантами множественности выявлено, что морфологическими формами выражения множественности и собирательности в якутском языке являются не только аффиксы *-лар* и *-т*, но и аффикс обладания *-лаах*; падежные формы *-лары*, *-лыын*, которые являются показателями других грамматических категорий. В составе перечисленных формантов, кроме древнего аффикса множественности *-т*, содержатся общетюркские показатели *-л* и *-р*. Формант *-т* в якутском языке является не самостоятельным аффиксом множественности, т.к. используется в сочетании с аффиксом *-лар* в некоторых словах монгольского происхождения или диалектах, служит реликтовым доказательством исторического пути развития якутского языка.

Литература

1. Бетлингк О. Н. О языке якутов. – Новосибирск: Наука, 1989.
2. Грамматика современного якутского литературного языка. Т. 1. Фонетика, морфология. – М.: Наука, 1982. – 496 с.
3. Иванов С.А. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. II. Морфология и лексика. – Новосибирск: Наука, 2010. – 177 с.
4. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
5. Никифоров Г.А. О значениях аффикса *-лар* в якутском языке // Тюркологический сборник. – М.; Л, 1951. – №1. – С. 136-142.
6. Слепцов П.А. С.А. Иванов. Морфологические особенности говоров якутского языка // Северо-Восточный гуманитарный вестник. – 2015. – № 2 (11). – С. 95-97.
7. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.

8. *Убрятова Е.И.* Избранные труды. Исследования по тюркским языкам. – Новосибирск; РИЦ НГУ, 2011. – 282 с.

9. *Убрятова Е.И.* Исследования по синтаксису якутского языка. I. Простое предложение. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 304 с.

10. *Харитонов Л.Н.* Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. – Якутск: Кн. изд-во, 1947. – 312 с.

11. *Ястремский С.В.* Грамматика якутского языка. 2-е изд. – М., 1938.

II. ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ НАРОДОВ РОССИИ

С.И. Шарина,
ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

ЭВЕНСКАЯ ДИАЛЕКТОЛОГИЯ: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Эвенский язык относится к северной, или сибирской группе тунгусской ветви тунгусо-маньчжурских языков. В эту группу входят также эвенкийский, негидальский и солонский языки. Данная группа генетически родственных языков обнаруживает наибольшую степень близости. Поэтому этническая история тунгусской группы, формирование предков севернотунгусских народов является предметом научных изысканий многих исследователей, тем не менее, до сих пор среди исследователей нет единого мнения об их происхождении. В настоящее время сложились две концепции этногенеза севернотунгусских народов, первая из них известна как прибайкальская теория этногенеза тунгусов, вторая точка зрения смещает предполагаемую прародину тунгусов на юго-восток – Дунбэй (Маньчжурия) и Средний Амур. Имеющиеся данные археологии и палеоантропологии не дают основания выделять тунгусов или их предков древними насельниками Сибири. Исследователи предполагают, что предки тунгусов – *увани* – выходцы с юга, оказались в Забайкалье и Приамурье, отделившись от народа *хи* под давлением со стороны лесостепных соседей. Так, характерное для всех тунгусо-маньчжурских языков большое число монголизмов, (определяемые как стародавние заимствования) можно объяснить их ранними тесными контактами с монголами.

В настоящее время тунгусо-маньчжурские народы расселены на огромном ареале от Енисея до Охотского моря. Эвенами же освоена северо-восточная часть указанного пространства. Данная территория является областью культурного и экономического взаимодействия разных народов на протяжении многих столетий. Северо-Восток Азии – регион с уникальными природно-климатическими, экологическими условиями, где в результате сложных этногенетических процессов сформировались определенные этнические общности с присущими им антропологическими особенностями, со своеобразной системой природопользования, этнографическим комплексом, собственными языками и самосознанием. Начало освоения тунгусами тундры северо-восточной Якутии датируется XII – началом XIII веков. В процессе исхода на север, тунгусы ассимилировали аборигенные племена: коряков и юкагиров. Так, эвены, будучи включенными в массив иных культур, становятся субъектами различных социокультурных процессов, межкультурных взаимодействий, что находит отражение почти на всех уровнях языка эвенов.

Численность эвенов по данным Всероссийской переписи 2010 года составляет 21830 человек. Динамика численности такова: в 1959 году эвенов насчитывалось 9121 человек, в 1970 г. – 12029 человек, в 1979 г. – 12529 человек, в 1989 г. – 17199 человек, в 2002 г. – 19071. По данным переписей населения, в 1959 году родным языком считали эвенский язык 77,5% эвенов, в 1989 году – 43, 8%, в 2002 году – 37,6%, в 2010 году – 25,9 %. Снижение количества лиц, считающих родным языком язык своего этноса, связано с распространением русского языка как языка межэтнического общения повсеместно в районах проживания эвенов, а также распространения якутского языка как языка титульного этноса Республики Саха (Якутия), который обладает большей престижностью и также является средством межэтнической коммуникации в этой республике.

В настоящее время эвены проживают в пяти административно-территориальных образованиях Российской Федерации: в Магаданской области – в Ольском, Северо-Эвенском, Среднеканском, Сусуманском, Тенькинском районах и г. Магадане; в Хабаровском крае – в Охотском районе; в Чукотском автономном округе – в Анадырском, Билибинском районах и г. Анадыре; в Камчатской области – в Быстринском районе, в Корякии – в Олюторском, Пенжинском и Тигильском районах, и пос. Палана; в Республике Саха (Якутия) – в Абыйском, Аллаиховском, Булуномском, Верхнеколымском, Верхоянском, Кобяйском, Момском, Нижнеколымском, Оймяконском, Среднеколымском, Томпонском, Усть-Янском, Эвено-Бытантайском улусах.

В диалектной системе эвенского языка выделяются три наречия — восточное, среднее и западное, в составе которых насчитывается более двадцати диалектов и говоров. Основными классификационными признаками для отнесения говоров и диалектов к восточному, среднему и западному наречиям эвенского языка являются:

Соответствие свистящего звука [с] (иногда произношение в варианте, близком к русскому согласному [ш]) и фарингального согласного [h] во всех позициях в середине и конце слова. Восточному наречию присуще произношение *уси* 'веревка'. Среднему и западному характерна спирантность: *уһи* 'веревка'. На восточном наречии — *экэс* 'рыбья чешуя', на среднем и западном — *экэһ*.

Наличие или отсутствие согласного [р] в сочетании с предшествующим сонантом (сочетание согласных *лр-лд-лл, нр-нд-нн*) также относится к основным дифференциальным признакам наречий. Восточным говорам присуще произношение *олра* 'рыба', *нанра* 'шкура', среднемунаречию — произношение *олда* 'рыба', *нанда* 'шкура', западному — *олло* 'рыба', *нанна* 'шкура'.

В области морфологии более показательным признаком является наличие в восточном наречии особых форм притяжательных местоимений *мин* 'мой', *хин* 'твой', *мун* 'наш (наш, но не ваш — эксклюзив)', *хун* 'ваш'. Для говоров среднего и западного наречий характерно функционирование личных местоимений в роли притяжательных.

Среднему и западному наречиям присуща редкая встречаемость или отсутствие форм прошедшего времени глагола с суффиксом *-ри-* + притяжательные суффиксы. В говорах чаще используются формы на *-ча-/-чэ-*, не принимающие притяжательных суффиксов в формах 3 лица (*эм-чэ* 'он пришел', *эм-чэ-л* 'они пришли' — вост. *эм-ри-н, эм-ри-тэн*).

В говорах среднего и западного наречий отмечается повышенная по сравнению с говорами восточного наречия частотность употребления видовых форм многократности с суффиксом *-гра-/-грэ-/-гара-/-гэрэ-*.

Лексический состав среднего и западного наречий отличается определенными особенностями (наличие якутизмов, юагагиризмов).

Благодаря проведенным ранее изысканиям сегодня мы имеем материалы, собиравшиеся разными исследователями в течение нескольких веков. Изучение эвенских говоров и диалектов условно можно подразделить на следующие периоды.

Первый этап в изучении эвенских диалектов охватывает XVIII-XIX века. Так впервые один из диалектов эвенского языка (арманский) был зафиксирован достаточно давно, еще в 40-е годы XVIII века Я.И. Линде-

нау. В «Сравнительном словаре всех языков и наречий» П.С. Палласа (1787-1789 гг.) представлены материалы по двум эвенским диалектам – ольскому и охотскому. В материалах экспедиции И. Биллингса (1795 г.) зафиксированы образцы речи среднеколымских эвенов.

С середины XIX века эвенский язык стал изучаться более активно. Материалы, собранные Г. Майделем и Ю. Штубендорфом в 1860-1870-е годы, опубликованные А. Шифнером, содержат краткое описание языка охотских и анадырских эвенов. В 1895 г. В.Г. Богораз собрал материалы у эвенов, расселенных в бассейне реки Омолон. На исходе XIX века заканчивается первый период в становлении эвенской диалектологии, связанный в основном с обследованием эвенских говоров восточного наречия.

Начало второго этапа в развитии эвенской диалектологии связано с 20–30-ми годами прошлого столетия. Изыскания, начатые в конце 20-х – начале 30-х годов прошлого века в масштабах всей страны были связаны с началом культурного строительства на Севере. В 30-е годы XX столетия был положен письменный эвенский язык на основе ольского говора (от названия поселка Ола Ольского района Магаданской области), распространенного по всему Охотскому побережью, по верхнему и среднему течению реки Колымы, на Чукотке.

Исследованием эвенских диалектов и сбором материалов занимались известные ныне исследователи В.И. Цинциус, В.И. Левин, К.А. Новикова, Л.В. Соболевский, Л.Д. Ришес. Именно в годы второго этапа исследователи эвенского языка создали крупные фундаментальные работы по диалектологии. На протяжении всего двадцатого столетия проводятся систематические исследования по многим эвенским диалектам и говорам. В последующем появились многочисленные работы диалектологического направления В.Д. Лебедева, В.А. Роббека, Х.И. Дуткина, А.А. Бурькина, А.А. Даниловой, В.А. Петровой, В.С. Ермолаевой, Р.П. Кузьминой.

Усилиями этих ученых были предприняты экспедиции в ряде районов проживания эвенов, относящихся к области распространения разных диалектов. Значительная часть результатов обследований представлена в ряде известных публикаций, в том числе монографических, которые появлялись на протяжении нескольких десятилетий в значительной своей части в Ленинграде. Первой и наиболее значимой среди них является работа В.И. Цинциус «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка», изданная в 1947 году [10]. Очерк отражает особенности восточного наречия – ольского говора, который был принят за основу эвенского литературного языка, и отчасти камчатского говора. Работа до настоящего времени не утратила своей ценности. Подробное описание грамматического

стройка ольского говора эвенского языка мы находим в исследовании К.А. Новиковой «Очерки диалектов эвенского языка» [7].

Значительный вклад в эвенскую диалектологию внесли якутские ученые. Подробно освещает особенности говоров и диалектов эвенского языка В.Д. Лебедев в монографиях «Язык эвенов Якутии» и «Охотский диалект эвенского языка» [5; 6]. Автор ввел в научный оборот уникальный лингвистический материал догдо-чебогалахского и улахан-чистайского говоров. При характеристике фонем и их системы автор опирался на экспериментальные данные: рентгенограммы, кимографические записи длительности гласных фонем.

Вторая работа В.Д. Лебедева нацелена на изучение охотского диалекта, который распространен на побережье Охотского моря. В данной работе выделяются языковые черты, которые свойственны всем трем группам охотских эвенов, т.е. охотскому диалекту как единому целому.

Монография В.А. Роббека «Язык эвенов Березовки» [8] посвящена исследованию морфологических, синтаксических и лексических особенностей языка эвенов с. Березовка Среднеколымского района. В работе приводятся значительные сравнительные материалы по другим говорам: ольскому, охотскому и эвенов Якутии. Ученый выявляет отличительные черты березовского говора по сравнению с другими говорами по уровням языка. Особого внимания заслуживает здесь очерк морфологии. В отличие от других диалектологических работ, обрисовывающих только отличительные черты описываемого говора, здесь уточняются вопросы классификации разрядов некоторых частей речи, более полно и подробно рассматриваются категории глагола.

Выявлению фонетических, морфологических и лексических особенностей аллаиховского говора посвящен труд Х.И. Дуткина «Аллаиховский говор эвенов Якутии» [2]. Автор отмечает 2 подговора (относящихся к 5 родам) внутри аллаиховского говора. В работе «Тундренный диалект западного наречия эвенского языка» [3] излагаются итоги многолетнего изучения Дуткиным Х.И. эвенских говоров Усть-Янского, Аллаиховского и Нижнеколымского районов, что позволило автору обобщить результаты и классифицировать тундренный и горнотаежный диалекты западного наречия. Автором специально подчеркивается указанная диалектная зона для исследования соответствующих явлений в лингвогеографическом контексте, поскольку в этих говорах фиксируются многие инновации.

После некоторой паузы длительностью в 15 лет в эвенской диалектологии появляется новое имя. Р.П. Кузьмина в своем исследовании «Язык

ламунхинских эвенов» [4] выявляет особенности, свойственные ламунхинскому говору эвенского языка.

Особенности определенных говоров отмечены в отдельных публикациях А.А. Бурькина, А.А. Даниловой, В.А. Петровой, В.С. Ермолаевой, С.И. Шариной.

Второй этап в становлении эвенской диалектологии характеризуется многочисленными монографическими описаниями эвенских говоров и диалектов, систематизацией и обобщением полученных результатов. Для этого периода характерен сравнительно-сопоставительный подход с использованием данных ольского говора, принятого в качестве литературного языка.

Несмотря на то, что усилиями исследователей Санкт-Петербурга, Якутии собраны и опубликованы обширные и интересные материалы по многим диалектам и говорам эвенского языка, определенные идиомы эвенского языка еще не получили достаточно полного освещения в литературе, некоторые из них не имеют системного описания. Сложность описания говоров эвенов Якутии обусловлена, в частности, и тем, что указанные языковые идиомы характеризуются высокой степенью вариативности на всех языковых уровнях, что объясняется дву- и многоязычием носителей, влиянием якутского языка и др. В данной связи привлекают внимание исследователей и особенности контактирования диалектов и говоров в зонах языкового пограничья.

Не менее актуальной задачей является и классификация эвенских диалектов и говоров. В настоящее время известны несколько подходов к классификации эвенских диалектов.

Расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков между эвенскими диалектными группами позволили выделить В.И. Цинциус в работе «Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка» 11 диалектов и говоров. По ее классификации, семь говоров относятся к восточному наречию — колымско-омолонский, ольский, камчатский, охотский, верхнеколымский, индигирский, томпонский. Три говора относятся к западному наречию — саркырырский (или саккырырский), ламунхинский и юкагирский; отдельно выделяется арманский диалект [10].

На карте эвенских диалектов, составленной К.А. Новиковой, отмечено 12 диалектов и говоров: восточное наречие — ольский, охотский, пенжинский, быстринский, анадырский, колымско-омолонский; среднее наречие — томпонский, момский, аллайховский говоры; западное наречие — ламунхинский и тюгесирский говоры; арманский диалект [7].

В «Сравнительном словаре тунгусо-маньчжурских языков» выделяются 15 наименований эвенских диалектов и говоров: восточное наречие – анадырский, быстринский, колымско-омолонский, ольский, охотский, пенжинский, северо-эвенский говоры; среднее наречие – анюйский, аллайховский, момский, томпонский говоры; западное наречие – саккырырский, тюгесирский и юкагирский говоры; арманский диалект [9].

По классификации А.А. Бурькина выделяется 26 говоров и диалектов: восточное наречие – камчатский диалект (быстринский и олоторский говоры), окланский диалект, ольский диалект (пенжинский, гижигинский, таватумский, ольский, тауйский, прианадырский говоры, приколымский говор (говор эвенов Березовки и рассохинских эвенов, говор улахан-чистайских эвенов), тенькинский диалект; западное наречие – аркинский говор, усть-майский говор, ульинский диалект, верхнеколымский диалект, нижнеколымский диалект, индигирский диалект (оймяконский, томпонский, момский говоры), аллаиховский диалект (говор), устьянский диалект, саккырырский диалект (тюгесирский и ламунхинский говоры); арманский диалект [1].

Представленные классификации значительно разнятся и по составу говоров, и по номенклатуре. В настоящее время все приведенные классификации нуждаются в уточнениях и дополнениях, основанных на новых данных по особенностям фонетики и надежно установленных особенностях морфологии, наиболее ярким особенностям говоров в части лексики.

Полевые исследования территориальных вариантов эвенского языка еще далеки от завершения. Наиболее хорошо изучен лишь восточный ареал проживания эвенов (Камчатка, Чукотка, Магаданская область, Хабаровский край), на территории же Якутии исследования не доведены до логического конца. Для воспроизведения полной картины диалектов и говоров эвенского языка возникает необходимость сбора материалов по отдельным говорам и диалектам. Имеющиеся в распоряжении исследователей языковые материалы по отдельным районам Якутии, таких, как Усть-Янский, Верхнеколымский, Нижнеколымский, Оймяконский, Томпонский количественно и качественно не отвечают требованиям, что мешает установить ареал распространения тех или иных диалектов, решения вопроса разграничения или объединения говоров среднего и западного наречий. Существенно при этом учесть то, что современные лингвистические границы говоров не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой территориальной единицы может быть осмыслено только при сопоставлении с диалектами соседних районов. Касательно эвенских говоров также выясняется,

что наблюдаемый ныне лингвистический ландшафт может быть обусловлен уже не существующим географическим.

Итак, сегодня перед лингвистами стоят задачи выяснения территорий распространения отдельных говоров, системного описания говоров и диалектов эвенского языка, выявления их лингвистических особенностей, систематизации имеющихся данных. Требуется существенно дополненная и уточненная классификация, основанная на собственно лингвистических признаках говоров и диалектов, отличающих данные языковые формации друг от друга, предусматривается обобщение текстовых материалов по недостаточно изученным диалектам и говорам, в первую очередь на территории Якутии. При этом важно учесть специфику функционирования эвенского языка в современных условиях и особенности этнокультурной ситуации.

Классификация диалектов и говоров эвенского языка должна основываться на собственно лингвистических дистинктивных признаках говоров и диалектов. В ней должны быть обобщены ранее предлагавшиеся лингвистические классификации диалектов эвенского языка, в которые вписываются некоторые говоры и диалекты, данные по которым в литературе отсутствовали или были недостаточно полными.

На современном этапе на исследователей языков малочисленных народов Севера ложится задача лингвистического обеспечения сохранения и развития исчезающих языков. В данной связи исследования по функционирующим ныне говорам и диалектам эвенского языка имеют прикладное значение для лексикографии (составление словарей и атласов), для разработки академической грамматики эвенского языка, для выполнения задачи максимально полного описания языков малочисленных народов Севера.

Литература

1. *Бурькин А.А.* Язык малочисленного народа в его письменной форме. – СПб, 2004.
2. *Дуткин Х.И.* Аллаиховский говор эвенов Якутии. – СПб, 1995.
3. *Дуткин Х.И., Белянская М.Х.* Тундренный диалект западного наречия эвенского языка. – СПб, 2009.
4. *Кузьмина Р.П.* Язык ламунхинских эвенов. – Новосибирск, 2010.
5. *Лебедев В.Д.* Язык эвенов Якутии». – Л., 1978.
6. *Лебедев В.Д.* Охотский диалект эвенского языка. – Л., 1982.
7. *Новикова К.А.* Очерки диалектов эвенского языка. Ольский говор. Ч. I. – М.; Л., 1960.
8. *Роббек В.А.* Язык эвенов Березовки. – Л., 1989.

9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1-2. – Л., 1975; 1977.

10. Цинциус В.И. Очерк грамматики эвенского (ламутского) языка. – Л., 1947.

Ю.М. Борисова,

ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

О ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ ЯЗЫКА САХА В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ 1930-40-Х ГОДОВ

Проблема взаимовлияния якутского литературного языка и местных говоров впервые была освещена в специальной работе П.С. Афанасьева, опубликованной в 1958 г. Обозревая эти отношения, автор приходит к выводу о том, что «воздействие литературного языка и местных говоров друг на друга является взаимным при главенствующей роли литературного языка» [1, с. 80]. Этот вывод полувековой давности сохраняет свою силу до сих пор, однако «главенствующая роль» литературного языка значительно усилилась. При первоначальном формировании норм литературного языка среди деятелей культурного строительства и крайне малочисленных в то время языковедов существовало довольно определенное представление о диалектных различиях в якутском языке. Ввиду различных обстоятельств (неизученность фактической стратиграфии диалектных явлений, безграмотность многих тогдашних источников и др.) первое общее представление о большой диалектной раздробленности якутского языка хотя и было несколько преувеличенным, именно в силу этого стало объективным и необходимым стимулом для организации целенаправленной сознательной работы по нормализации литературного языка, которая началась с конца 20-х гг.

Как отмечает П.А. Слепцов, в 1930-1940 годы видный государственный деятель, основоположник якутской советской литературы, ученый-лингвист П.А. Ойунский и якутский советский писатель, литературный критик А.А. Иванов-Кюндэ неоднократно писали о необходимости использования в терминологической работе всех наличных ресурсов языка, в том числе диалектных. Но несмотря на это, преобладало отрицательное отношение к диалектизмам, наблюдалось

стремление выработать единый устойчивый литературный язык на общенародной основе, четко прослеживалось негативное или крайне сдержанное отношение к архаизмам и фольклорной лексике, которые, по мнению некоторых деятелей культурного языкового строительства, нельзя использовать не только в терминологической практике, но и в литературном языке вообще [4, с. 216].

П.А. Слепцов пишет, что проблема обогащения терминов из собственных ресурсов языка является основным вопросом терминологической работы [5, с. 202]. Поэтому в данной статье в качестве основного материала рассмотрим лексикографический материал, собранный Алексеем Елисеевичем Кулаковским.

М.С. Воронкин отмечает, что «из якутских исследователей изучением "наречий разных местностей" первым занялся А.Е. Кулаковский» [2, с. 6]. Собранный им диалектологический материал «Наречия разных местностей, улусов и округов с прибавлением архаизмов, специальных охотничьих терминов, омонимов и синонимов (около 760 слов)», датирован 1925 г. и впервые опубликован в 1946 г. Н.С. Григорьевым (А.Е. Кулаковский. Статьи и материалы по якутскому языку. Якутск, 1946. С. 75-99) [3, с. 245]. Работа является делом всей жизни А.Е. Кулаковского, т.к. написана на основе лексикографических материалов, собранных во время многочисленных поездок по Якутии. Как отмечает сам А.Е. Кулаковский, «наречия разных улусов, округов и местностей переведены на таттинское наречие, как наиболее распространенное и сохранившее свою девственную чистоту от чуждого влияния» [3, с. 138]. Как нам кажется, обнаруженной нами диалектной лексике в работе А.Е. Кулаковского, типа *кэрэһит* 'туоһу' (Өлүөхүмэ тыла), *оргуһах* 'аргыһах, биэдэрэ' (Өлүөхүмэ тыла), *улуур* 'үрэх үрдүгэр өнөйөн олорор турук таас хайа' (Өлүөхүмэ тыла), *чөмчөөк* 'чэй иһэй чааскы' (Өлүөхүмэ тыла), *бөргө* 'тайах мунна (боллоруга)' (Бүлүү тыла), *бүттэс* 'килиин сүгэ' (Бүлүү тыла), *дьулуук, сулуук, сордоохой* 'сордон оҕото' (Бүлүү тыла), *кунньалгы* 'туһах баайар ураҕас' (Бүлүү тыла), *сикшир* 'сиидэ' (Бүлүү тыла), *хоһо* 'үрэх хомото' (Бүлүү тыла), *элбэлээн* 'кыһынны отуу' (Бүлүү тыла), *абылахаан* 'атыыр тыһаҕас таба' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *амархана* 'биэстээх таба' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *болох* 'сэттэ таба тардар кибииткэ сыарҕата' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *дүкээмдиш* 'таба ынныры' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *киил* 'сыарҕа сыһааҕа' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *күрэй* 'таба салайар ураҕас' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *суума* 'үөр сүөһү таба' (Усуйаана, Эдьигээн тыла), *араат* 'төбүлэх, үрэх салаата' (Сэйимчээн тыла), *дьаргыл* 'сыарҕа сэриитэ' (Сэйимчээн тыла), *сирэс*

‘сир аһа, отон’ (Сэйимчээн тыла), *хобул* ‘ат аһатар кыбыы’ (Кулума тыла), *самсалбан* ‘түбүктээх, тиэтэллээх, айдааннаах сырыы’ (Кулума тыла), *долборук* ‘ынах, тамыйах күкүүрэ’ (Таатта тыла), *дөрө* ‘обус муннун быата’ (Ханалас тыла), *кулуһун* ‘кутаа уот’ (Ханалас тыла), *сараабыска* ‘ытарба илибирэхэ’ (Ханалас тыла), *алар* ‘сыарба урабаһа’ (Өймөкөөн тыла), можно придать былое специализированное употребление.

Рассмотренные нами выше примеры, в основном, относятся к говору оленных якутов, то есть к говору северо-западной группы улусов Республики Саха (Якутия). Как известно, формирование говоров связано с историческими процессами, происходившими на конкретной территории. Факторами формирования говоров являются также влияние контактов с разными автохтонными языками, их территориальная удалённость друг от друга, и вследствие этого, их относительная обособленность. Под влиянием тюркских и монгольских племен, русского народа, говор оленных якутов стал постепенно изменяться, пополняться новыми словами. Но при этом в нем в значительной мере сохранилась исконная лексика. Поэтому мы, также как и А.А. Иванова-Кюндэ, считаем, что основным принципом терминообразования должен быть перевод, т.е. подбор подходящих по смыслу слов из наличных ресурсов языка, в том числе диалектных. Таким образом, мы можем сделать вывод, что обнаруженные нами диалектные слова вполне могут быть использованы при терминологизации.

Литература

1. *Афанасьев П.С.* О взаимоотношении якутского литературного языка и местных говоров // Труды Якутского филиала. – Якутск, 1958. – Вып. 1 (8): Общественные науки. – С. 79-80.
2. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.
3. *Кулаковский А.Е.* Труды по якутскому языку / [сост.: Л. Р. Кулаковская]. – Якутск: Медиа-холдинг Якутия, 2017. – 280 с.
4. *Слепцов П.А.* Ступени и проблемы якутского языкознания (сб. науч. ст.) / П.А. Слепцов; Совет по яз. политике при Президенте РС (Я), Ин-т гуманитар. исслед. и проблем малочисл. народов Севера СО РАН. – Якутск: ИГиПИМНС СО РАН, 2008. – 544 с.
5. *Слепцов П.А.* Якутский литературный язык. Истоки, становление норм. – Новосибирск: Наука, 1986. – 261 с.

А.М. Николаева,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

«САХА ТЫЛЫН ТҮӨЛБЭ ТЫЛЫН ТЫЛДЫТЫГАР» КИИРБИТ ЭРГЭРБИТ ТЫЛЛАР ТУСТАРЫНАН

1976 с. тахсыбыт (ааптардар П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев) уонна ситэриллэн, эбиллэн 1995 с. тахсыбыт (ааптардар М.С. Воронкин, М.П. Алексеев, Ю.И. Васильев) «Саха тылын түөлбэ тылын тылдыттарыгар» олус баай матырыйаал түмүллэ сылдьар. Биһиги бу тылдыттарга баар эргэрбит тыллары көрөн ырыттыбыт. Тылдыт ааптардара эргэрбит тыллары бэлиэтииргэ *арх.* уонна *эргэр.* диэн кылгатыылары туттубуттар: «*арх.* – архаизм (общее якутский архаизм), *эргэр.* – эргэрбит (устарелое диалектное слово)» [1, с. 31]. Инньэ гынан, кинилэр саха тылыгар бүтүүн туттулла сылдьан баран эргэрбит уонна түөлбэ тылыгар туттуллан баран эргэрбит тыллар диэн арааран киллэрбиттэр. Биһиги тылдыттартан *арх.* уонна *эргэр.* диэн бэлиэлээх барыта 159 тылы буллубут. Бу тыллар үксүлэрэ сахалар уонна хотугу омуртар урукку олохторун укулаатыгар, үгэстэригэр, туттар малларыгар, күннээҕи олохторугар, сиздэригэр-туомнарыгар сыһыаннаах тыллар.

«Саха тылын түөлбэ тылын тылдытыгар» киирбит эргэрбит тыллары тобус сүрүн бөлөххө араардыбыт: киһиэхэ сыһыаннаах эргэрбит тыллар; танас-сап; ас-үөл; дьиэ-уот, дьиэ тэрилэ; туттар сэп-сэбиргэл; иһит-хомуос; сизэр-туом, үгэс; айылҕа, кэм-кэрдии хаамыта; сүөһү, хамсыыр-харамай.

Киһиэхэ сыһыаннаах эргэрбит тыллар. *Анаарар* арх. – харах [1, с. 47]. *Көс* эргэр. – кэргэн, ойох. *Кулун тойтоҕо* эргэр. – эрдээх дьахтар [1, с. 122]. *Бабах* эргэр. – икки өттүгэр ат бастаах биттэхтээх ыһыах түһүлгэтин сэргэтэ [2, с. 57]. *Тэҕил* арх. – тэн, тэннээх [1, с. 200]. *Халлаан суруксута.* эргэр. – бэйэтэ сылдьан эрэн, кэтэхтэн үөрэнэн ааҕар-суруйар буолбут киһи [1, с. 215].

Танас-сап. *Баһырҕас* арх. – кылгас остоох дьиэҕэ кэтэр олооччу [2, с. 60]. *Наамык* эргэр. – былыргы саха кинээстэрин кулубаларын көмүс курдара [1, с. 172]. *Наамыска / намыаска / намыска.* эргэр. – кыһын киһи сүүһүн, иэдэһин уонна сэнийэтин саба баанар таҥаһа [2, с. 172]. *Торҕо* арх. – танас, табаар [1, с. 243]. *Түһүлүк* арх. – түөс таҥаһа [1, с. 252]. *Халатчыкаан* эргэр. – сүүс таҥаһа [1, с. 277]. *Чонньуку* эргэр. – сон [1, с. 299]. *Холумуок* эргэр. – халын сон таҥаһа [1, с. 213]. *Хабарҕа симэҕэ*

эргэр. – көмүһүнэн, алтанынан оноһуллубут, дыахтар моонньугар кэтэр кылгас симэҕэ, моой бөҕөҕө [1, с. 213]. *Симэхтээх сутуруо* эргэр. – кэргэн сүгүннэрэргэ кэтиллэр оһуордаах сутуруо. *Татабыр кур.* эргэр. – нотурууска [1, с. 185]. *Утүрдьэх* эргэр. – былыргы эр киһи сыалдыата [1, с. 211]. *Хаһыаччык* эргэр. – биилинэн быакатыылаах, сиэҕэ суох дыахтар ойуулаах-оһуордаах таһаһа [1, с. 219]. *Чачы этэрбэс* эргэр. – баһа саары, сотото сарыы этэрбэс [1, с. 323]. *Харгыаһыннаах тэллэх* эргэр. – манан, хара буодьулаах аас тэллэх. Маннык тэллэх сүктэр кыыска тэриллэр [1, с. 300]. *Чопчуу* арх. – тимэх [1, с. 313].

Ас-үөл. *Баттыма* эргэр. – сыма [1, с. 52]. *Тыһы кычыкылы* эргэр. – эмис тыһы дыабарааскыны унуохтарын ылҕаан баран сыа симэн буһарыллыбыта [1, с. 255]. *Тэнкэ.* эргэр. – миннэ кутар хаппыт таба хаана [1, с. 257]. *Хабахтаах сыа.* эргэр. – хабахха кутуллубут унуох хоргуна [1, с. 274]. *Холобо* эргэр. – лэппиэскэ [1, с. 289]. *Үөрэ* эргэр. – лыыбаны, тиит аһын уонна истэҕи былаан оноһуллубут бутугас [1, с. 209]. *Хаһаастаах тар* эргэр. – кийһилэ былаастаах тар [1, с. 323]. *Холобо саахар* эргэр. – төкүнүк улахан куһуок саахар // *кулуба саахар* [1, с. 224]. *Чабычача һүөгэйэ* эргэр. – холбуллубут сүөгэй [1, с. 230]. *Чуоккалаах чаай* эргэр. – аҕыс өлүүгэ үллэрэр сураһыннаах киппиис чэй // *чуолкабай чаай* [1, с. 323]. *Чэркэ собо үөрэ* эргэр. – үөлбүт собо тоноруллубута [2, с. 239].

Дьиз-уот, дьиз тэрилэ. *Битилик* арх. – остуол туорайа [2, с. 63]. *Сандала* арх. – балааккаҕа, ураһаҕа туттуллар намыһах кыра мас остуол [2, с. 203]. *Титирик дьэллик* эргэр. – титирик орон [2, с. 240]. *Титирик оһох* эргэр. – титириккэ туттаран симиллибит оһох [2, с. 240]. *Холлобой* эргэр. – ампаар [2, с. 288]. *Холомо* арх. – хатырык сабыылаах, кыһынын буорунан хаарынан хайыллар ураһа кэриэтэ дьиз [2, с. 289]. *Холорук* арх. – долбуур [2, с. 289]. *Обус көхө* эргэр. – саха дьизитигэр өһүөлэр анныларынан сыттыктыы ууруллубут иккилии муостаах түөрт көхө, сатанах [2, с. 141]. *Сигэ отуу* эргэр. – баайыллыбыт ойоһоһун үрдүнэн отунан сабыллыбыт отуу [2, с. 167]. *Сутуруо оһох* эргэр. – титирик дьардыамалаах көмүлүөк оһох [2, с. 167]. *Сырай оһох* эргэр. – көмүлүөк оһох [2, с. 170]. *Туос сутуруо дьиз* эргэр. – туос ураһа [2, с. 195]. *Халхапчы* эргэр. – оһох сүүһэ [2, с. 215]. *Харын түннүк* эргэр. – харынынан тириллибит түннүк [1, с. 219]. *Холуода дьиз* эргэр. – түннүгүн анныгар диэри ампаар, онтон үөһээтэ туруорбах дьиз [1, с. 224]. *Хоро* арх. – саха оһоһун ураатын балаҕан үрдүнээҕи өттө, ураата [1, с. 226]. *Хоруопта* эргэр. – үп-харчы угар сиздэрэй тимир хоруопка // *хоруобуйа* [1, с. 227]. *Чандала* эргэр. – сири хаһан баран, ол үрдүнэн туруоруллубут ураһа [231].

Тутгар сэп-сэбиргэл. *Бөхтүргэ* арх. – төргүү. [1, с. 69]. *Сабыат* эргэр. – 1. Сэп-сэбиргэл. 2. Балыктыыр тэрил. 3. Кылы бултуур тэрил [1, с. 200]. *Туппалыкы* эргэр. – уус тутгар дьобус чыскыта [1, с. 248] *Түптүр* эргэр. – иһит хаппахтыыр ылтаһын тимир [1, с. 252]. *Холорук* арх. – айа охсоро [1, с. 289]. *Чончу быыра* эргэр. – балыгы ытар уһуктаах ох [1, с. 300]. *Бытык тарааҕа* эргэр. – быт тарааҕа [1, с. 59]. *Инэрчэ* арх. – ох саа оноҕоһун хайдыбатын диэн иниир сап эрдэһиннээх кутурук өттө [1, с. 79]. *Кымырдаҕас көмүс* арх. – ат симэҕин көмүс кизгэлэ // *хабыллаҕас көмүс* [1, с. 103]. *Ончу* эргэр. – 1,5 м. уһуннаах мас, айаҕа мээрэй буолан туттуллар [1, с. 144]. *Ырыалаах тимир* эргэр. – икки өттүттэн тутардаах эрэмээнискэй сүгэ [2, с. 251].

Иһит-хомуос. *Бүтэй бөлүүр* эргэр. – кымыс тири иһитэ, көбүөр // *бөлүүр* [2, с. 75]. *Хальһа* эргэр. – кымыс иһитэ. Симиир [1, с. 278]. *Оҕо күһүйэтэ* эргэр. – оҕо үүтүн кыынньарар иһит [1, с. 140]. *Сибиз* эрг. – эт, балык иһитэ [2, с. 159]. *Симиш* эрг. – тымтайга маарынныыр силистэн өрүллүбүт арыы иһитэ [2, с. 159]. *Сымыыт мөһөөччүк* эрг. – оҕус сымыытын тириитэ мөһөөччүк [2, с. 170]. *Хаараҕас* эргэр. – саар ыаҕас [1, с. 173]. *Һимиш* эргэр. – симиир. Сүөгэй иирдэр тири иһит [1, с. 175]. *Туора ытык* эргэр. – биир туорайдаах мас ытык [1, с. 195]. *Чааскы хаата* – эргэр. – чааскы угар улахан чабычах [1, с. 229]. *Ынах синнэ матаҕа* эргэр. – ынах синнэ тириититтэн тигиллибит саа сэбин, хататы угар матаҕа [1, с. 242]. *Удьаа* арх. – улахан мас хомуос [1, с. 258].

Сиэр-туом, үгэс. *Өлүөбүр* эргэр. – хас да хаартыһыт, бүтүннүүтүн биир сүүйбүт ыларыгар анаан холбоһон бэлэмнээбит сүөһүлэрэ эбэтэр маллара [1, с. 194]. *Садаҕа* эргэр. – баай киһи өллөбүнэ, кини аймахтарыгар уонна үлэһиттэргэ унуоһун алдыаппакка, мүһэ-мүһэ түнэтэргэ анаан өлөрүллэр сүөһү // *сатаҕа* [1, с. 201]. *Үтүгэн хаан* арх. – эһэ байанайа [1, с. 272]. *Хара аҕабыт* эргэр. – манаах [1, с. 280]. *Харалан* эргэр. – кураанах күннэн (поститься) [1, с. 281]. *Хоолдуга* арх. – киһи өллөбүнэ, тута өлөрүллэр таба, сүөһү [1, с. 291]. *Ыйыыр* эргэр. – 1. Сирдойду иччитигэр анаан маска ыйанар бэлэх, күндү түүлээх. 2. Күтүөт кэргэнин дьонугар бастаан сылдыарыгар аҕалар күндү түүлээҕинэн уо.д.а. кэһиитэ [1, с. 311]. *Ыт буута буолуу* эргэр. – аңарды атаҕынан олуллан баран, кылыан тула экирэхэн оонһуу [1, с. 316]. *От атаһ тэптэриш* арх. – саха былыргы оонһуута [1, с. 147]. *Өрөлөөнкү* эргэр. – манньыаты өрүтэ быраҕалаан сүүйсэр былыргы оонһуу [2, с. 159]. *Тиикээн* эргэр. – кыыл таба үөрэ өрүһү туоруур кэмигэр тыһынан экирэтэ сылдьан үнүүнэн бултааһын. [1, с. 185]. *Төркүттээ* арх. – эргэ сүктүбүтүн үс сыл буолан баран дьоннор ыалдыттаа. *Холбуйуу дьаама* эргэр. – икки

өтүгүнэн тонуулаах (с изгородью) тайаҕы түһэрэргэ аналлаах дирин дьаама [1, с. 223]. *Хоноллой* эргэр. – урут оттуур ходуһатынан итээбит киһиэхэ эбиликкэ сылдыар нэһилиэк саппаас сирэ, угаайы күрүө [1, с. 225]. *Хохуолу* эргэр. – хас да илиминэн ийэлээн, сотолоон үтэн, балыгы бултааһын [1, с. 228]. *Чардаат* эргэр. – киһи унуобун кырыысата [1, с. 297]. *Чардаат унуох* эргэр. – улахан ампаар унуох (нууччалыыттан: *чердак*). [1, с. 232]. *Этэрбэс хаамтарыы* эргэр. – оонньуу аата [2, с. 242].

Айылҕа, кэм-кэрдий хаамыыта. *Түүн хараарар ыйа* эрг. – балаҕан ыйа [2, с. 253]. *Хаас барар ыйа* эргэр. – от ыйа [2, с. 274]. *Хаас саарар ыйа* эргэр. – от ыйа [2, с. 274]. *Харанга күн* – полярнай түүн кэмэ // *хараа күн, харанга кыһын* [2, с. 281]. *Харанга күн ыйа* – сэтгинни [2, с. 281]. *Харананан эргийэр ый* // *харанга ый* – ахсынньы, тохсунньу. *Хатыыр хаалар ыйа* эргэр. – атырдыах ыйа [2, с. 282]. *Чорку* эргэр. – уокка ыйаан ууларар сомоҕоломмут хаар, таммах [2, с. 300]. *Нах* арх. – кэм, бириэмэ [2, с. 174]. *Ыл ыһыаҕа* эргэр. – кулун ыһыаҕа. *Кулун ыһыаҕа* арх. – окко кириэх иннинэ урут биирдиилээн ылар ыһыаҕа, тунуй ыһыаҕа [2, с. 91]. *Ый төрүөбүт* – ый саната (новолуние) [2, с. 241]. *Тунах* арх. – 1. Үрүн ас. 2. Ыһыах. 3. Ыһыах буолар кэмэ. *Тунах ыйа* эргэр. – бэс ыйа [2, с. 242].

Сүөһү, хамсыыр-харамай. *Тоһоҕо торбос* арх. – кыстаан эрэр торбос, биир сааһыгар диэри. [1, с. 241]. *Тыыннастар таба* эргэр. – ытык таба [1, с. 255]. *Уучча бэргэнэтэ* эргэр. – биэс ынах кыстыыр ото [1, с. 267]. *Хатарча өлүү* (Пек. *Хатар өлүү*). – сүөһү дьарҕа ыарыыта (хроническая болезнь скота) [1, с. 285]. *Хомуос харах эргэр*. – собо быйылгы оҕото [1, с. 290]. *Хонолу эргэр*. – саамай бөдөн кырдыаҕас ынах [1, с. 290]. *Хорбоһун* арх. – ынах кэнэбэскитэ [1, с. 292]. *Туйаарар* арх. – күөрэгэй // *тураанай далбарай*. Тэнн. *Муостаах күөрэгэй* [1, с. 193].

Ити курдук, түөлбэ тылларыгар эргэрбит тыл олус элбэх. Ити тыллар билигин умнуллубуттар. Сорох тыл быһаарыыта да биллибэт эбит. Холобур, *Хабаҕыл оһох* эргэр. [2, с. 213] уонна *Хабарҕа дьизэ* эргэр. [2, с. 213] диэн тылларга тылдыкка быһаарыы бэриллибэтэх, ыйытыы бэлиэтэ эрэр турбут.

Үөһэ этиллибитин курдук, бу тылдыкка эргэрбит тыллар *эргэр*. (түөлбэ эрэ тылыгар туттуллан баран эргэрбит) уонна *арх*. (саха бүтүгүн тылыгар эмиэ туттулла сылдьан баран эргэрбит) диэн араарыллан кирибиттэр. Итилэри тэннээн көрөр буоллахха, бу түөлбэ тылын тылдыта буоларын быһыытынан, биллэн турар, *эргэр*. диэн бэлиэлээх тыл баһыйар. Саха бүтүгүн тылыгар туттуллан баран эргэрбит тыл аҕыйах, ол манньык тыллар: *Анаарар* арх. – харах. *Тэҕил* арх. – тэн, тэннээх. *Баһырҕас* арх. –

кылгас остоох дьиэбэ кэтэр олооччу. *Торбо* арх. – танас, табаар. *Түһүлүк* арх. – түөс танаһа. *Битилик* арх. – остуол туорайа. *Сандала* арх. – балааккаба, ураһаба туттуллар намыһах кыра мас остуол. *Холорук* арх. – долбуур. *Хоро* арх. – саха оһоһун ураатын балаһан үрдүнээһи өттө, ураата. *Бөхтүргэ* арх. – төргүү быа. *Инэрчэ* арх. – ох саа оноһоһун хайдыбатын диэн иниир сап эрдэһиннээх кутурук өттө. *Кымырдабас көмүс* арх. – ат симэһин көмүс кизэргэлэ. *Удьаа* арх. – улахан мас хомуос. *Үтүгэн хаан* арх. – эһэ байанайа. *Хоолдьуга* арх. – киһи өллөбүнэ, тута өлөрүллэр таба, сүөһү. *От атаһ тэптэриһи* арх. – саха былыргы оонньуута. *Төркүттэ* арх. – эргэ сүктүбүтүн үс сыл буолан баран дьоннор ыалдыгытаа. *Һах* арх. – кэм, бириэмэ. *Кулун ыһыаба* арх. – окко кириэх иннинэ урут биридиилээн ыал ыһар ыһыаба, тунуй ыһыаба. *Тунах* арх. – 1. Үрүн ас. 2. Ыһыах. 3. Ыһыах буолар кэмэ. *Тунах ыйа* эргэр. – бэс ыйа. *Тоһоһо торбос* арх. – кыстаан эрэр торбос, биир сааһыгар диэри. *Хорбоһун* арх. – ынах кэнэбэскитэ. *Туйаарар* арх. – күөрэгэй.

Итини таһынан, саха бүттүүн тылыгар туттуллан баран эргэрбит сорох тыллар *эргэр*. диэн бэлиэлээх кирибиттэр. Холобур: *Бабах* эргэр. – икки өттүгэр ат бастаах биттэхтээх ыһыах түһүлгэтин сэргэтэ. *Хабарба симэбэ* эргэр. – көмүһүнэн, алтанынан оноһуллубут, дьахтар моонньугар кэтэр кылгас симэбэ, моой бөһөбө. *Үтүрдүөх* эргэр. – былыргы эр киһи сыалдыата. *Хаһыаччык* эргэр. – биилинэн быакатыылаах, сизэ суох дьахтар ойуулаах-оһуордаах танаһа. *Үөрэ* эргэр. – лыыбаны, тиит аһын уонна истэһи былаан оноһуллубут бутугас. *Хаһаастаах тар* эргэр. – киһилэ былаастаах тар. Бу тыллар арх. (архаизм) диэн бэлиэлээх кириэхтэрин сөп этэ, тоһо диэтэххэ, саха бүттүүн тылыгар туттулла сылдыбыттара, суолталара эмиэ уларыһбатах.

Бу саха бүттүүн тылыгар тутулла сылдьан баран эргэрбит тыллартан сорох тыллар тиллибиттэрэ диэххэ сөп. Ол, саха бэйэтин төрүт итэбэлин, үгэстэрин төннөрүүтүн, сөргүтүүтүн кытта ситимнээх. Холобур, *бабах*, *удьяа*, *тунах ыйа*, *хабарба симэбэ*, *хаһыаччык*, *үөрэ*, *тар* диэн тыллары туттабыт, суолталарын билэбит.

«Саха тылын түөлбэ тылын тылдытыгар» кирибит тылларга монгуол тылыттан төрүттээх тыллар бааллар эбит. Холобур, *анаарар* диэн тыл түөлбэ тылыгар «харах» уонна «тарбах ыарыыта» диэн суолтаба туттулла сылдыбыт. Бу тыл олоһо монгуол тылыттан төрүттэх буолуон сөп. Билинни монгуол тылыгар *анах* диэн «следить, подкарауливать» диэн суолтаба туттуллар тыл баар эбит. *Халхапчы* диэн, түөлбэ тылларыгар «оһох сүүһэ» диэн суолталаах тылы монгуол *халхавч* диэн тылын кытта тэннээбиттэр. Суолтата «приукрытие, заслон, ширма» диэн. Биллэрин

курдук, саха тылыгар *хаппахчы* (кыыс хоһо) диэн тыл баар. Бу монгуол төрүттээх тыл түөлбэ тылыгар *халханчы* дэнэр уонна оһох сүүһэ диэн олох атын суолталаах эбит. *Бөхтүргэ* (арх.) диэн тыл баар. Бу тылы тылдыкка «төргүү» диэн быһаарбыттар. Бу тылы бэйэтин эмиэ билигин туттубаттар, онон эргэрбит диэххэ сөп. Быһаарыыта маннык: «1. Торока; төргүү быа – ремешок для привязывания *чего-л.* 2. Уст. Веребочка или узкий ремешок (служащий шаману вместо бубна). *Төргүү мутук* нижние, самые большие ветви листовенницы; *төргүү сүөрэрдээх* человек, приехавший с гостинцами» [3, с. 142]. Монгуол суругун тылыгар (письм. монг. язык) *бектурку* 'класть поперек' диэн тыл баар эбит. *Бүтэй бөлүүр* эрг. – кымыс тирии иһитэ, көбүөр // *бөлүүр*. Монгуол суругун тылыгар баар *булегүр* 'мешалка при изготовлении кумыса' бөлүүр диэннэ майгынныыр. *Һах* (арх.) – кэм, бириэмэ диэн суолталаах, монгуол тылыгар *сау* диэн тыл эмиэ «время, период, сезон, время года» диэн суолталаах.

Түмүктээн этгэххэ, «Саха тылын түөлбэ тылын тылдыгыттарыгар» олус элбэх эргэрбит тыллары булуохха сөп. Бу тылдыт баай матырыйаала өссө даҕаны диринг, киэн хабааннаах үөрэтиини-чинчийиини эрэйэр эбит диэн бэлиэтээн этиэх тустаахпыт.

Литература

1. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 390 с.
2. Диалектологический словарь языка саха. – Новосибирск: Наука, 1995. – 291 с.
3. Якутско-русский словарь (под ред. П.А. Слепцова). – М.: Советская энциклопедия, 1972. – 608 с.

Н.А. Сивцева,

ИГиППМНС СО РАН, г. Якутск

ГЛАГОЛЫ БЫТИЯ В «ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ЯЗЫКА САХА»

Категория бытия является одной из универсальных фундаментальных категорий человеческого сознания [1, с. 3]. В философском понимании бытие есть объективная реальность, существующая независимо от сознания человека [2, с. 107]. Данное понятие выражается различными языковыми средствами: группой слов, фразеологических оборотов, син-

таксических конструкций, «означающих появление, существование, изменение, несуществование многообразных предметов и явлений действительности» [3, с. 3].

Глаголы бытия являются одним из основных языковых средств, выступающими конституентами функционально-семантического поля бытийности. Глаголы бытия – это глаголы, называющие процесс бытия существования, наличия. Они представляют широкий пласт лексики, требующей упорядочения и исследования разрозненных фактов.

В данной статье рассматриваются глаголы со значением начало и конец бытия на материале диалектной лексики якутского языка. Материалом исследования послужил корпус бытийных глагольных лексем, выявленный путем сплошной выборки из дополнительного тома «Диалектологического словаря языка саха» [4].

На материале указанного источника в диалектной лексике якутского языка имеются следующие глаголы со значением бытия.

Глаголы со значением начало бытия:

- *апнай (сырдай)* в значении *халлаан апнайбыт* ‘небо светлеет’: *Сарсыарда халлаан апнайыта туран, айанга барабын* ‘Встав, когда начало светать, я отправляюсь в путь’ [4, с. 40];

- *биһээ* в значении *наһаа элбээ, үөскээ, көнүл бар* ‘быть в огромном количестве, сильно размножаться, расплодиться’: *Дьиэбитигэр кутуйах олус биһээтэ* ‘У нас дома развелось очень много мышей’ [4, с. 50];

- *һүөккэн* в значении *төрөө* ‘рожать’: *Мин кыһым балыаһаҥа һүөккэнэ кирбитэ* ‘Моя дочь легла в больницу рожать’ [4, с. 176];

- *тэһэй* в значении *үөскээ* ‘возникать, образовываться’: *Бонпуруос тэһэйэн тахсар* ‘Возникает вопрос’ [4, с. 201].

Глаголы бытия со значением конец бытия:

- *дьобуолаа* в значении *тыһын салҕаа, өлөр – сүөһүнү* ‘добивать, забивать – о скоте’: *Бу сүөһүнү дьобуолоухха наада* ‘Эту скотину надо забить’ [4, с. 70];

- *кирдэ* в значении *им кирдэ, им сүттэ, халлаан харангарда* ‘кончились сумерки, настала темная ночь, стемнело’ [4, с. 78];

- *куопураа* в значении *хойуоран өл* ‘погибать от промерзания воды до дна – о рыбе’: *Чуонаҕа кыһын балыга куопураан хаалар* ‘На Чона зимой рыба погибает от промерзания воды до дна’ [4, с.93];

- *мунаарт* в значении *өлөр (эһэни)* ‘убить (медведя)’: *Өбүгэни мунаардыбыттар* ‘Убили медведя’ [4, с. 126];

- *мунчаар* в значении *өл (эһэ туһунан)* ‘быть убитым (о медведе)’: *Мунчаарда, киһирэн таһаарыым* ‘Медведь убит, я его вытащу’ [4, с.126];

- *мээс буол* в значении *холбоһон симэлий, сүт* 'исчезнуть в результате ассимиляции' [4, с. 132];

- *сүрэбин алдьанан өл* в значении *сүрэбин хайдан өл* 'умереть от инфаркта миокарда': *Сүрэбэ алдьанан өлбүт диэбиттэрэ* 'Сказали, что он умер от разрыва сердца' [4, с. 168];

- *тилкэр (тиркэр)* в значении *бүт, баран* 'кончатся, исходить, иссякать' [4, с. 186];

- *тунуй* в значении *төрүүрүгэр уугар тумнаһын (оҕону, ньирэйи)* 'захлебнуться при родах в околоплодных водах (о ребенке, теленке)' [4, с. 194].

Как видно из вышеизложенного, в рассматриваемых источниках глаголов с значением конца бытия по количеству представлено больше: обнаружено всего четыре глагола со значением начало бытия и двенадцать глаголов со значением конец бытия. Общий обзор структурного состава выявленных бытийных глаголов показал, что они в рассматриваемых словарях представлены собственно глаголами и сложными глаголами. Таким образом, приведенная глагольная лексика со значением бытия может послужить одним из источников для функционально-семантических изысканий.

Литература

1. *Заметалина М.Н.* Функционально-семантическое поле бытийности в современном русском литературном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 1995. – 27 с.

2. Большой толковый словарь русского языка. – СПб: Норинт, 1998. – 1536 с.

3. *Тихонова И.В.* Семантико-синтаксическое поле бытийности в прозе Л. Андреева: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2005. – 24 с.

4. Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том. – Новосибирск: ВО «Наука». Сибирская издательская фирма, 1995. – 296 с.

Н.М. Васильева,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

«САХАЛЫЫ ТАБА СУРУЙУУ ТЫЛДЫТЫГАР»

ТҮӨЛБЭ ТЫЛЛАРА

Сахалыы таба суруйуу тылдытын оноруу устуоруйатын көрдөххө, урут тахсыбыт тылдыттарга түөлбө тыллара суоҕун кэриэтэ. Баар да буоллабына, түөлбө тыла диэн бэлиэтэ суох киирэр, холобур, 1975 с. тахсыбыт «Саха тылын орфографической тылдытыгар» *дөрө, дьыл, иргэх, куйаабыл, ньуоҕу* о.д.а. тыллар. Кэнники 2002 с. тахсыбыт тылдыкка 200-чэкэ тыл түөлбө тыла диэн ыйыллан киирбитэ [5]. Ити тылдыкка олоҕуран 2015 с. таба суруйуу сана тылдыта эбиллэн, көннөрүллэн тахсыбыта [6]. Тылдыт сүннүүнэн билинни саха литературнай тылыгар туттулар, олохторун эбэтэр сыһыарыылаах пуормаларын таба суруллуулары бэрээдэктээһингэ наадыйар тыллары хабар. Ол иһигэр барыта 140-ча түөлбө тыла бэриллэр. Онуоха түөлбө тылын тылдыкка талан киллэриигэ таба суруйуу хамыһыһыатыгар (2012-2016 сс.) үлэлэспит тыл билимин дуоктара Спиридон Алексеевич Иванов научнай чинчийиитэ тирэх буолбута.

Тылдыты хаттаан бэрийэн онорууга сурук тылыгар туттулла сылдыар тыллары хатылыыр, атын дэгэтэ суох түөлбө тыллар барыйааннара сыһылыннылар, холобур: *абакайдан (сутуй), дэлэбинэ (дэлэбэ), дьанта (болбукта), көкөчө (курунньук)* диэн курдук тыллар.

Тылдыкка түөлбө тылын суолтата эбэтэр литературнай тылга көрүнгө ускуопкаҕа маннык бэриллэр, холобур: *аарайах* (түөл.: *кытыл*), *өгөрөҥ* (түөл.: *күүстээх ардах*), *сайба* (түөл.: *балык уурап сир*), *болох* (түөл.: *муус үрдүнээҕи от*), *молохо* (түөл.: *бэрэбинэ состорор сыарҕа*), *туула* (түөл.: *эһэ оҕото*) о.д.а.

Сорох түөлбө тылларыгар нууччалыы өйдөбүлэ бэриллэр, холобур: *сытын* (түөл.: *жимолость*), *танса* (түөл.: *пихта*).

Тылдыкка түөлбө тылын туохтуурдара эмиэ киирдилэр, холобур: *албадый* (түөл.: *атаахтаа*), *амньырай* (түөл.: *мөлтөө*), *бөрдөн* (түөл.: *курдан*), *өнгүрээ* (түөл.: *хойутаа, уоһун*), *сырдыктан* (түөл.: *уоттан*), *талаһый* (түөл.: *дьулус*), *үлтэхтэт* (түөл.: *ыарытый*), *хобутаа* (түөл.: *аһыйаа*) о.д.а. Туохтуур олоҕун кэнниттэн араастаан этиллэр сыһыарыыларынын таба суруйуута бэриллэр, холобур: *албадый* (түөл.: *атаахтаа*), *-ыҥ, -дыннар, бөрдөн* (түөл.: *курдан*), *-үҥ, -ммөт, -нүннэр.*

Түөлбэ тылыгар туттуллар сыһыаттар, даҕааһыннар тылдыкка эмиэ киллэриллибиттэр, холобур: *тутук* (түөл.: *букатын*), *үөтүк* (түөл.: *күүскэ, олус*), *халаанһа* (түөл.: *мээнэ, сыала, соруга суох*); *тымтыган* (түөл.: *ыгым*), *халлан* (түөл.: *ырыган, көтөх*), *хольдуо* (түөл.: *улдьаа*), *чааран* (түөл.: *убаҕас, сэдэх*), *чалаам* (түөл.: *айаас*), *элиммтэҕэй* (түөл.: *куотуган сүөһү*).

П.С. Афанасьев саха тылыгар диалектной лиэкстикэ тарҕаныыта биир тэнэ суох, ордук таба ийтиитэ уонна булт хаһаайыстыбалаах хотугу улуустар ураты тыллара үгүс диэн бэлиэтээбитэ [1, с. 92]. Ол курдук, бу тылдыкка таба ийтиитигэр сыһыаннаах түөлбэ тыллара балачча киирдилэр, холобур: *абылахаан* (түөл.: *атыыр таба*), *амархана* (түөл.: *буур таба*), *ньоубурхана* (түөл.: *биэһигэр сылдыар таба*), *ньымарҕана* (түөл.: *үстээх таба*), *тимэхтиин* (түөл.: *таба ыңгырын холуна*), *халтаама* (түөл.: *таба хаххата*), *хангалда* (түөл.: *таба муоһугар ишиллэр тыаһыыр мас*), *чээлкээ* (түөл.: *үрүҥ таба*), *ээни* (түөл.: *биир сааһын туолаат, төрөөбүт таба*) о.д.а. Тыл олобун кэнниттэн эмиэ сыһыарыылары таба суруйуу ыйыллар, холобур: *абылахаан, -нна, -ммыт, -нар, амархана, -нан, -тааҕар*.

Саха тылыгар чинчийээччилэр бэлиэтээбиттэрин курдук, *-ат-тар* сыһыарыыларынан үөскээбит тыл пуормалара түөлбэ тылларыгар бааллар, холобур, *күөл-эт-тэр, буур-ат-тар, атыыр-ат-тар, тумул-ат-тар, ыал-ат-тар, бухатыыр-ат-тар* о.д.а. [4, с. 9-11; 33-35]. Манньык пуормалартан тылдыкка *атыыр, атыыраттар* (таба, элб. ахс.) нуорма быһыытынан киирдэ [6, с. 41].

Саха түөлбэ тылын тылдыгыгар баар түөлбэ тыллара таба суруйуу тылдыгыгар литературнай тыл буолан киирбиттэр, холобур: *аҕараан, буһарба, сүлбэ, хабыйахаан, иктээнэ, уучах, ньоубу, хаалык* о.д.а. Манньык түөлбэ тыллара литературнай тылга олохсуйууларын туһунан П.С. Афанасьев [1, с. 93], М.С. Воронкин [2, с. 52-53], С.А. Иванов [4, с. 31], П.А. Слепцов [7, с. 132] бэлиэтээбиттэрэ.

Онон, түмүктээн эттэххэ, сахалыы таба суруйуу тылдыгыгар литературнай тылга суох өйдөбүллэри бэлиэтиир, ханыыта, эквивалена суох эбэтэр киэнник тарҕанан, саха дьоно бүтүгүн туттар буолбут түөлбэ тыллара киирэллэр уонна таба суруллуулары тылдыгынан сүрүннэнэр. Онон саха литературнай тылыгар түөлбэ тыллара ити курдук киирэн, сурук тылыгар нуорма буолан олохсуйаллар, тыл баайын хангатааллар.

Литература

1. Афанасьев П.С. Саха билинни тыла. Лексикология. – Дьокуускай: СГУ изд-та, 1996. – 191 с.
2. Воронкин М.С. Диалектная система языка саха: образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
3. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
4. Иванов С.А. Морфологические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2014. – 248 с.
5. Сахалыы таба суруйуу тылдыта. – Дьокуускай: Сахаполиграфиздат, 2002. – 541 с.
6. Сахалыы таба суруйуу тылдыта. – Дьокуускай: Бичик, 2015. – 480 с.
7. Слепцов П.А. Якутский литературный язык. Формирование и развитие общенациональных норм. – Новосибирск: Наука, 1990. – 277 с.

Кылгатылар

- түөл. – түөлбэ тыла
элб. ахс. – элбэх ахсаан

Е.Р. Николаев,

гл. ред. журнала «Хатан», г. Якутск

САХА АНАЛ ААТТАРЫГАР ТҮӨЛБЭ ТЫЛЫН УРАТЫЛАРЫН КӨСТҮҮТЭ

Арассыйаҕа анал ааттары үөрэтиигэ олохсуйбут үгэһинэн, нууччаттан атын омуктар анал ааттарын тиһигэ (система) *олохтоох анал ааттар* диэн бэлиэтэнэллэр. Ол туһунан ономастика түөрүйэтин олохтоспут А.В. Суперанская манньк бэлиэтиир: «... локальным (местным), т.е. употребляемым лишь на части территории одного языка» [6, с. 216]. Ол аата нуучча тылын киэн хонуутугар баар *локальной анал аат тиһигэ* диэн өйдөнөр. Итинтэн сизтгэрэн эттэххэ, билигин сахалар аат гынан илдэ сылдыар нууччалыы, православнай халандаартан ылыллыбыт, сангарар санаҕа сахатыйбыт (*Сүөдэр, Дьөгүүр, Балааһа, Маарыйа*) ааттарбыт Саха сиригэр баар нуучча анал ааттарын тиһигин түөлбэтэ эрэ буоларыгар тийэр. Билинни сахалар ааттара нууччалар

ааттарыттан улахан уратыта суоҕун нуучча тылын үөрэхтээбэ Н.Г. Самсонов эмиэ ыйан турар: «... мало чем отличается от русского» [5, с. 25, 26]. Былыргы саха анал ааттара билигин суохтар, туттуллубаттар, өтөрүнэн туттуллан барар кыахтара да суох диэххэ сөп. Саҥа олоҕура, киирэ сатыыр, үксүгэр оноһуу ааттарбыт репертуардара, ааптарга баар матырыйаалтан көрдөххө [4], 100-150 аат эрэ иһинэн-таһынан халбанныыр. Онон бу таһымна тийэн олорон ырытар буоллааха, былыргы саха анал ааттарыгар түөлбэ тыл уратыта көстөн ааһара ордук күндүтүйэр.

Түөлбэ тылын диринник хорутан чинчийбит С.А. Иванов бэлиэтиринэн, аакайдааһын оокойдоохунтан быдан былыргы көстүү буолар. Ол XVII үйэбэ кэли хаһаактар дыһаах испииһэгэр киллэрбит анал ааттарбытыттан кытта көстөр: «... *о* перед слогом с кратким у переходит в краткий *а*: что и свидетельствуют записи в именах *Амуй, Батур, Дабук, Камук, Сагуй, Чакур*, т.е. видим восстановление акающих вариантов» [3, с. 141]. Итинтэн сизтгэрэн сурукка киирбит саха анал аатыгар түөлбэ тылын көстүүлэрэ манныктар диэн быстахтык ырытан көрүөххэ сөп:

ы~у солбуйсуута: *Сырай Мөгдөөөрөп, Куһаҕан Сырай Кусентеев, Хара Сирэй Дьобуудай; ө~о: Өнчөх; а~о: Аччыгый Кураҕаччы, Обуруолаах ойуун, Чокуур Одукаайап, Саргы Будууяп;*

б~м: *Бэргэн; г~дь~нь:* *Чаалбаан Мохсойун; т~д:* *Дархан (Даркан), Тархан, Дэли Дархан, Дэхси Дархан, Түһүлгэ Дархан, Күрсэн Дархан, Мэнги Дархан, Дэги Дархан, Дэли Дархан, Дэри Дархан, Баҕадаһын Дархан, Үөлэн Дархан, Игидэй Дархан, Мунньан Дархан, Хомуйан Дархан, Тыгын Дархан, Тыгын Мунньан, Тыгын Тойон. Тыгын дуу, Дыгын дуу* диэн мөккүөргэ дорҕоону чинчийбит уонна ити тылы монгуоллуу тыллартан киирбитин бэлиэтиир Н.Д. Дьячковскайга сизгэнэр ордук: «... колебанием в употреблении этих согласных в монгольских источниках» [2, с. 106]; **рх~рк:** *Чаархаан:* литер. *чааркаан; мдьү~мньү:* *Булумдьү:* литер. *булумньү; хс~хх~х:* *Болотой Оххон/Болотой Орхон. хх* киин түөлбэ зонатыгар эрэ бэлиэтэнэр [1, с. 107-108]; Быһылыыр **хх** хоһулаһыта: *Улаххан Кураҕаччы.*

Тыл баайыгар (лексиҕаҕа) түөлбэ тылын көстүүтүн быһыытынан манныгы киллэриэххэ сөп: *бас/төбө* ‘голова’: *Дал Бас, Баҕа Бас, Көндөй Бас Долгуура, Сиикэй Бас, Таас Бас, Тый Бас, Тымтай Бас, Тайах Бас, Уһун Бас, Үрүҥ Бас Болтоҕо, Эт Бас уо.д.а.* Итинтэн көрдөххө, *бас* ордук киэнник туттулла сылдыбыт. Билигин *бас* оннугар үксүгэр *төбө* диэни тутталлар. Итини сэргэ: *Таас Бас:* ‘ёрш (рыба)’; литер. *альһар;*

Көмөрөһүт Тахаянов: *көмөр* ‘почерневший остывший древесный уголь’; литер. *чох* ‘уголь’; *Күрдьүгэс Үнүкээйэп, Муруку Марҕаакын. Моҕотой, дырики* анал ааттарга бэлиэтэммэт. *Далбарай Сандрин* ‘күөрэгэй’; *Кыһыдай (Кыһытай)* ‘красноглазка, сибирская плотва’; *Алчах Кутетеев* ‘лягушка’; литерат. *баҕа*; *Сылан* – от диал. *сыылан* ‘змея’; *Аһыка* – от литер. *аһына* ‘крупная кобылка; кузнечик’; *Кучукта Өрөгөөйөп* ‘название растения, которое раньше привозили с речки Уды и лечили с его помощью разные болезни’; *Лэбин* – *лэбэн-түөрэ* ‘лекарственная полевая травка, крестовник’; *Хотокоон* – *хотохоон* ‘охотничий нож, похожий на пальму, с более широким острием, длиной в две пяди’ диэнтэн уо.д.а.

Биллэн турар, нууччалыы суруллубут сахалыы ааттарга дорҕоонун таба суруйарга сыһа-халты эмиэ баар буолуон сөп. Ол да буоллар, ити холобурдарга олобуран, маннык кылгас түмүгү таһаарыахха сөп: 1. Христианство кириэн иннинээҕи саха анал ааттарын тиһигэ саха түөлбө тылын уратылаһыыларыттан туораабатах; 2. Аакайдааһын да, оокойдооһун да иккиэн тэнинэн көстөллөр – аһаардастыы аакайдааһын эбэтэр оокойдооһун сабырыяр диэн этэр кыах суох.

Литература

1. Диалектологический атлас якутского языка: (сводные карты). Ч. I. Фонетика / сост. С.А. Иванов. – Якутск: Изд-во ЯФ СО РАН, 2004. – 124 с.
2. Дьячковский Н.Д. Звуковой строй якутского языка / Отв. ред. проф. М.И. Матусевич. – Ч. 2: Консонантизм. – Якутск: Кн. изд-во, 1977. – 255 с.
3. Иванов С.А. Аканье и оканье в говорах якутского языка. – Якутск: Кн. изд-во, 1980. – 184 с.
4. Николаев Е.Р. Якутские личные имена: лингвокультурологический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Якутск, 2018. – 26 с.
5. Самсонов Н.Г. Якутские имена. – Якутск: Бичик, 2000. – 64 с.
6. Суперанская А.В., Сталтмане В.Э., Подольская Н.В., Султанов А.Х. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный; Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 256 с.

О.Н. Аммосова,
магистрант ИЯКН СВ РФ СВФУ им. М.К. Аммосова,
рук. Дмитриева Е.Н., д.филол.н.

СПОСОБЫ ОБРАЗОВАНИЯ НАЗВАНИЙ РАСТЕНИЙ В ДИАЛЕКТАХ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

Территориальный диалект – разновидность общенародного языка, которая служит средством общения людей на определенной территории. Специфическую принадлежность того или иного территориального диалекта составляет диалектная лексика, которая понимается как «лексика ограниченного употребления, распространение которой определяется территорией данного диалекта» [3, с. 175]. Диалектные слова как принадлежность диалектной лексики распространены в речи только местного населения и не употребляются в литературном языке. Но они могут проникать в литературный язык, постепенно закрепляются в нем и даже утрачивают диалектную специфику. Такие слова воспринимаются говорящими как слова литературного языка с тем или иным оттенком эмоциональности и экспрессивности.

Диалектная лексика якутского языка “характеризуется значительным единством словарного состава. Большая часть ее является единой с лексикой общенационального языка” [2, с. 17]. Она “употребляется в устной разговорно-бытовой речи отдельной группы якутоязычного населения, объединенного территориальной общностью” [2, с. 14].

Целью настоящей статьи является рассмотрение и определение способов образования названий плодов, ягод, деревьев, кустарников и травянистых растений в якутских диалектах. Задача работы состоит в том, чтобы проанализировать способ образования диалектной лексики названий растений в якутском языке. Основным объектом статьи выступает словообразование названий растений в диалектной лексике якутского языка.

Словообразование – это образование новых слов на базе существующих с помощью определенных моделей и средств языка [3, с. 424]. М.С. Воронкин в своей работе «Диалектная система языка саха» отмечает, что в диалектной системе якутского языка существуют “характерные случаи словообразования способами аффиксации и словосложения. К аффиксальному словообразованию относится словообразование, осуществляемое посредством особых аффиксов, употребляемых в говорах” [1, с. 134].

А способ словосложения, как отмечает М.С. Воронкин, “в отличие от других языков (например, русского, немецкого), в якутском не получил значительного развития” [1, с. 135]. Но в работе С.А. Иванова «Лексические особенности говоров якутского языка» (2017), дается общая характеристика диалектной лексики якутского языка. Автор рассматривает не только словообразование диалектных слов аффиксальным способом, но и неаффиксальный способ, т.е., образование их путем словосложения слов. “Важная черта диалектных слов, произведенных не аффиксальным способом, – выполнение ими номинативной функции. Эти слова, выступая в качестве диалектной лексической единицы, всегда называют те или иные предметы, то или иное явление объективной действительности, обозначают их качество и свойство, действие и состояние” [2, с. 16].

В якутском языке к диалектной лексике, образованной путем неаффиксального словообразования, “относятся парные имена существительные, образованные путем сложения двух самостоятельных основ; сложные слова, состоящие преимущественно из двух слов, фонетические границы которых полностью размыты, поэтому они воспринимаются как отдельные самостоятельные слова со своим звуковым составом и особым диалектным лексическим значением” [2, с. 83].

С.А. Иванов отмечает, что “диалектная лексика якутского языка постоянно пополняется за счет лексикализации различных синтаксических словосочетаний и конструкций”. Наиболее продуктивным способом словообразования является лексико-синтаксический способ, т.е. “лексикализация различных атрибутивных словосочетаний, в которых в роли атрибута выступают имена существительные и прилагательные, а также причастия и некоторые деепричастия” [2, с. 99]. При этом, диалектные атрибутивные словосочетания делятся на два типа: Атрибутивное словосочетание I, «построенные синтаксическим способом на основе связи примыкания» [2, с. 100]. Атрибутивное словосочетание II, которое определено как «лексикализация определительных словосочетаний» [Там же, с. 110].

Приведем перечень названий растений, образованных вторым способом, из монографии С. А. Иванова «Лексические особенности говоров якутского языка». Здесь в разделе «Названия плодов, ягод, деревьев, кустарников и травянистых растений» находим следующие примеры: **абааны отоно, тураах отоно** ‘амприк’, **анах эмийэ-ынах эмийэ-ынах эмийэ** ‘земляника’, **атыыр таһаҕа** ‘жимолость’, **биэ эмийэ** ‘земляника’, **боруу моонньоһоно** ‘черная смородина’, **бөрө тилэбэ** ‘морозка’, **бөрө тинилэбэ** ‘малина’, **дьахтар талаҕа** ‘краснотал’, **киис тинилэбэ** ‘земля-

ника’, **киис тыгыраба** ‘шикса сибирская’, **көппөх отоно** ‘морoshка’, **көтөр аһылыга** ‘шикса сибирская’, **куобах отоно** ‘красная смородина’, **курун аһа** ‘черная смородина’, **кыһыл чирэһэ** ‘красная смородина’, **кэбэ отоно** ‘вид ивовых’, **налыкта отоно** ‘боярышник’, **нараахый отоно** ‘арктоус красноплодный’, **миньник талаба** ‘береза тощая’, **саха талаба** ‘ива сухолюбивая’, **сугун абабата** ‘багульник’, **муох моонньобоно**, **өлөн моонньобоно** ‘сладкий вид черной смородины’, **муох отоно** ‘клюква’, **мыһыттык отоно** ‘шикса’, **обус сымыыта** ‘жимолость’, **обус таһаба** ‘плод шиповника’, **омук отоно** ‘шикса’, **суор отоно** ‘морoshка’ [2, с. 111].

Из данных примеров видно что в диалектных атрибутивных сочетаниях в основном употребляется модель «существительное + существительное»: **абааһы отоно**, **тураах отоно** ‘амприк’, **анах эмийэ-ынах эмийэ-ынах эмийэ** ‘земляника’, **атыыр таһаба** ‘жимолость’, **биэ эмийэ** ‘земляника’, **боруу моонньобоно** ‘черная смородина’, **бөрө тилэбэ** ‘морoshка’, **бөрө тинилэбэ** ‘малина’, **дьахтар талаба** ‘краснотал’, **киис тинилэбэ** ‘земляника’, **киис тыгыраба** ‘шикса сибирская’, **көппөх отоно** ‘морoshка’, **көтөр аһылыга** ‘шикса сибирская’, **куобах отоно** ‘красная смородина’, **курун аһа** ‘черная смородина’ и т. д. При этом, из 32 двух диалектных названий растений только одна единица образована из разных частей речи (прилагательное+существительное: **кыһыл чирэһэ** ‘красная смородина’). В рассмотренных сочетаниях две основы путем сложения образуют одно отдельное самостоятельное слово со своим диалектным лексическим значением и выражают одно понятие.

Проведенный нами анализ диалектной лексики названий растений якутского языка позволяет заключить, что названия растений образуются путем сложения двух основ, существительное + существительное или существительное + прилагательное.

Таким образом, почти все диалектные названия, относящиеся к растительному миру, образованы “лексико-семантическим способом, возникли в результате лексикализации атрибутивных словосочетаний. Вот здесь и скрывается потенциальная возможность создания новых слов терминологического словотворчества в якутском литературном языке” [2, с. 246]. Тем самым, пополняя и обогащая словарный и терминологический состав якутского языка.

Литература

1. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1999. – 197 с.

2. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.

3. Матвеев Т.В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562 с.

Л.В. Роббек,

ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

«САХА ТЫЛЫН УЛАХАН БЫҤААРЫЫЛААХ ТЫЛДЬЫТЫГАР» ТҮӨЛБЭ ТЫЛЛАРЫ БИЭРИИ

(I туом, «А» буукуба матырыяалыгар олобуран)

Биһиги саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытыгар түөлбэ тыла хайдах бэриллибитин ырытан көрдүбүт. Ол туһуттан Новосибирскайга «Наука» издательствоҕа 1995 с. тахсыбыт «Саха тылын түөлбэ тылын тылдытыгар» «А» буукубаҕа барыта хас тыл баарын көрдүбүт. Манна уопсайа 239 диалектизм баар эбит. Оттон «Саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытын» бастакы туомугар барыта 36 диалектизм баарын буллубут.

Булбут матырыяалбытын ырытан көрөн баран маннык түмүктэргэ кэллибит:

1) Түөлбэ тыл тылдытыгар киирбэтэх тыллар саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытыгар бааллар эбит. Холобур, *ааҕамдьылаа* – с. 118, *аатын оонньотор* – с. 196, *абааһытын суланар* – с. 224, *агдака II* – с. 247, *агдалаах* – с. 247, *аҕый* диэн тыл киирбит, *аҕыйдаа* – с. 267 диэн суох, *адаарыкы* – с. 284, *айангы* – с. 315, *албан III* – с. 405, *алдыаас* – с. 417, *алчактаа* – с. 437, *ампарбан* – с. 454, *анды балык* – с. 469, *аннынар* – с. 475, *ангырдаа* – с. 502, *арбаата* – с. 547, *ардый* – с. 556, *атаан* – с. 625, *атах синньигэстии* – с. 641, *атыны да (даҕаны)* – с. 658, *ача II* – с. 673, *ачаа* – с. 673, *ачаалаа* – с. 674, *ачаалат* – с. 674, *ачаатык* – с. 674, *хайы аҕай* – с. 258 [1]. Барыта 26 тыл.

2) Саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытыгар Түөлбэ тыл тылдытыгар киирбит элбэх тыл суох, киирбэтэх. Холобур, *ааҕый орус*, *аакоо*, *ааллаа*, *аал үрүмэччитэ*, *аалыскай иннэ* о.д.а.

3) Икки тылдыкка толору сөп түбэһиилэр манныктар: *абаҕа IV* – с. 228, *абгы* – с. 234, *аҕый* – с. 264, *аҕынньар* – с. 272, *анты* – с. 479, *ангаа*

– с. 484, *араан* – с. 512, *ардырбай* – с. 556, *аһылыктаа* – с. 611 [1]. Барыта 9 эрэ тыл.

4) Маны таһынан, сорох түбэлтэлэргэ бэлиэтээһиннээхпит. Холобур, *абаҕа* IV диэн тыл саха тылын быһаарыылаах тылдытыгар *бүүчээн* (кабарга) дэммит. Түөлбэ тыл тылдытыгар көр *мэкчэкээ* диэбиттэр. *Мэкчэкээ* диэн тыл суолтата эмиэ *бүүчээн*, *кабарга* диэн эбит. Маны саха тылын быһаарыылаах тылдытыгар эбии информация биэрбит буоллар ордук буолуох эбит дии санаатыбыт.

5) Саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытыгар *абгы* диэн тыл баар. “Итэбэс, оккуран, иинэбэс (тугут)” диэн суолталаах, тылдыкка *абга* диэн сылдыар. Онтубут быһаарыыта көр *амна* диэн. *Амна* диэн тыл “итэбэс, сатаан үөскээбэтэх тугут (недоношенный, аномальный олененок)” диэбиттэр. Ону Улахан тылдыкка эмиэ ыйыахха баар эбит.

6) *Араан* диэн тыл Улахан тылдыкка “Ураһа, тордох, балаакка олоҕо, турар сирэ; олорор, түһүүлэнэр сир, хонор сир” диэн суолталаах [1, с. 512]. Түөлбэ тыл тылдытыгар “араан тааһа” диэн бэриллит. Суолтата “Уот оннун тула ууруллар таастар (камни, обложенные вокруг очага)” диэн бэриллит. Суолтата майгыннаһар эрээри арыый атын курдук.

Онон, кылгас ырытыы кэнниттэн манньк түмүктүүххэ сөп.

1. Ырытылыбыт икки тылдыкка толору сөп түбэһиилэр аҕыйахтар. Барыта 9 эрэ тыл. Саха тылын улахан быһаарыылаах тылдытыгар барыта 36 диалектизм кирибитинэн ааһан көрөр буоллахха, бу 32 бырыһыан буолар.

2. Түөлбэ тыл тылдытыгар кирибэтэх тыллар саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытыгар кирибиттэрэ саамай улахан интэриэһи тарадар дии санаатыбыт. Маны диалектологтар өссө төгүл болҕойон көрүүхтэрин наада.

3. Саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытыгар Түөлбэ тыл тылдытыгар кирибит элбэх тыл суоҕа, кирибэтэбэ кинини улаханньк соһуппат дии саныыбыт. Тоҕо диэтэххэ, улахан тылдыкка түөлбэ тыллары киллэри сүрүн бириинсибэ манньк суруллубут: «В словарь включаются диалектные слова, представляющие интерес с точки зрения истории языка, этнографии или потенциальной возможности их введения в литературный язык» [1, с. 51]. Маны таһынан, эбии манньк чуолкайдааһын баар: «В словарь, как правило, не включаются диалектные слова, их фонетические и морфологические варианты, не получившие широкого распространения в источниках» [1, с. 51]. Бу сөп дии саныыбыт, тоҕо ди-

этэххэ, саха тылын Улахан быһаарыылаах тылдытын сыала-соруга түөлбэ тылын тылдытыттан ураты, атын.

Литература

1. Толковый словарь якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с.
2. Диалектологический словарь языка саха: Дополнительный том. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.

III. ЭТНОСОЦИАЛЬНОЕ И ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ СВОЕОБРАЗИЕ ЯЗЫКОВ НАРОДОВ РС (Я)

Р.И. Васильева,
ИГиИПМНС СО РАН, г. Якутск

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ЭТНОЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ САХА (ЯКУТИЯ)

Языковая жизнь в Республике Саха (Якутия) на современном этапе представляет сложный процесс, связанный с глубинными процессами трансформации в этнической идентичности коренных народов, процессами нивелирования всего национального и упрощения языковой системы национальных языков, функционирующих в республике. Вопросы определения роли, места и функций русского языка и языков титульных народов республики стали предметом пристального внимания и заинтересованности как руководства, так и широкой общественности еще в начале 90-х гг. прошлого века. Была выработана новая национально-языковая политика, направленная на создание необходимых условий для равноправного функционирования русского, якутского, языков малочисленных народов (эвенкийского, эвенского, юкагирского). В 1991 г. был принят Закон «О языках народов РС (Я)», который провозгласил русский, якутский государственными и определил статус языков малочисленных народов Якутии, разработана и принята Государственная программа, определяющая комплекс мероприятий, направленных на сохранение и развитие национальных языков Якутии. В Республике Саха (Якутия) создана целостная образовательная система, определенная учебно-методическая база, сеть национальных школ, которые обеспечивают комплексное обучение на родных языках, изучение народного фольклора,

культуры и литературы. Особенно это касается Центральной Якутии, вилюйской и отчасти северной группы районов.

Особенности современной этноязыковой ситуации в республике во многом определяются миграционными факторами, определяющими становление нового баланса языков: сужение русскоязычного пространства в Республике Саха (Якутия) вследствие оттока русскоязычного населения в другие регионы; возрастание роли внутренней миграции; урбанизация сельского населения возросла и в данное время наблюдается некоторая стабилизация данного процесса. Численность коренного населения Якутии по переписи 2010 г. составила – 53,5%, включая саха (якутов), эвенов, эвенков, юкагиров и чукчей. Общая численность – 958 528 чел., мужчин – 48,6%, женщин – 51,4%, городское население – 64,1 %, сельское население – 35,8 % [1].

Иванова Н.И. провела социолингвистическое исследование в ряде районов РС (Я), в ходе которого были получены следующие результаты: среди всей совокупности этнических якутов наблюдается достаточно высокий уровень активного владения якутским языком – 92,6 %, свободно – 90,5 % [2, с. 31]. Русский язык преобладает в качестве родного языка у респондентов-якутов со средним общим и со средним специальным образованием, получившим образование на русском языке. Существенное различие в языковой идентификации между городскими и сельскими якутами представляет процесс, связанный с разницей в образе жизни и менталитете горожан и сельчан и ассимиляционными процессами. Между городскими и сельскими якутами наблюдается дистанция, которая прослеживается в уровне языковой компетенции, ценностных ориентациях, в выборе языковой и этнической идентичности. В полиэтнических районах РС (Я) результаты социолингвистического обследования показывают, что в этнически смешанных районах языковое поведение зависит от типа этнической среды, т.е. решающую роль играет проживание респондента в городе или в сельской местности. Не менее важную роль играет демографический фактор: произошел отток городского русскоязычного населения за пределы республики, в тоже время увеличился приток якутского населения в городские поселения Республики Саха (Якутия), продолжается процесс урбанизации коренного населения, связанный с процессом глобализации в мировом социуме [3, с. 68].

Якутский язык используется практически во всех сферах коммуникации. Массовая культура на якутском языке пользуются большой популярностью у населения, люди охотно слушают радио и смотрят телевизионные передачи, что весьма важно для социального престижа,

вitalности якутского языка. Якутский язык широко используется в визуальной информации, книгопечатании, театральной деятельности, кино. Образовался особый билингвистический ярус языка саха.

Несмотря на внешнее благополучие этноязыковой ситуации, существуют определенные проблемы. Так, по данным Всероссийской переписи 2010 г.:

1. Отмечается определенный разрыв в языковой компетенции городского и сельского населения. Прежде всего это проявляется в некотором сдвиге в сторону русского языка: 5,5% городских якутов признали родным русский язык, оба языка (русский и якутский) – 10,3%. Получается – 15,8% респондентов якутской национальности находятся в группе риска. Об этом свидетельствуют результаты локальных социолингвистических исследований – примерно 11-15 % представителей якутской национальности находятся на пути утраты языковой идентичности. В частности, на примере приленских районов, где компактно проживает смешанное население, якуты и русские, процесс языкового сдвига наглядно прослеживается;

2. Во всероссийской переписи 2010 г. в список отдельных национальностей включено пять наиболее многочисленных национальностей (якуты, русские, украинцы, татары и буряты) и пять коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Республики Саха (Якутия). Как видно, Республика Саха (Якутия) многонациональная, в связи с этим стоит проблема обучения национальных меньшинств родным языкам. При этом только 5,7% эвенков, 22,3 % эвенов, 22,6% юкагиров, 40,5% чукчей 5,0% долган, проживающих в РС (Я), считают язык своего этноса родным. Проблема сохранения языков коренных народов Севера одна из важных составляющих национальной политики Республики Саха (Якутия).

Перепись 2010 г. показала, что языковой сдвиг наблюдается и у других народов, входящих в структуру населения республики: русский язык родным назвали: татары – 61,4 %, буряты – 44,4%. Прямая языковая идентичность выявлена у 99,4 % киргизов, 99,8% армян, 99,6% узбеков. Народы Средней Азии и Кавказа в выборе языковой идентичности предпочтение отдают родным языкам.

На сегодня Якутия представляет большой плавильный котел различных языков, культур и религиозных конфессий. Главным фактором успешности якутской модели межэтнического согласия выступает сохранение баланса интересов населяющих Якутию этносов, не допускающего привилегированного положения одних и ущемления прав других. Исто-

дя из приоритетов государственной национальной политики, развития национальных культур, правительством принята государственная программа Республики Саха (Якутия) «Гармонизация межэтнических отношений в Республике Саха (Якутия) на 2012-2019 годы», направленная на укрепление в обществе гражданского мира, межнационального и межрелигиозного согласия. Основными факторами этого являются:

1. Согласно схеме комплексного развития производительных сил, транспорта и энергетики Республики Саха (Якутия) до 2020 г. в республике планируется создание до 100 тысяч новых рабочих мест, что потребует принятия мер по созданию условий гармонизации национальных отношений;

2. В отдельную социальную группу как нуждающиеся в государственной поддержке выделены коренные малочисленные народы, проживающие на территории Республики Саха (Якутия). В соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 8 мая 2009 г. № 631-р в перечень мест традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Российской Федерации входят семьдесят населенных пунктов двадцать одного района Республики Саха (Якутия);

3. Наблюдается общее осложнение ситуации в сфере межнациональных отношений в Российской Федерации, связанное с растущим влиянием глобализационных процессов на ситуацию национальных республик. И в этом аспекте сохранение исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных народов решающее значение;

4. Сохранение и развитие самобытных национальных субкультур, традиций и обычаев русских старожилов и казачьих обществ включает мероприятия по поддержке социально значимых проектов по возрождению традиций и обычаев казачьих обществ; по созданию и развитию фольклорных самодетельных казачьих коллективов; по организации и проведению республиканского фестиваля казачьей и ямщицкой песни.

На мой взгляд, основными направлениями государственной языковой политики и расширения правовой, социальной базы и сферы употребления национальных языков является создание условий для паритетного функционирования государственных языков: русского и якутского и пяти официальных языков коренных малочисленных народов Севера, сохранение языкового и культурного многообразия. Необходимо принять следующие меры по гармонизации языковой политики:

- проведение устойчивой образовательной политики в отношении к родным языкам;
- сохранение статуса русского языка как государственного языка РФ;
- формирование функционального билингвизма и трилингвизма;
- проведение адаптационных мероприятий с мигрантами в аспекте их привлечения к обучению русскому языку;
- предоставить возможность другим этносам: татарам, бурятам, киргизам, армянам, узбекам – изучать якутский язык и культуру якутского народа, возникает необходимость создания языковых центров по изучению якутского языка для специалистов, нуждающихся в профессиональной деятельности. В этом аспекте филологическим факультетом Северо-Восточного федерального университета ведется определенная работа с мигрантами по обучению русскому языку, но миграция в республику носит неорганизованный характер, поэтому существуют коммуникативные проблемы и проблемы культурной адаптации среди приезжего населения;
- в условиях нарастания межэтнической напряженности необходимо проводить усиленную национально-языковую политику в формировании толерантного отношения к языкам и культурам, проживающих на территории Якутии народов;
- многоаспектную языковую ситуацию в полинациональных республиках порождает функционирование языков и культур большого числа народов, проживающих на данной территории. Поэтому мониторинг языковой ситуации в Республике Саха (Якутия) необходим не только для решения научных задач, но и для оптимизации межнациональных отношений, предупреждения языковых конфликтов и формирования толерантного общества.

Литература

1. Численность коренного населения по переписи 2010 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://viewtopic.jsp?id=4373007> (дата обращения 20.09.2018).
2. Современная этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект / Н.И. Иванова, Р.И. Васильева, М.Г. Дегтярева, Л.Н. Семенова. – Новосибирск: Наука, 2013.
3. *Васильева Р.И.* Современные этноязыковые процессы в полиэтнических улусах Республики Саха (Якутия) (1995-2003 гг). – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 2007.

Т.Е. Андреева, К.Н. Стручков,
ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

К ВОПРОСУ О СОХРАНЕНИИ ЭВЕНКИЙСКОГО ЯЗЫКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

В предисловии серии «Памятники этнической культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», основанной в 2004 году в Институте проблем малочисленных народов Севера СО РАН по инициативе его директора доктора филологических наук В.А. Роббека, отмечается, что эти народы создали в самой холодной части планеты среду обитания человека с уникальной духовной и материальной культурой [3, с. 6-7]. Современные глобальные процессы разрушают национально-культурное своеобразие всех этнических сообществ, что приводит к нивелировке этнического своеобразия их культур. В этих условиях становится актуальным воспитание ребенка как этнической личности. Игнорирование традиционной культуры народов Севера, в том числе эвенков, народных основ воспитания, многовековой культуры этих народов дает отрицательные плоды: выросли целые поколения людей, которые равнодушны к истории родного края, родному языку, судьбам своего народа.

В нашем обществе на протяжении длительного времени прослеживаются тенденции значительного ослабления восприятия в сознании у молодёжи таких ценностей, как культурно-духовные, нравственно-гуманистические, общественно-гражданские, общечеловеческие.

В России идет не только экономический кризис, но и кризис воспитания подрастающего поколения. Сегодня особенно важно обратиться к народным традициям, которые в прежние времена связывали старшее и младшее поколения, возродить преемственность. Необходимо передать подрастающему поколению те нравственные устои, которые пока ещё живы в людях старшего поколения, сохранивших чистоту помыслов, чувство любви к своему народу. Незнание и пренебрежение культуры родного народа в воспитательном процессе ведёт к бездуховности, в то время как сохранение традиционной культуры народов Севера, в том числе и эвенков – это основа нравственного здоровья молодого поколения.

Воспитательная и образовательная эффективность школ в местах компактного проживания эвенков будет обеспечена при условии систе-

матического ознакомления с традиционной культурой эвенков, при совместной работе семьи и школы.

Эвенки сохранили основу декоративно-прикладного искусства, технологии народных промыслов и ремесел, народные обычаи и обряды [1]. К сожалению, языковая ситуация имеет негативный характер – наиболее хорошо сохранился родной язык в селе Иенгра Нерюнгринского района республики. Для большинства эвенков республики стал родным якутский язык.

Для возрождения этничности в сознании подрастающего поколения, для формирования лучших черт национального характера: трудолюбие, милосердие, честность, любовь к родной земле, школа должна создавать благоприятные условия в учебно-воспитательном процессе через внедрение элементов традиций и культуры народа. В этом школам помогает внеурочная деятельность. Эвенкийские школы Южной Якутии объединились для реализации этой цели. Рассмотрим опыт этих школ. Они проводят большую внеурочную деятельность, которая проходит в таких формах как: фольклорные праздники, театрализованные представления, выставки и различные познавательные беседы о народных традициях, обычаях, об устном народном творчестве эвенков и т.д.

В школе-гимназии «Арктика» создана оптимальная система воспитательной работы «Общинное самоуправление», учитывающая традиции эвенков, реализуются инновационные проекты: региональная спартакиада «Нэлкини эмэрэн», традиционный праздник «Бакалдын», классные социальные проекты «Сильная личность моего народа», танцевальный тренинг общения «Танцующая Арктика», межобщинный проект «Мисс Национальность», межобщинная аэробика, «Осенний бал», конкурс «Мисс Арктика», проект профессионального самоопределения «Я выбираю свою судьбу», дети участвуют в различных муниципальных, региональных и всероссийских олимпиадах по эвенкийскому языку. Регулярно проводит общешкольные конкурсы: «Дэвэлчэн», «Аякчана», и «Сигукан». На всех внеурочных занятиях введены элементы традиционной национальной культуры.

В эвенкийском селе Иенгра школа им. Г.М. Василевич активно участвует в общественной жизни села, без школы не обходится ни один традиционный праздник. В школе хорошо поставлено родовое воспитание, эвенкийские дети хорошо знают свои родовые корни, здесь проживают потомки Пуягир, Бухачар, Нюрмаган, Бута, Кэптукэ, Дэнгмэ, Бэллэт, Эмис. В селе имеется этнокультурный центр «Эян», в котором самыми активными участниками являются дети. Участники танцевально-

го ансамбля «Юктэ» исполняют старинные подражательные и хороводные танцы эвенков, поют народные песни. Материалом для постановок ансамбля являются легенды и предания эвенков.

Наиболее популярными среди школ Южной Якутии являются региональная спартакиада «Нэлкини эмэрэн», традиционные праздники «Бакалдын», «Икэнипкэ». Во время праздников проводятся обряды очищения, угощения огня и др., исполняются хороводные танцы.

Дети на фольклорном и этнографическом материале знакомятся с тем, как наши предки понимали мир, окружающего человека и свое место в этом мире, изучают традиционный народный календарь, обычаи и обряды, знакомятся с многообразием культурных традиций народов России, с культурой родного края.

Это очень яркий и выразительный мир и поэтому он интересен для детей. Еще в нем привлекает то, что предмет изучения позволяет ребенку стать активным его участником. Дети могут попробовать себя в разных ролях и видах деятельности. Петь, танцевать, рисовать, мастерить, участвовать в театральных постановках – все эти возможности представляет изучение традиционной культуры, тем самым способствуя всестороннему развитию личности ребенка.

Подтверждением успешности традиционных общешкольных мероприятий является то, что при опросе практически все учащиеся называют каждое из этих мероприятий как запомнившееся своей яркостью, интересным содержанием.

Данные факты говорят о том, что наши традиции сохраняются благодаря усилиям педагогов и художественных руководителей этноцентров этих поселков, которые активно, творчески поддерживают и развивают их.

У эвенков сложилась своя этнопедагогика. Средства воспитания, характерные для эвенков – конкретные формы деятельности и предметы, которые используются в процессе реализации того или иного метода воспитания. Народная педагогика эвенков, отмечает Сирина А.А. и другие исследователи, имеет как бы два этапа: первый этап – игры детей и начальное возрастное разделение труда в семье; второй – участие детей и подростков в производительном труде семьи [2, с. 177-203]. Труд разделялся по половозрастному принципу. С 6-7 лет мальчики приучаются к охоте, а девочки в том же возрасте могли шить. Эвенки с любовью относятся к детям, никогда не ругали и не повышали голос. Младшие всегда уважительно относились к старшим. Современный стиль воспитания изменился, причиной является изменившееся общество.

Итак, важнейшим аспектом воспитательной работы учителя в современных условиях является максимальное снижение негативного влияния социума на личность ученика и использование всех позитивных возможностей для многогранного развития личности. Главным результатом в воспитании будет этническая личность, способная строить жизнь, достойную человека, имеющего свои корни [1].

Народные традиции и культура народа, оказывают на ребёнка не только эмоциональное влияние, но и формируют стереотипы поведения и общения с окружающими. Изучение традиций эвенкийского народа, а также других народов, проживающих на территории нашей республики и России, необходимо для повышения общего культурного уровня обучающихся, развитию творческих и духовных качеств личности.

Литература

1. *Лебедева А.М.* Этнопедагогические основы в социализации детей коренных народов Севера // Сибирский педагогический журнал. – 2009. – №7. – С. 188-194.

2. *Сирина А.А.* Эвенки и эвены в современном мире. – М.: «Восточная литература», 2012.

3. *Стручков К.Н.* Функционирование эвенкийского языка в сфере образования Республики Саха (Якутия). – Новосибирск: Наука, 2009.

Е.Н. Романова,

ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

АТЛАС КУЛЬТУРНЫХ ДИАЛЕКТОВ ПЕРИФЕРИЙНЫХ ГРУПП ТЮРКОВ И ТУНГУСОВ СЕВЕРО-ВОСТОКА СИБИРИ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА И ПРИНЦИПЫ

Этнодиалектное исследование, направленное на изучение адаптационных механизмов и локальных разновидностей культур тюрков и тунгусов Крайнего Севера России – одна из актуальных проблем науки, т.к. речь идет о системе жизнеобеспечения коренных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока. Данные регионы играют значительную роль в дальнейшем устойчивом развитии страны в целом, благодаря с одной стороны, мощным природным ресурсам и с другой стороны – сохранением в своем пространстве тех форм традиционной этнической культуры, кото-

рые обладают высоким уровнем адаптивности к природно-климатическим условиям и сформировавшимся культурно-экологическим равновесием. Изучение культурного ландшафта как отражения механизма адаптации этноэкологических традиций коренных народов Северо-Востока Сибири с целью сохранения традиционных духовных ценностей и способов жизнедеятельности в условиях трансформации является важной задачей гуманитарной науки.

Этнографы ИГИИПМНС СО РАН в своем научном проекте «Ландшафт и культура в пространстве периферийного континуума (опыт ареального исследования культурных диалектов тюрков и тунгусов Северо-Востока Сибири)» впервые в историко-этнографическом аспекте провели ареальное исследование локальных моделей жизнедеятельности тюрков и тунгусов Северо-Востока Сибири как особого геокультурного пространства, представляющего периферийную ландшафтно-диалектную зону этнокультурного пограничья и символических коммуникаций якутов, долган, эвенков и эвенов. Авторы проекта развивают направление «этнодиалектология» в рамках исторической этнографии и гуманитарной географии. Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – начала XXI вв. При глубинной реконструкции исторических процессов, происходивших на Северо-Востоке Сибири, исследователи обращались к диахронным и синхронным срезам изучения культуры.

Исследовательская стратегия единой программы по выделению культурных диалектов опиралась на междисциплинарную методологию, разработанную этнолингвистической школой Н.И. Толстого и базируется на архивных документах Г.В. Ксенофонтова, В.Н. Васильева, П.В. Слепцова, Ф.Г. Сафронова, Б.О. Долгих, И.С. Гурвича, а также на полевых материалах, собранных во время экспедиций в течение 2013-2016 гг.

Характеристика этнографических явлений в пространстве этнокультурного пограничья Якутии позволяет применить географическое проецирование на языковые и хозяйственно-культурные модели этнолокальных групп тюрков и тунгусов Северо-Востока Сибири. Это дает возможность выделить особую этнодиалектную зону периферийных групп якутов, долган и эвенов (от Таймыра до Амура), а также представить оригинальные варианты культуры жизнеобеспечения изучаемых народов. Подобные ареальные исследования на якутском материале впервые были проведены этнографом-сибиреведом Г.В. Ксенофонтовым. Этногеографический метод изучения окраинных границ Якутии как ареала активных исторических и культурных миграций, разработанный в его актуальных собирательских программах, послужил научным импульсом при разра-

ботке единой программы по выявлению культурных диалектов. Особое значение в этом контексте приобретает Арктический Север как этнокультурная провинция «полярных» якутов (по Ксенофонтову), Таймыр – место проживания долган, Красноярский край – место проживания есеевских якутов, Амур – место проживания удских якутов.

В рамках проекта была разработана методология картографирования культурных диалектов тюрков и тунгусов Северо-Востока Сибири, являющаяся первым опытом изучения этнолокальных моделей жизнедеятельности периферийных групп якутов, долган, эвенов в пространстве устойчивых культурных представлений и взаимодействия различных этнокультурных традиций. В данной работе впервые предпринимается попытка представить этнокультурный ландшафт якутов, эвенков и эвенов через призму пространственных представлений и историко-культурных образов локальных территорий. Все это позволяет выявить этнолокальную специфику и выделить определенный набор диалектных признаков. Согласно выбранной методике была проведена метагеографическая характеристика традиционных моделей жизнедеятельности локальных групп народа саха, включающая в себя сопоставление хозяйственно-культурных типов и систему знаков, символов, архетипов, локальных мифов, сопряженных с определенной территорией. В работе термин «культурный диалект», согласно определению А.А. Плотниковой (2013), используется как локальная традиция народной духовной культуры. На основе обобщения большого источникового материала и междисциплинарных методик его анализа было произведено описание повседневного и сакрального пространства этнолокальных групп тюрков и тунгусов Якутии, были выделены и реконструированы отдельные фрагменты традиционной картины мира якутов, и эвенов, а также проанализированы инокультурные заимствования.

В результате проведенных исследований были разработаны принципы создания Атласа культурных диалектов тюрков и тунгусов Северо-Востока Сибири, в основе которого лежит тематический принцип. Отбор культурных диалектов осуществлялся по следующим рубрикам: «Доминантные символы пространства», «Природный мир», «Мир сакральный: обряды жизненного цикла, орнамент, верования». Критериями отбора являются следующие позиции: значимость при ареальной характеристике; повторяемость; особенность. Основными принципами статей к Атласу являются: составление комментариев, легенды к карте, пункты фиксации материала. Принципиально важным является то, что толкование культурных элементов раскрывается в единстве их «реальной» формы и симво-

Литература

Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. – М.: Институт славяноведения РАН, 2013. – 384 с.; карты.

А.С. Ларионова,
ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

ВОПРОСЫ МУЗЫКАЛЬНЫХ ДИАЛЕКТОВ В ТРАДИЦИОННОМ ПЕНИИ ЯКУТОВ

В конце XX в. в Институте языка, литературы и истории СО РАН (ныне Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН) широкое развитие получило такое фундаментальное научное направление, как диалектология якутского языка. В данном аспекте написано большое количество научных трудов, в том числе монография С.А. Иванова «Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика» (Новосибирск, 1993) [5], а также монографические исследования П.С. Афанасьева «Говор верхоянских якутов» (Якутск, 1965) [2], П.П. Барашкова «Фонетические особенности говоров якутского языка. Сравнительно-исторический очерк» (Якутск, 1985) [3], М.С. Воронкина «Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика» (Новосибирск, 1999) [4], Е.И. Коркиной «Северо-восточная диалектная зона якутского языка» (Новосибирск, 1992) [7].

В вербальной основе якутских народных песен диалекты якутского языка отражаются напрямую, поэтому диалектология является важной основой при изучении текстов традиционных песен якутов. В их напевах также, возможно, наблюдается влияние диалектов того региона, в котором проживают исполнители. И в этом отношении интересно проследить, насколько музыкальные диалекты совпадают с языковыми диалектами, разработанными С.А. Ивановым. Так, стилистические особенности музыкальных диалектов наблюдаются на всех уровнях. Например, специфика распевов слогов в напеве зависит от принадлежности фольклорного образца к тому или иному музыкальному диалекту. Во всех диалектных группах обнаружилось, что в пении происходит постепенное исчезновение распевов по мере отдаления от центральных регионов Якутии. В этом

отношении в центральных регионах в большей степени употребляют практически постоянный распев слога, а на географической периферии Якутии разнообразные и протяженные распевы постепенно исчезают.

В песнях центральной группы улусов термин *тардан ыллыыр* ('петь растягивая') характеризует факт преобладания разнообразных распевов, преимущественно протяженных, вокализованных, практически каждого слога. Мелодический рисунок распевов основан на большетерцовых и большесекундовых, по преимуществу нисходящих интонациях и характеризуется разнообразием как в мелодико-интонационном, так и метроритмическом отношениях. Так, в олонхо «Дева богатырь Джирибина Джирылатта» П.П. Ядрихинского из Намского улуса в песне коня [1, с. 34] преобладают распевы триолями в виде восьмых в самых разнообразных звуковысотных комбинациях с преобладанием большетерцовых и большесекундовых мелодических ходов.

Обязательны в якутских напевах *дьиэрэтии ырыа* и пространные вокализованные распевы, выраженные сверхдолгими слогонотами. Они бывают двух типов: зачинный вокализованный распев, которым открывается песня и каденционный вокализованный распев, который завершает практически каждую мелостроку и основан на многократном повторении тона, преимущественно нижнего, а также протяженные распевы внутри мелостроки. Зачинные и каденционные вокализованные распевы по своей протяженности весьма разнообразны и включают от четырех до двадцати и более звуков на один слог. Их большая или меньшая степень протяженности зависит от диалектной стилистики исполнения и жанровой принадлежности музыкального образца. Например, в тойуках преобладают более протяженные распевы. Большая степень протяженности вокализованных распевов и более частое применение их в пении свойственны исполнителям центральной (приленской) стилистики исполнения, в отличие от других диалектных групп. Для них же характерно использование вокализованных распевов не только вступительных и каденционных, но и внутри мелостроки. Мелодически все распевы отличаются разнообразием.

В песнях стиля *дьиэрэтии ырыа* центральной музыкальной диалектной группы каденционный распев достаточно редок, так как в нем наблюдается не пульсация на одном звуковысотном уровне, а мелодически более интенсивное развитие. Только предпоследний или, чаще, последний слог первой строки распет ровными восьмыми на одном звуковысотном уровне. Остальные каденционные распевы характеризуются разнообразным мелодическим рисунком, который не повторяется.

Особенности музыкальных диалектов проявляются и в исполнении *кылысахов*. Как известно, якутский стиль пения *дьиэрэтии ырыа* богато расцвечен тембровыми украшениями кылысахами. Музыкальные диалекты прямо зависят от тембровой разновидности кылысаха. У центральных (приленских) певцов преобладающим является кылысах в виде практически непрерывного призвука к основной мелодии песни, чаще на расстоянии кварты или тритона.

В *дэгэрэн ырыа* центрального (приленского) музыкального диалекта преобладают напевы, поющие обычным голосом без кылысахов.

Проследивая распространение выявленных С.А. Ивановым основных диалектных признаков центральной диалектной зоны, применительно к традиционному пению якутов можно выявить интересную закономерность: особенности, свойственные песням центральной (приленской) стилистики пения, вполне возможно, были той основой, на которой формировались остальные диалекты в пении якутов и процесс проникновения якутской традиционной песенности происходил постепенно, перемещаясь из центральных регионов Якутии на ее периферию.

С.А. Ивановым в труде «Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика» (Новосибирск, 1993) выявлено 5 направлений распространения основных диалектных признаков центральной диалектной зоны. «Первое направление (языковые признаки намского, борогондупсинского говоров) на Саккырыр и Верхоянье, отсюда в основном – в бассейны рек Индигирки и Колымы, затем до нынешних Борогонского, Хара Улаханского наслегов Булунского улусов, захватывая места обитания сегодняшних усть-янских, аллаиховских и нижнеколымских якутов» [5, с. 310].

Верхоянский музыкальный диалект относится к данному направлению. Их исполнение резко контрастирует с остальными музыкальными диалектами. Так, для верхоянской манеры пения, яркой представительницей которой является Д.А. Томская, при фарингальном звукоизвлечении характерна назализация, и кылысах больше напоминает форшлаг.

Для якутской народной песни *дьиэрэтии ырыа* верхоянской стилистики исполнения так же свойственны преобладание кратких распевов и отсутствие протяженных вокализованных, при этом в них зачастую слоги не распеваются. Функционируют двух-, трех-, четырехзвучные распевы, которые могут расцениваться как протяженные. У исполнителей же центральных и вилюйских улусов они выступают в качестве кратких. У верхоянских исполнителей преобладают слоги, которые не подвергаются распеву, когда слогу соответствует один музыкальный звук. Отсутствие

пространных распевов у северных якутов, по-видимому, связано с тем, что они редко используют в пении кылысахи. В их пении кылысахи либо совершенно отсутствуют, либо они напоминают форшлаг.

Напев в верхоянской традиции после установления попевки начинает исполняться на манер дэгэрэн ырыа, имея четко метризованный достаточно простой ритмический рисунок. В данной стилистике исполнения якутских народных песен преобладает появление в процессе пения внесмысловых слогов, как это можно наблюдать в первой строке в «Пении невесты» (Свадебное благопожелание), записанной В.С. Никифоровой и В.Н. Шевцовым от С.Н. Слепцовой в 1987 г. в г. Верхоянске [9, с. 139].

По С.А. Иванову следующее – второе – направление (начало на территории распространения баягантайского говора) распространялось «через Оймяконье в сторону побережья Охотского моря, следы диалектных особенностей указанного говора едва сохранились в Оротуке, Гадле, Сеймчане, Балыгычане и Таскане Магаданской области» [Там же, с. 311]. В этномузыкознании еще до настоящего времени данное направление не обследовано в плане изучения и записи якутских народных песен.

«Третье направление (начало преимущественно в ареале кангаласких, мегинского и других говоров центральной диалектной зоны) через поселения олекминских якутов в бассейне р. Виллой и далее на запад и отчасти на север; еще одна волна из бассейна Олекмы шла на юг, в сторону нынешних Иркутской, Читинской областей и даже Хабаровского края [Там же]. В отношении народных песен олекминских якутов можно отметить то, что их музыкальный диалект в настоящее время представлен отдельными нотными расшифровками, сделанными еще в начале и середине прошлого столетия, а также грамзаписями олекминского осуохая, произведенными в XX в.

Оригинальное и специфическое исполнение песни-танца осуохай Олекминского улус характеризуется тем, что в круговом танце осмысленный текст заменяет набор внесмысловых слов. В напевах олекминского осуохая преобладает ямбическая ритмика, в то время как в других региональных стилях пения якутского танца основу составляет хореический контекст (термин Г.Б. Сыченко). Музыкально-интонационному составу напевов олекминского осуохая в целом свойственно перетекание от тона к тону, отсутствие четкой акцентности опорного тона. Ярким примером пения олекминского осуохая может представить исполнение У.Г. Нохсорова 1945 г.

Что касается песен дэгэрэн ырыа олекминской стилистики исполнения, то зафиксированы лишь 3 напева, отраженные в сборнике Ф.Г. Корнилова «Саха бастакы ырыалара» («Первые якутские песни») (Якутск, 1969) [8]. В сборнике С.А. Кондратьева «Якутская народная песня» (М., 1963) [6] существует один образец якутской народной песни данного регионально-го стиля пения в нотной расшифровке первого профессионального якутского композитора М.Н. Жиркова.

Для жанра народных песен Олекминского улуса наиболее показательным является преобладание непривычного для якутских народных песен других стилистических диалектов, трехдольного метра с опорой на ямбические структуры, например, в подобном размере изложена популярная, сохранившаяся до наших дней песня «Кыыллаах арыы» («Остров Кыллаах») [8, с. 41]. В других стилистических традициях основу песен составляет двухдольный метр с хореическим ритмом. Так, если сравнить данный напев с вариантом песни на тот же текст, записанном от Н.Т. Алексеева в 1964 г. в г. Якутске [10, с. 49-50], мы видим кардинальное их отличие, так как вариант Н.Т. Алексеева изложен характерным для якутской традиционной песенности двухдольном размере с хореическим ритмом. Центральный (приленский) вариант отличается от олекминского и ладовым наклоном, он изложен в мажорном ладу, в отличие от олекминского минорного. Различия вариантов выявлены и в использовании внесмысловых слов, вводимых в песню после каждой пропетой строки текста. В олекминском напеве внесмысловые слова представлены в сочетании *юһю*, в отличие от приленского, с характерным для этой региональной стилистики пения вариантом *ини*. В приленской песне внесмысловые слова изложены восходящей большесекундовой интонацией, благодаря чему здесь в четырехопорном напеве выявляются два равнозначных устоя. Наибольшую популярность сохранил все же олекминский вариант этой песни.

Подобно варианту олекминского напева «Кыыллаах арыы» («Остров Кыллаах») звучит песня данной региональной стилистики исполнения «Учууталга» («Учителю») на слова С. Элляя [8, с. 38]. Мелодии и метроритмика этих напевов имеют сходную структуру. При всей интонационной близости напевов отличия в них заключены во внесмысловых словах, которые в песне «Учууталга» («Учителю») имеют вариант *һы-һы*. В таком же трехдольном метре представлена «Ыһыы ырыата» («Посевная песня»), хотя интонационно она не похожа на два предыдущих напева. Внесмысловые вставки в ней также имеют вариант *һы-һы*. Отличается от предыдущих песня «Кыталык» («Стерх») в исполнении В. Шарaborиной

из Олекминского улуса [6, с. 33] как в интонационном, так и в метроритмическом отношениях. Изложена она в традиционном для якутской народной песни двухдольном метре с опорой на хорей и имеет распространенные для якутской массовой песни XX в. интонации, которые близки по своему характеру к популярному в тот период жанру марша.

По С.А. Иванову «четвертое направление (начало на территории распространения кангаласских, намских и других говоров центральной диалектной зоны) на Вилюй, далее на север, в Оленекско-Жиганский край; отдельные отголоски диалектных особенностей дошли до есейских якутов и таймырских долган» [5, с. 312]. Если обратимся к традиционным напевам якутов, то вилюйский музыкальный диалект характеризуется отсутствием в распеве разнообразия в ритмоинтонационном рисунке. В связи с этим данная стилистика именуется как *этэн ыллыыр* ('петь выговаривая'). В вилюйском диалекте начинает преобладать распев слога двумя восьмыми, перемежающимися кылысахом. Для вилюйской традиции исполнения характерно преобладание протяженных вокализованных рапевов каденционного типа.

В отношении кылысахов у вилюйских певцов, в отличие от приленских, кылысах-флажолет имеет прерывистый характер. У них флажолетные призвуки, звучащие параллельно основному тону, появляются лишь эпизодически. Остальные кылысахи напоминают форшлаг, так как их звучание прекращается почти сразу, после того как вступает основной тон. Дэгэрэн ырыя вилюйского музыкального диалекта характеризуются использованием кылысаха в данном типе пения, что отличает вилюйский стиль пения от центрального (приленского) стиля.

Вилюйская исполнительская традиция во многом близка центральной (приленской) стилистике пения по соотношению слова и музыки, по форме, по ладозвукорядной структуре, по использованию целотоновых ходов и интервала тритон в мелодии, а также по звучанию кылысахов. Поэтому некоторые исследователи объединяют эти две стилистики исполнения, и относят их к одной лено-амгино-вилюйской традиции пения. Тем не менее, эти два музыкальных диалекта все же имеют и ярко выраженные отличия. Также обнаружено, что в этом регионе распеваются в большей степени последние слоги слова.

В напевах дэгэрэн ырыя вилюйской региональной стилистики пения преобладает характерная для якутской традиционной песенности двухдольность в хорейском наклонении. Но встречаются трехдольные и другие размеры, которые не столь свойственны якутским напевам. В напевах преобладают краткие распевы двумя шестнадцатыми в нисходя-

щем движении или распевы отсутствуют. В связи с такими достаточно большими расхождениями вилюйского и приленского музыкальных диалектов, думается, что вилюйская стилистика исполнения якутских народных песен представляет собой самостоятельное и такое же самобытное явление якутской культуры, каким является и центральный (приленский) стиль пения.

По С.А. Иванову «пятое направление – по р. Лене на север и далее на северо-запад, в низовья р. Анабара; по-видимому, был затронут и говор есейских якутов, и диалект таймырских долган; другая волна захватила места обитания усть-янских и аллаиховских якутов» [5, с. 312]. Аллаиховский и усть-янский музыкальные диалекты в настоящее время не функционируют. Существуют нотные записи, изданные в сборнике Э.Е. Алексеева и Н.Н. Николаевой «Образцы якутского песенного фольклора» (Якутск, 1981) [1]. Это любовная лирическая песня «Андаҕар» («Клятва») [Там же, с. 73] и лирическая песня «Күһүн көтөрү атаарыы» («Осенние проводы птиц») [Там же, с. 74-76].

В песне «Андаҕар» («Клятва») присутствует прихотливость ритмического распева с добавлением согласного звука *к* с различными гласными звуками *ко, ку, кэ, кы, ка*, что несколько напоминает верхоянскую исполнительскую традицию, только там внесмысловые слоги основываются на согласный звук *р*. Для устьянского напева характерна нетемперированность звукоряда в квартовом объеме, кварта при этом звучит микроальтерационно уже, чем ч.4. Такого рода микроальтерационные понижения ступеней четырехопорного звукоряда, изложенные в неспешном темпе, в целом смягчают интонационный контур песни, образуя интервалы, которые невозможно обозначить терминами профессиональной музыки. И именно они придают напеву переливчатую изменчивость мелодии напева.

Лирическая песня «Күһүн көтөрү атаарыы» («Осенние проводы птиц») представляет собой устьянский образец жанра хонсуо ырыата. Если сравнить его с другими исполнительскими традициями, то основное отличие выявляется в манере исполнения специфических звуков. В устьянском варианте напев поется глухо, с зажатым горлом. Специфические звуки выражены звукосочетаниями близкими к *кха* на разных высотных уровнях. Мелодия развивается в диапазоне б.7. Ритмический рисунок устьянского варианта более развит и содержит разнообразные сочетания длительностей, в отличие от других музыкальных диалектов.

В сборнике Ф.Г. Корнилова «Саха бастакы ырыалара» («Первые якутские песни») (Якутск, 1969) [8] существует только одна песня

дэгэрэн ырыа на янский мотив – это известная «Ыҥырыы ырыата» («Призывная песня») [Там же, с. 32]. Здесь янский мотив под влиянием приленских и вилюйских традиций приобрел черты концертности, что выразилось в броскости интонационного контура и четкости метроритмики с традиционным тойуковым зачином «Дьэ, буо!». При этом, он основан на принципах развития, свойственных дэгэрэн ырыа.

В целом, в музыкальных диалектах народа саха соблюдается следующая закономерность: чем дальше от географического центра находится регион и чем богаче речевая интонация, тем меньшему распеву подвергаются слоги слов в пении и отсутствуют кылысахи. Специфика музыкальных диалектов в стиле дьиэрэтии ырыа связана с наличием или отсутствием распевов слогов, с мерой их ритмического и звуковысотного разнообразия.

Таким образом, многие открытия С.А. Иванова имеют перспективы в научном изучении музыкальных диалектов традиционной песенности якутов.

Литература

1. *Алексеев Э., Николаева Н.* Образцы якутского песенного фольклора. – Якутск: Кн. изд-во, 1981. – 100 с.
2. *Афанасьев П.С.* Говор верхоянских якутов. – Якутск: Кн изд-во, 1965. – 176 с.
3. *Барашков П.П.* Фонетические особенности говоров якутского языка. Сравнительно-исторический очерк. – Якутск: Кн. изд-во, 1985. – 182 с.
4. *Воронкин М.С.* Диалектная система языка саха: Образование, взаимодействие с литературным языком и характеристика. – Новосибирск: Наука, 1999. – 197 с.
5. *Иванов С.А.* Центральная группа говоров якутского языка: Фонетика. – Новосибирск: Наука, 1993. – 352 с.
6. *Кондратьев С.А.* Якутская народная песня. – М.: Сов. композитор, 1963. – 180 с.
7. *Коркина Е.И.* Северо-восточная диалектная зона якутского языка. – Новосибирск: Наука, 1992. – 270 с.
8. *Корнилов Ф.Г.* Саха бастакы ырыалара (Первые якутские песни). – Якутск: Кн. изд-во, 1969. – 60 с.
9. *Ларионова А.С.* Дэгэрэн ырыа. Песенная лирика якутов. – Новосибирск: Наука, 2000. – 152 с.
10. Саха народной ырыалара. – Якутск: Кн. изд-во, 1975. – 135 с.

Багдарыын Ньургун,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

НЕКОТОРЫЕ ЭВФЕМИЗМЫ В ТОПОНИМИИ АЛЛАИХОВСКОГО УЛУСА (по картотеке Иванова М.С.- Багдарыын Сюлбэ)

В топонимии Аллаиховского улуса, как и в других районах, обнаруживаются названия диких животных, в том числе медведя, в значении эвфемизмов. Для примера приведем топонимы, содержащие слово *эһэ* 'медведь' и его диалектные варианты.

Как отмечает С.А. Иванов, «в якутском языке *эһэ* является эвфемистическим обозначением медведя вместо исчезнувшего названия, например, типа др.-тюрк. *adiŋ, aduŋ, atıŋ, ajiŋ*» [5, с. 223]. Эвфемистические выражения и названия, содержащие данное слово, сложились в диалектной лексике саха в результате культа медведя, сакрализации, введения табу, также под языковым взаимовлиянием контактирующих племен и родов.

Топонимов на *эһэ* на территории исследуемого улуса не зафиксировано. Возможно, это связано с запретом, табуистическим требованием на название *эһэ*, или недостаточным сбором топонимического материала по Аллаиховскому улусу.

По диалектологическим материалам, слово *эбэ* используется для обращения к медведю в северо-восточной диалектной зоне – это Абыйский, Среднеколымский, Верхнеколымский районы [4, с. 317-318]. Возможно, топонимы *Эбэлээх, Эбэлээхтэр* зафиксированные в наслегах Быйанныыр, Ойоотун, сохраняют в основе диалектный эвфемизм 'медведь'. Багдарыын Сюлбэ, опираясь на материалы В.М. Ионова, И.А. Худякова и собранный им свод географических названий, предположил, что *эбэ* вместо *эһэ* исконно использовалось в центральных улусах республики [1, с. 383-384]. В настоящее время функционирование эвфемизма *эбэ* в значении 'медведь' не зафиксировано, «затемнено» также и происхождение топонимов *Эбэлээх, Эбэлээхтэр*.

Следующее слово – *мээмичэ* 'медведь'. Топоним *Мээмичэлээх* Багдарыын Сюлбэ зафиксировал в наслеге Быйанныыр. В «Диалектологическом словаре якутского языка» *мээмичэ* (Аллаиховский улус) сравнивается с *мөөмө* (эвфемизм в Усть-Янском улусе) 'эһэ (медведь)', которое, в свою очередь, сопоставляется с юкагирским *мэмэ* 'медведь' [4, с.171, 163]. В наслеге Нелемный Верхнеколымского улуса имеется гидроним

Медвежка Протохата – **Мээмээ Пуйила** [картотека БС]. В романе «Сир иччитэ» эвенского писателя Платона Ламутского **мээмэндэ** обозначает ‘медведь’: «*Араҕаһы мээмэндэ алдьаппыт*» [6, с. 4]. Здесь *-ндэ* – эвенский увеличительный суффикс. Можно сюда отнести также топоним **Мээмэчээн** (н. Быйанныыр): «*Мишкээ оҕонньор кэргэнинээн ...Хоодуктар кэннилэриттэн Дьара Күөл, Мээмэчээн диэн сирдэринэн олохсуйбуттар*» [2, с. 9]. В этом топониме *-чаан* – это уменьшительный суффикс эвенского языка.

Третье слово **өбөөх**. Зафиксировано в топониме **Өбөөхтөөх** в наслеге Быйанныыр. В картотеке Багдарыына Сүлбэ написано: «*эһэлээх диир оннугар Өбөөхтөөх диэбиттэр. Эһэ суостаах кыыл, онон эһэ диэбэттэр хаһан даҕаны*». По материалам «Диалектологического словаря языка саха», **өбөөх** отмечен в Усть-Янском улусе [3, с. 148]. С.А. Иванов отметил также, что «в говоре удских якутов зарегистрированы огубленные варианты: *өбөкөө* (уд.) в.м. *эбэкээ*; *өбөөх* (усть-ян.) в.м. *эбээх*; *өһө* (уд.) в.м. *эһэ* ‘медведь’» [5, с. 223].

Акающий вариант этого слова зафиксирован в названии озера **Эбээх Араҕастаах** наслеге Быйанныыр. В диалектологическом словаре приведен также вариант **эбээх** ‘медведь’ [4, с. 318]. В картотеке Багдарыына Сүлбэ записано, что информант Климовский С.И. 1914 г.р. рассказал следующее: «*былыргыта күөл эбит. Ол былыр уолан хаалбыт. Эһэни өлөрбүттэр уонна араҕастаан кэбиспиттэр. Эһэ диэктэрин эбэтэр толлубуттар эбэтэр кэриэстэбиттэр, ытыктаабыттар. Онон, бэркиһээн, эбээх диэбиттэр. Эһэ харыстанар аата эбээх*».

В заключении можно сказать, что топонимия любого улуса сохраняет диалектные особенности в лексике, фонетике, морфологии. Монографии уважаемого С.А. Иванова оказывают большую помощь в исследовании топонимии нашей Республики.

Литература

1. Багдарыын Сүлбэ. Талыллыбыт үлэлэр. Т. 2. – Дьокуускай: Бичик, 2013. – 544 с.
2. Быйанныыр: Аллайыаха улууһа / [Хомуйан онордулар уонна суруйдулар: Ширкова-Горохова З.А., Слепцов П.П., Протопопова С.Н.]. – Дьокуускай: Бичик, 2006. – 206 с.
3. Диалектологический словарь языка саха. – Новосибирск: Наука, 1995. – 296 с.
4. Диалектологический словарь якутского языка. – М.: Наука, 1976. – 392 с.

5. Иванов С.А. Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.

6. Ламутской П. Сир иччитэ: Роман. – Якутской: Кинигэ изд-вота, 1987. – 296 с.

А.А. Кузьмина,

Литературный музей им. П.А. Ойунского, г. Якутск

ОСОБЕННОСТИ МОНГОЛИЗМОВ В ЛЕКСИКЕ ЯКУТСКОГО ЯЗЫКА

В трудах С.А. Иванова, способствовавших развитию исторической диалектологии, рассмотрена связь развития якутских диалектов с историей языка. В этом отношении большой интерес представляет его монография «Лексические особенности говоров якутского языка», где отражены лексико-семантические группы диалектных названий небесных тел, атмосферных и природно-климатических явлений, рельефа, животных и растений, жилища и других построек. Здесь также приведены местные названия месяцев, связанные с хозяйственной деятельностью и охотничье-промысловыми занятиями якутского народа [2].

Как верно отмечает исследователь, лексический состав якутского языка достаточно богат, постоянно обогащается новыми словами, но некоторые устаревшие и вышедшие из употребления в одних говорах основы продолжают жить в других говорах, часто в периферийных [Там же]. Иными словами, в лексике отражаются древние лингвистические связи, исторический путь народа саха. С этой точки зрения исследование общего лексического фонда якутского языка, а также диалектных слов представляет особый интерес для развития современной диалектологии.

Лексика якутского языка издавна привлекала внимание лингвистов, этнографов, историков, археологов. Известно, что якутский язык испытал сильное взаимодействие с каким-то монгольским языком. Ст. Калужинский, доказав существование в якутском языке монголизмов старомонгольского происхождения. В своей монографии «Mongolische Elemente in der jakutischen Sprache» он детально исследовал в основном два аспекта – фонетические особенности заимствований и заимствованные морфологические форманты [3]. В заключение автор приходит к выводу, что про-

анализированные слова могли быть заимствованы якутами у монголов не раньше XII–XIII вв. и не позднее XV и даже XVI вв.

Труды другого польского лингвиста М. Стаховского посвящены истории развития якутского вокализма от позднепратюркского состояния до современного якутского [5].

Исследования тюрко-монгольских взаимодействий, проведенные В.И. Рассадиным, показали, что в тюркских языках немалую долю составляют монголизмы, которые относятся не только к средним (XIII в.), но и к более ранним периодам истории. По подсчетам В.И. Рассадина, наибольшее количество монгольских заимствований (около 2500 лексем) обнаружено в якутском языке. Помимо монголизмов в якутском языке, им также выявлены и бурятизмы, которые не употребляются в других тюркских языках [4, с. 177].

Если взять тематическую группу лексики, обозначающей виды рельефа, то по количеству установленных лексем можно предположить, какие формы рельефа были свойственны монголоязычным племенам. *Лесной массив*: як. *ой* ‘лес’ <**hoj*, ср.-мо. *hoi*, п.-мо. *oi* [13, с. 1160], як. *алар* ‘лесок на открытом месте, роща’ <п.-мо. *aral*, мо. *aral*, бур. *alar* ‘остров’ [Там же, с. 314]: *горы, холмы, вершины, низменность, равнина*: в булунском и жиганском говорах в значении ‘поляна’ употребляется монголизм *элэһин* <п.-мо. *elesün* ‘песок’ [13, с. 294]. Интересно употребление в абыйском и колымских говорах слова *мураан* в значении ‘обширное чистое поле, долина’ [11, с. 166]. Отметим, что в якутском литературном языке лексема *мыраан* имеет значения ‘горы, холмы вдоль берега или долины реки, коренной берег, высокая терраса (обычно у рек, текущих по плоскогорью)’. Это слово является монголизмом: **mören* ‘река’, п.-мо. *tören*, мо. *törön*, бур. *müre(n)* [13, с. 935]. Слово *оңхой* в якутском языке обозначает ‘ложбина, овраг’. Это слова восходит к монгольскому *енхойх* ‘быть впалым; глубоко сидеть (о глазах)’ [7, с. 310]. С.А. Иванов предполагает, что это явление объясняется «лексико-семантической контаминацией лексических единиц» [2, с. 183]. Также к этой группе относятся: як. *буом* ‘труднопроходимое ущелье; тропинка в горном ущелье’ <п.-мо. *boyut* ‘мыс, высокий (крутой); ущелье’, калм. *bōt* ‘узкий проход’, мо. *bōt* ‘крутой и высокий мыс’ [3, с. 133-134]; як. *ханчаан* ‘ущелье’ <монг. *qabsal* ‘теснина, ущелье’ [10, с. 331]; як. *мындаа* ‘самая возвышенная часть чего-либо’ <**mundaya* ‘холка (лошади)’, п.-мо. *mundaya* [Там же, с. 939]; як. *дабаан* ‘возвышенность; подъем в гору’ <**daba-* ‘переваливать (через гору)’, п.-мо. *daba-* [Там же, с. 464]. Представляет интерес наличие

названия океана или моря: як. *далай* ‘океан, море’ <**dalaj* ‘море, океан’, п.-мо. *dalai* [13, с. 459].

Наряду с собственно тюркскими наименованиями, в говорах якутского языка употребляются наименования монгольского происхождения, характерные местностям вблизи реки, мелководным озерам с болотистой почвой, мхом: як. *даркы* ‘заросли, валежник’ <**darki* ‘заросли, валежник’, п.-мо. *darki* [Там же, с. 1356]; як. *олом* ‘брод’ <*(h)*olam* ‘брод’, п.-мо. *olam*, мо. *olom*, бур. *olom* [Там же, с. 1051]; як. *элгээн* ‘плоское углубление в поле, небольшое глубокое озеро; овальная низменность на поле, залитая водою’ <**ele-sü* ‘песок’, п.-мо. *elesü(n)* [13, с. 294]; як. *долгун* ‘волна’ <**dolgi-* ‘волна’, п.-мо. *dolgija(n)* [Там же, с. 392]; як. *халаан* ‘паводок’ <**kali-* ‘переливаться через край’, п.-мо. *qali-*, мо. *xali-*, бур. *xali-*, калм. *xälä-* [Там же, с. 635]; як. *нуора* ‘вязкая невысыхающая грязь, болото’ <**nor-* ‘мокнуть, намочить’, п.-мо. *nor-*, бур. *noro-* [13, с. 487]; як. *көһнөх* ‘мох (лесной, водяной)’ < п.-мо. *köbdü, köbke*, бур. *xübxe(n)* ‘мох’ [Там же, с. 802]; як. *ньамах* ‘тина, водоросли, плавающие в стоячей или в малопроточной воде’ <**namug* ‘болото’, п.-мо. *namuу, namay* [Там же, с. 867].

Большое количество якутских наименований с одним и тем же лексическим значением имеют и тюркское, и монгольское, а иногда и русское происхождение по отдельности. Например, такие синонимы зафиксированы в объектах живой природы: **‘рысь’** – як. *үүс* ‘куница, рысь’ ~ тоф. *üs*, ойр. диал. *ūs* // як. *бэдэр* ‘рысь’ <**beder* ‘полоса, пятно’, мо. *bider, beder*, орд. *beder* ‘ornaments on metal or stone’; **‘горноста́й’** – як. *кырынаас* ‘горноста́й’ < русск. ‘горноста́й’; як. *бэлиэлээх* < тюрк. *belge-* ‘знак’+*-лээх* аффикс обладания // як. *үйэн* ‘горноста́й’ < монг. *ūjen* ‘горноста́й’; **‘щука’** – як. *сордон* ‘щука’ <**čortan* 1 ‘угорь 2 ‘щука’, тур. *čortan* 1, тат. *čurtan* 2, хак. *sortan* 2, шор. *šortan* 2, долг. *hordoŋ* 2 // як. диал. *дьорохой* ‘щука’ <**čurukai* ‘щука’, п.-мо. *čurqai, čuruqai*, ср.-мо. *čuraqa*, мо. *čurxaj*, бур. *surxaj*, калм. *čurxä*.

Как известно, синонимы играют большую роль в обогащении словарного запаса якутского языка. Н.Н. Васильевой отмечено следующее: «Выявление источников возникновения синонимии языка способствует глубокому и полному раскрытию природы синонимических отношений в лексической системе языка» [1, с. 36]. Из указанных ею монголизмов, которые составляют синонимы к именам существительным тюркского происхождения, можно привести такие примеры: як. *иңсэ* ‘жадность’ ~ кирг. *еңсэ* ‘иметь страшную жажду’ / як. *соллоң* ‘алчность, ненасытность, жад-

ность' ~ тюрк. *соликан* 'червь (земляной)' / як. *идэмэр* 'жадность, алчность' от монг. *идэ* 'есть, кушать, съесть, пожирать (о животных)'.
Существует полемика об обратном характере заимствований, то есть, некоторые лексемы в монгольском языке являются тюркскими заимствованиями, которые затем проникли обратно в тюркские языки. Дж. Клосон относил монгольское *kirsa* 'степная лиса', п.-мо. *kirsa*, ср.-мо. *kirsa*, мо. *хars*, калм. *kirсэ*, орд. *girsa* [13, с. 651] к ранним заимствованиям из тюркских языков [12, с. 314], которое затем попало в киргизский (кирг. *qirsa*) и якутский (як. *кырса* 'песец') языки. С.А. Ивановым отмечено несколько названий разновидностей песка и объяснены их происхождения: як. диал. *нуораньньык* (алл., ср.-кол.) 'летний песец', 'детеныш лисицы-норника', *тумустаах* (кол., сакк.) 'песец, лисица', *үрүнкээс* (сакк.) 'кырса', *улан кырса* (бул.) *күһүңгү кырса* 'песец осенней окраски' [2, с. 231]

От монголоязычных племен заимствованы основы, обозначающие территории, примыкающие к жилищу, хозяйственные сооружения (*ми-эргэн*, *күрүө*, *дал*, *хаһаа* и т.д.). Свидетельствуют об развитом скотоводстве (*дөрө*, *сүптүр*, *бугул*, *ходуу*, *ходуул*, *ардай*, *балбаах*, *хотуур*, *арал* и т.д.).

Среди них существуют и диалектные названия: як. диал. *хобул*, *хобуул* 'коровьи и телячьи ясли' < п.-мо. *gobuyu*, *gobuya* 'желоб, корыто, колодезная бадья', бур. *ховоо* 'лоток, желоб; кормушка (для ягнят, свиней и телят); колода' [Там же, с. 215]; як. диал. *хараал* 'кораль – большой загон из нескольких отделений для подсчета поголовья оленей' < монг. *харигул* 'загородка, овчарня, свиначник' [2, с. 221]

Особенностью монголизмов в якутском языке является преобладание слов, отражающих верования, обряды, атрибуты религиозного культа, а также философско-религиозные понятия. В якутском языке выявлены следующие слова этой тематической группы: як. *дьай* 'нечисть' < мо. *чай* 'несчастье', бур. *zaj* 'нечисть' [6, с. 286]; як. *туом* 'обряд, часть обряда, укоренившаяся в обычаях народа' < калм., бур. *tōm* 'внимание, глубокое уважение' [9, с. 125]; як. *сиэр* 'обычай, правило' < бур. *sēr* 'запрет, табу', калм. *tsēr* 'целеустремленность, закон' [8, с. 479]; як. *төлкө* 'судьба, участь' < **tölge* 'предсказание, гадание', п.-мо. *tölge* [13, с. 1473]; як. *уруй* 'благопожелание, благословение' < мо. *uraj* 'ура' [Там же, с. 259]; як. *дүңүр* 'шаманский бубен' < **düñgür* 'колотушка шамана', п.-мо. *düñgür*, мо. *dünger* [Там же, с. 1385] и др. Приведенные лексемы относятся к добуддийской религии монголов, что накладывает отпечаток на особенности и характер рассматриваемой лексики. Здесь выделяется значительное количество основ со значением "речевое искусство, познание, абстракт-

ные понятия” (*домоx, үлэ, дорҕоон, үгэ, сэһэн, моxсуо, чинчи, ньыма, сонун, кыдьык, моһол, сэниэ, эрэл, кичэл, сорук*).

Сравнительно-историческое изучение лексики якутского языка, лингвистических контактов народа саха требует дальнейшей реконструкции типов корневых основ, что позволит воссоздать в основных чертах всю сложную историю развития якутского, монгольского, тунгусо-маньчжурского языкови тем самым установить этимологию затемненного состава лексики якутского языка.

Литература

1. *Васильева Н.Н.* Лексические синонимы в языке саха. – Якутск: ИГИ АН РС (Я), 1996. – 116 с.
2. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.
3. *Калужинский Ст.* Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 3 (8). – Якутск: Кн. изд-во, 1961. – С. 5–21.
4. *Рассадин В.И.* Бурятизмы в якутском языке // О.Н. Бётлингк и его труд «О языке якутов». – Якутск, 1972. – С. 167–177.
5. *Stachowski M.* Geschichte des jakutischen vokalismus. – Krakov, 1993. – 207 s.

Источники

6. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. III (Буква Г–И) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2006. – 842 с.
7. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VII (Нь–П) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2010. – 519 с.
8. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. VIII (Буква С) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2011. – 572 с.
9. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XI (Буква Т) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2014. – 528 с.
10. Большой толковый словарь якутского языка: в 15 т. Т. XIII (Буква Х) / под ред. П.А. Слепцова. – Новосибирск: Наука, 2016. – 639 с.
11. Диалектологический словарь якутского языка / П.С. Афанасьев, М.С. Воронкин, М.П. Алексеев. – М.: Наука, 1976. – 392 с.
12. Этимологический словарь тюркских языков. Общетюркские и межтюркские лексические основы на букву «К», «Қ». – М.: Языки русской культуры, 1997. – 388 с.
13. Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. – Leiden, 2003. – 1556 с.

Р.П. Кузьмина,
ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТА «СНЕГ» В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКИХ ЖАНРАХ ЭВЕНСКОГО ФОЛЬКЛОРА

В языковой картине мира эвенов зафиксировано мировоззрение и представление об окружающем мире миноритарного этноса, живущего на бескрайних просторах Крайнего Севера. По Вильгельму фон Гумбольдту, «языки – это иероглифы, в которые человек заключает мир и свое воображение; при том, что мир и воображение, постоянно создающее картину за картиной по законам подобия, остаются в целом неизменными, языки сами собой развиваются, усложняются, расширяются. Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем; и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки в отчетливых и действенных чертах дают нам различные способы мышления и восприятия» [4, с. 349].

Самым характерным признаком зимы в языковой картине мира эвенов является снег. У народов Севера наименования снега представлены весьма разнообразно. В эвенкийском языке А.Н. Мырева выделяет 50 названий снега, в эскимосском языке – 20 наименований [7], в якутском языке С.А. Иванов выделяет свыше 20 наименований снега [5, с. 174].

Общее название снега в говорах и диалектах эвенского языка имеет следующие фонетические варианты: *иманра* Ол, П, *им'анд'а* Алл, М, Т, Н-К, *иманна* Ох, Б, *имондо* Ск, Лам, *имса* Арм [9].

В эвенском языке снег получает название по своему размеру, форме, по глубине, по времени выпадения, по своему слою, плотности, по времени таяния, по месту, где лежит, и репрезентируется следующими лексемами: *емсамлан* Арм «снежный»; *иманан'на* Ол, Алл, Б, М, П, Т, *имонануо* Лам, Ск «снегопад»; *иманракакан* Ол, *имандаккан* Алл, Н-К, *имандоккан*, *имондокакан* Лам, Ск, *иманнакакан* Б «снежинка»; *иманралкан* Ол, *имандалкан* Алл, Т, Н-К, *иманналкан* Б, *имондолкан* Лам, Ск «снежный»; *иматиу* «завалинка (снежная)»; *хиуилгэн* «снегопад»; *намас*, *намасак* Ол, Б, М, П, *намос~намоһ* «снег (глубокий)»; *ирпи* «свежевыпавший снег»; *ууу* «затвердевшая куча снега, занесенная ветром»; *ууутла* «снег в местности скученный, местами гладкий, ровный, неглубокий»; *ауар* «снег, истоптанный оленями»; *боглур* «снег, тающий по тропе, доро-

ге»; *буркутла* Ол «снежный ком»; *бот* «град, снег с градом»; *умкат*, *умкот* Лам «снег на деревьях, пнях»; *умкач*, *умак* «большое скопление снега на деревьях»; *хэнкэгэ* Ол, Ск, Лам, М, *хэнкэкэн* Ох «рыхлый снег»; *чөнир*, Арм *солир* «глыба снежная, навес снежный»; *чунир* «сугроб»; *элэн* «целина (глубокий снег), бездорожье»; *өлөмдө* Лам, Ск «целина (глубокий снег), бездорожье»; *хэнкэбэ* Ох «рыхлый снег»; *чиччан* Ск «снег (утоптаный, твердый)»; *онир* «снег, не тающий летом на горах»; *онирсаг* «местность с изобилием снеговых бугров»; *буркун* Ол, П, М, Ск, Лам «выпадение первого снега; метель»; *буркутла* Ол «снежный ком» [Там же].

В паремиологических материалах эвенов самое большее количество загадок *уэнукэр* зафиксировано о снеге, являющемся предвестником зимы, защитником от холода и мороза, укрывающем землю своим теплым одеялом из белого заячьего меха и ассоциирующемся по своей белизне с белым заячьим мехом: *Кунтэкэнэт мунрукасач дассан (тугэни)* [3, с. 129] / «Наша поляна заячьей шкуркой покрылась (зима)»; *Тугэниду хялтадук дасуччоттан, аййоттан; нэлкэ ноун хөррөттэн (иманра)* [Там же, с. 82] / «Зимой защищает от мороза, помогает, весной он уходит (снег)»; *Нёбати хулракан төрү даскаран.Нёлтэн дулракан тарак-та ачча огран (иманра)* [Там же, с. 12] / «Белое одеяло землю покрывает. Солнце согревает – оно исчезает (снег)».

В загадках лексема *иманра* «снег» чаще всего используется с прилагательным *нёбати* «белый», образуя аналитическую конструкцию *нёбати иманра* «белый снег», и наделяется зооморфными чертами:

Небати биникэн эсни мунрукан бис, дэгри-дэ биникэн эсни дэги бис. Тарак як? (Иманра) [Там же, с. 69] / «Белый, а не заяц, летающий, а не птица. Что это? (снег)»;

Нёбати, эсни-дэ мунрукан бис, дэгсэн, эсни-дэ омуэти бис (иманра) [Там же, с. 103] / «Бел, а не заяц, летит, а не чайка (снег)».

В некоторых загадках используются суффиксы *гачин/-гичин*, *-гчин* для сравнения снега с чем-либо: *Гөли ибдириг бэю, хакаргачин нёбатив (иманра)* [Там же, с. 115] / «Назови неизвестного, белого, как сахар (снег)»;

В эвенских загадках снег наделяется антропоморфными чертами:

Бэйдиди мөдук балдача биникэн, мөч үэлрэн (Иманра) [17, с. 300] / «Сам в воде родился, но воды боится (снег)».

В зафиксированных паремиологических материалах встречается довольно много примет, где предвестниками плохой погоды являются не только домашние животные, но и весь окружающий животный мир: *Орон*

һурканнокон – буркун тикчин [8] / «Если олень прыгает – будет метель»;
Үин уиннюн эвикэттэкэн – н`амуолтон учаюлбон. Ирүлду биһөкөн – удон одни, тугө биһөкөн – буркун [Там же] / «Если собака с собакой играют – погода испортится. Если летом – будет дождь, если зимой – метель»;

Өлики боло һэргинук өгилэ (суһугураникан) игэлкэнэт ойчиракон, төрэнтэкэн – иуэйэлдэй гөнүэр [Там же] / «Если осенью белка снизу с шумом поднимается – к холодам говорят»; *Боло (в сентябре) эрбэтэл өгили дөврөкөтнө – имондо амарра тикчин. Һэргили дөврөкөтнө – хотуру тикчин* [Там же] / «Осенью (в сентябре) гуси высоко летят – снег позже выпадет. Если низко летят – скоро выпадет (снег)».

В художественном дискурсе, где темой творчества выступает «Зима», наиболее используемым эпитетом является *нёбати иманра* «белый снег» и *гелбаты иманра* «чистый, светлый, прозрачный снег»:

Нёбати иманра ач муднач гиркуттэн [7, с. 4]... / «Без конца и края стелется белый снег...».

<i>Аике гелбэти</i>	«Прекрасный прозрачный, чистый
<i>Хэүкэгэ иманра</i>	Рыхлый снег
<i>Төрынут дасча</i> [2, с. 72]...	Укрыл землю...».

В художественных произведениях при описании снега используются суффиксы сравнения и подобия -мдас:

<i>Иманрамдас гелбаты</i>	«Белый, как снег,
<i>Хонүачакан балдача</i> [6, с. 139]...	Олененок родился...».

Таким образом, концепт «Снег» является одним из универсальных концептов в национальной культуре эвенского этноса. Паремииологические материалы и художественная литература, репрезентирующие данный концепт, характеризуют восприятие окружающей среды, специфику этнического мировоззрения эвенов.

Источники

1. *Бокова Е.Н.* Дюганиңи дэнтүрам: стихи. – Якутск: Бичик, 2011. – 96 с.
2. *Бокова Е.Н.* Херилбу, инилбу одяла: стихи. – Якутск: Бичик, 2013. – 96 с.
3. *Бурькин А.А.* Малые жанры эвенского фольклора. – СПб: Петербургское востоковедение, 2001. – 288 с.
4. *Гумбольдт В. фон.* Языки и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 449 с.
5. *Иванов С.А.* Лексические особенности говоров якутского языка. – Новосибирск: Наука, 2017. – 392 с.

6. *Кривошапкин А.В.* Песни Севера: стихи. – Якутск: Бичик, 1995. – 256 с.

7. *Мыреева А.Н.* Особенности лексики эвенкийского языка // Материалы конференции, посв. 100-летию со дня рождения проф. В.И. Цинциус (13-14 октября 2003). – СПб: Наука, 2003. – С. 134-138.

8. Полевой материал автора статьи Кузьминой Р.П. Интервью в местн. Эдыбал Республики Саха (Якутия): записано 14 сентября 2005 г.

9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: в 2 т. – Л.: Наука, 1975.– Т. 1. А-Н; 1977. – Т. 2. О-Э.

10. Фольклор эвенов Березовки (образцы шедевров) / сост. д.филол.н. В.А. Роббек. – Якутск, 2005. – 360 с.

В.Г. Попов,

ИГИиПМНС СО РАН, г. Якутск

К ЭТИМОЛОГИИ СЛОВА ОЛОНХО

В 2005 году якутский героический эпос *олонхо* был объявлен ЮНЕСКО одним из шедевров устного и нематериального наследия человечества. Достоин удивления тот факт, что до сих пор в изданиях, посвященных *олонхо*, не приводится полный этимологический анализ этого слова. В данном кратком сообщении мы затронем историю вопроса, а также приведем некоторые свои соображения, касающиеся дальнейших направлений этимологического поиска.

Рассматривая труды исследователей прошлых лет, мы находим следующие сведения. В «Словаре якутского языка» Э.К. Пекарского *олонхо* сравнивается с кирг. *өлөн* ‘четверостишие, песня, стихи’. Приводится также фонетический вариант *ононхо* [5, с. 1818]. В этимологическом словаре тюркских языков Мартти Рясянена приводится казах. *өлөн* ‘Lieder-nausviereiligenstrophen, indenendererste, zweiteundvierte Verseinen Endreimnaben (wiebeiosm. *manı* ‘liedern’)’ (Букв.: песня из четырехстишия, в котором первый, второй и четвертый стих доводят конечную рифму (как при осм. *manı* ‘песня’) – перевод В.П.), а также сравнивается со знаком вопроса с якут. *олонхо* [6, с. 371]. Попытку объяснить *-хо* сделал Н.К. Антонов, сравнив все так же с казах.-кирг. *өлөн* ‘песня’ + *-ко* (является реликтом общетюрк. *кош* ‘слагать, сочинять (стих песню)’. Далее автор сообщает: «Отсюда якутские *коһуй* ‘слагать стих, песни; воспевать’;

коһоон ‘стихотворение’ (< тюрк *кошуб* ‘стихотворение, поэма’; *кошак* ‘историческая песня’. Таким образом, мы считаем, что якутское *олонхо* – сложное слово, состоящее из исконных тюркских основ *өлөн* ‘песня’ + *коһоон* ‘стихотворение, поэма, историческая песня’. Впоследствии это слово утратило элемент *-һоон*. То есть здесь имеет место стяженная форма *олонхолоо* ‘сказывать *олонхо*’, сходная с формой *сөтүөлээ, сүтүөлээ* ‘купаться’ от *су* (тюрк. *су* ‘вода’ – примеч. В.П.) + *түһүөлээ* < тюрк. *суба түшгүлэ* – ‘купаться’) [1, с. 26].

Гипотеза о киргиз.-казах. *өлен* ‘песня’ [4, с. 75], как основе слова *олонхо*, действительно, более чем заслуживает внимания. Если брать само слово *өлен*, то, вероятно, оно родственно с *ор* (производное: тюрк. *орла* ‘вопить, кричать’) и **ыр* ‘петь’. Здесь мы наблюдаем явление лямбдаизма и ротацизма. Ср. якут. *ырыа* ‘песня’, *ыллаа* ‘петь’. Вопрос об окончании *-хо* в *олонхо* остаётся открытым. Гипотеза Н.К. Антонова о стяжении не объясняет выпадение *-һоон* в *коһоон*.

Из этого же ряда ранние авторские объяснения автора доклада: кыпч. *өлен* ‘песня’ + якут. *куо* ‘красавица’ < телеут. *ко, коо* ‘прекрасный, гармоничный’ [5, с. 1220] < *гоё* ‘красивый, чудесный’ [3, с. 119], *гуа* ‘великолепный, красивый’ [3, с. 124]. Т.е. ‘песнь (сказание) о красавице’, ведь сюжет многочисленных *олонхо* один и тот же: вражеский воин-демон похищает красавицу, а дальнейшее повествование строится на её спасении из рук врага главным героем.

В связи с упоминавшимся ранее фонетическим вариантом *ононхо* напрашиваются параллели с бур. фольк. *онтохон* ‘сказка. былина’ [2, с. 358]. Поскольку это слово в других монгольских языках не имеет параллелей и распространен преимущественно у западных бурят – эхиритов и булагатов, имеющих некоторую генетическую, культурную и языковую связи, то можно предположить, что оно связано с якут. *ононхо*.

Есть ещё одна интересная гипотеза, не раз обсуждавшаяся нами с юбиляром д.филол.н. Спиридоном Алексеевичем Ивановым в кулуарных беседах. Казахский героический эпос о богатыре *Аланкай-батыр* во многом сходен с сюжетами якутского *олонхо*: описание места рождения богатыря, его самого и деяний структурно мало отличаются в этих двух эпических традициях. Давайте обратим своё внимание на собственное имя богатыря *Аланкай*. Обращаясь к явлению аканья и оканья в диалектах якутского языка и тюркских языках, прекрасно описанному С.А. Ивановым, мы увидим, что *аланкай* при выпадении ауслузного *-й* превращается в **аланка* – акающую, вероятно, архаичную фонетическую форму современного *олонхо*.

Дальнейшие исследования в данном направлении весьма интересны и перспективны.

Литература

1. Антонов Н.К. Заметки об эпосе якутов // Советская тюркология. – 1974. – №1. – С. 25-28.
2. Бурятско-русский словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1973.
3. Монгол-орос толь. – М., 1951.
4. Орысша-казакша сөздiг. II том (О-Я). – Алма-Аты, Казак совет энциклопедиясынын бас редакциясы, 1981.
5. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. – 2-е изд. (фотомех.). – М., 1959.
6. Rasanen M. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs des Turksprachen. – Helsinki, 1969.

Е.И. Оконешников,

ИГиПМНС СО РАН, г. Якутск

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС К Э.К. ПЕКАРСКОМУ В ОЗНАМЕНОВАНИЕ ЕГО ОТЪЕЗДА ИЗ ЯКУТИИ В САНКТ- ПЕТЕРБУРГ

Многоуважаемый Эдуард Карлович!

Четверть века тому назад Вы прибыли сюда к нам, в этот суровый и неприветливый край, молодым и полным энергии и сил человеком. Конечно, не по своей доброй воле, не для широкой умственной и общественной деятельности поселились Вы среди нас и избрали нашу убогую страну своей второй родиной. Нет, не эти лютые -50° морозы, замораживающие человеческую кровь, не этот беспросветный мрак невежества, заглушающий всякие проблески человеческого ума – могли привлечь Вас сюда: то было последствие тяжелого бюрократического режима, окутавшего свинцовым мраком пробуждающееся самосознание русского народа и племен, связанных с ним своей судьбой. Действительно, средство оказалось верным: немало пылких юных сердец приняла в свои холодные объятия наша бедная родина, невольная виновница страданий жертв искушения; немало она схоронила в своих недрах светлые упования и высокие порывы к великим идеалам человечества. Таким образом, начало Вашего пребывания в нашей угрюмо-молчаливой тайге, среди нас – лю-

дей, всю свою жизнь неустанно борющихся с безысходной нуждой и невыносимо тяжелыми условиями, не могли предвещать Вам ничего утешительного впереди, и тем более, манить какой-либо надеждой, что эти именно условия создадут ту почву, на которой расцветут Ваши дарования и выдающаяся способность достигать намеченной цели, несмотря на все те лишения, несмотря на всю ту нужду, которые Вы должны были испытать здесь.

Как прозрачный горный ручей ищет выхода из-под ущелья и, найдя какую-либо незаметную расщелину, низвергается широким истоком, питая засохшие поля, так и Ваша жаждающая кипучей деятельности натура нашла в нашей убогой жизни достойную себе работу.

Мы глубоко верим, что она займет подобающее место в истории нашего народа, если ему не суждено играть какую-либо роль в мировом шествии народов, то, по крайней мере, Ваша работа будет служить памятником его былого существования, а мы будем утешаться мыслью, что наш бедный, но милый нашему наболевшему сердцу язык, которым мы выражаем наши редкие радости и наши многообразные страдания, останется сохраненным навсегда.

Мы говорим о Вашей удивительной по своей кропотливости, замечательной по продолжительности работе по собиранию нашего фольклора и по составлению Словаря нашего языка, над которым Вы трудились неустанно целых 24 года и провели самые лучшие годы свои. Этот капитальный труд один, не говоря о других отраслях Вашей деятельности среди нас побуждает выразить Вам, при разлуке с Вами, нашу искреннюю и глубокую признательность за Ваши труды и высказать наше душевное пожелание, чтобы дальнейшая Ваша деятельность на новом месте, так удачно совпавшая с грядущим обновлением общественной и государственной жизни на всем пространстве Российской империи, соединяющий в себе разные племена и народы, и освобождением от стальных целей бюрократического произвола, была такой же плодотворной, как и раньше.

Просим Вас, Многоуважаемый Эдуард Карлович, и вдали от нас не забывать наш бедный и несчастный народ, мы же сохраним о Вас в наших сердцах самые лучшие воспоминания.

Август 2 дня 1905 г. г. Якутск.

Почетный Якут, бывший Голова Дюпсинского улуса, Член-соревнователь Императорского Русского географического общества,

Председатель Якутского Сельскохозяйственного общества

В.В. Никифоров.

Краткие комментарии и примечания

Деловое сотрудничество В.В. Никифорова с Э.К. Пекарским началось с организации Якутской сибиряковской экспедиции (с 1894 г.) и продолжалось до 1928 года. Ниже приводим отрывки из их переписки, имеющие отношение к указанной теме.

Постановлением Якутского правительства от 11 апреля 1924 г. Э.К. Пекарскому было назначено ежемесячное пособие в размере 25 рублей. В одном из писем Василий Васильевич поздравил Э.К. Пекарского с назначением ему ежемесячного пособия. В ответном письме Э.К. Пекарского находим, в частности, следующие слова: «... Ваше поздравление с назначением пенсии напомнило мне то незабываемое время, когда Вы так красочно охарактеризовали мои работы по изучению языка и края еще 1905 году в поднесенном мне адресе, который храню, как сокровище и который до сих пор был для меня, так сказать, духовной наградой. Теперь к ней присоединяется и награда материальная, на которую я не рассчитывал, но которая является доказательством того, что мои труды не забыты и по-прежнему ценятся».

В другом письме к В.В. Никифорову от 13 июля 1924 г. говорится: «... в составленном Вами сказано уже так много, что моя скромность несколько не пострадает, если Вы сочтете нужным повторить то же в печати даже при моей жизни, которая действительно была отдана облюбкованному делу... Словарь у меня на первом плане, и мне просто трудно теперь отвлекаться даже на писание писем».

Провожу отрывок из письма В.В. Никифорова от 8 июля 1924 к Э.К. Пекарскому, где читаем: «... я остаюсь и теперь, как 20 лет тому назад, когда в числе немногочисленной якутской группы интеллигенции подносили Вам адрес, убедительным сторонником того, что Вы были одним из создателей и основателей якутской письменной литературы».

Э.К. Пекарский вошел в историю отечественной и мировой тюркологии как создатель фундаментального «Словаря якутского языка» в 13 выпусках. В нем зафиксировано около 38 тысяч словарных единиц, состоящих из знаменательных, служебных и вариантных слов. В целом в «Словаре» нашло точное и максимально точное отражение в синхронном срезе бесписьменное состояние якутского языка дореволюционного периода.

Современным читателям еще раз напомним, что якутская интеллигенция еще тогда, в 1905 году глубоко понимала научное и практическое значение трудов Э.К. Пекарского и впервые от имени народа саха из уст

его лидера Василия Васильевича Никифорова прозвучали удивительно проникновенные слова признательности, благодарности и восхищения.

Источники

1. Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Ф. 202, Оп. 1, Д., 114, Л. 133-135.

2. Переписка Э.К. Пекарского с представителями якутской интеллигенции // Санкт-Петербургский филиал архива РАН, Ф. 202, Оп. 1, 2.

Научное издание

**КОРЕННЫЕ НАРОДЫ ЯКУТИИ:
ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ДИАЛЕКТЫ**

Сборник научных статей

Издатель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Адрес: 677027, Якутск, ул. Петровского, 1
Тел: +7 (411) 236-14-49
Официальный портал: www.igi.ysn.ru